

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ДРОН

№1 (6) 2024

В.М. Васнецов «Ковёр-самолёт»

Белгород

К 225-летию А.С. Пушкина

Если выстоять нужно,
Как в окопе, в судьбе,
«У России есть Пушкин!» —
Говорю я себе.

Чуть подтаяли силы,
Не ропщу, не корю,
«Пушкин есть у России!» —
Как молитву творю.

...Есть и правда, и сила
На российской земле,
Коль такие светила
Загорались во мгле.

Глеб Горбовский

ДРОН

№1 (6) июнь 2024 г.

ISSN 2587-7178

9 772587 717008 >

Литературно-художественный журнал

Выходит два раза в год. Издаётся с 2021 года

Учредитель:

Белгородский центр
литературы и искусств.

Редакторы:

Л. П. БРАГИНА,
О. С. РОМЕНКО

Редакционный совет:

О. М. БОРИСОВА,
А. А. БУСС,
Д. А. ИГНАТОВ,
В. Я. КУЗНЕЦОВ,
А. В. НОВИКОВ,
М. В. СТРУКОВА.

Для писем:

60267@mail.ru

Журнал в интернете

<https://dronjournal.ru/>

<https://magazines.gorky.media/>

<http://litbook.ru/>

<http://lit-web.net/>

Пописано в печать 12.05.2024

Формат 600x840 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Cambria. Усл. п. л. 17,58.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ИП Зуев А. А.

410071, г. Саратов, ул. Рабочая, 190.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературный Дрон

*«Друзья мои,
прекрасен наш союз!»* 4

Здравствуй, Пушкин!

Здравствуй, добрый гений!

Валерий ХАТЮШИН

Моя Пушкиниана..... 5

Николай ПЕРЕСТОРНИН

Благодарение.....10

Белгородская черта

Людмила БРАГИНА

Кот Пандоры.....16

Олег РОМЕНКО

Белое пятно науки.....31

Надежда СМАГЛИЙ

Когда улетают аисты46

Венок Пушкину

Владимир МОЛЧАНОВ,

Людмила БРАГИНА,

Марина ВОЛКОВА,

Натали СИЛАЕВА,

Сергей ВЕДУРГ,

Анастасия ЦУНЕНКО,

Карина СЕЙДАМЕТОВА.....58

Города и веси

Любовь НОВГОРОДЦЕВА

Питомцы.....63

Елена ВЕЛИЧКО

Василий Попугаев и

ученик чародея.....95

Вячеслав КИЛЕСА

Дачная история 112

Алёна РОДИОНОВА-КРЫМСКАЯ <i>«Это космос, детка!»</i>	119
Владимир ЗЮСЬКИН <i>Сделка</i>	131
Никита НИКОЛАЕНКО <i>Последний подвиг старого матроса</i>	137
Там на неведомых дорожках	
Марина СТРУКОВА <i>Кот учёный</i>	182
Грани самоцветов	
Иван НЕЧИПОРУК <i>Ощути Вселенную свою...</i>	104
Роман КРУЧИНИН <i>Моя усадьба — вся Россия...</i>	124
Алексей БУСС <i>Пойдём же по улочкам топать...</i>	176
Владимир КВАШНИН <i>Отрыдали над тундрой метели...</i>	200
Полёт навигатора	
Дмитрий ИГНАТОВ <i>После них был потоп</i>	204
Соловьиный край	
Валентина ТКАЧЁВА <i>«Курский соловей»</i>	214
Александр ГОЛОЗУБОВ <i>Весною льётся Божий свет...</i> ..	219

Жанна ГЛАДЧЕНКО <i>Небо над Россией, как платочек синий...</i>	222
Юрий БУДЯНСКИЙ <i>Эти серёжки — носить бы принцессам...</i>	225
Галина ХМЕЛЕВСКАЯ <i>Я росой умоюсь, солнцу поклонюсь...</i>	229
Живая вода	
Ольга КОРОВИНА <i>Гений и его цензор</i>	232
Валентина ПАВЛОВА <i>А. С. Пушкин — С. С. Косенков. «Цыганы»</i>	236
Луч света	
Владимир ЗЮСЬКИН <i>Русская муза</i>	246
Галина СТРУЧАЛИНА <i>По случаю...</i>	252
Всадник без головы	
Людмила БРАГИНА, Олег РОМЕНКО <i>«Аргамак» принимает к ветру</i>	255
Нескучный юмор	
Алексей ИЛЬИЧЁВ-МОРОЗОВ <i>Мужицкая смекалка</i>	265
Авторы номера	268

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДРОН

«ДРУЗЬЯ МОИ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ!»

Писательские объединения известны с незапамятных, почти мифических времён. Ещё во II в. до нашей эры сторонники и любители комедии Плавта объединялись и дружили против сторонников Теренция, как сейчас сетевые любители фанфиков по Гарри Поттеру занимаются сочинительством в своём фэндоме, куда закрыт вход любителям «Игры престолов»...

Что же стоит у истоков группирования самых нестойких человеческих существ поэтического и прозаического склада: желание расположить к себе покровителей-меценатов, испытать ощущение принадлежности к высшей касте, расчёт на одобрение довольно тесного и лично по именам известного круга читателей и друзей?

Чем бы это ни было, смысл имеет не союз для союза, а такое объединение, когда писатели могут обращаться к широкой аудитории и оказывать влияние на общественное мнение. И как пример, кружки, группировавшиеся вокруг редакций виднейших журналов: «Москвитянина», «Современника», «Русского слова», «Отечественных записок»... И пусть сегодняшние журналы переживают не лучшие свои времена, мы полностью придерживаемся этой точки зрения.

А ещё мы призываем наших друзей объединяться вокруг литературного наследия А. С. Пушкина, которому и посвящён шестой номер журнала «Дрон». Александр Сергеевич не только великий писатель, но ещё и основатель литературного русского языка. И эту его неоценимую заслугу лучше всех понял Достоевский, сказавший: «Не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов».

И сейчас, когда мы пишем эти строки и слышим за спиной взрывы новых прилётов по Белгороду и вой, сводящей с ума сирены, хотим напомнить нашим современникам об одном очень важном завете Пушкина: «Говорят, что несчастье хорошая школа; может быть. Но счастье есть лучший университет». Русский читатель устал от депрессивной литературы, и если Пушкин, по определению Гоголя, это русский человек двести лет спустя, то пора уже русским писателям заканчивать эту «хорошую школу» страданий и поступать в университет имени «Солнца русской поэзии».

Валерий ХАТЮШИН*МОЯ ПУШКИНИАНА***БАХЧИСАРАЙ**

В разгаре солнечного лета,
объехав морем южный край,
былой дорогою Поэта
я посетил Бахчисарай.

Все принижается, старея...
Столица Крыма, груды скал...
Я на могиле Хан-Гирея
без интереса постоял.

Я видел тайные чертоги,
его дворец, его шатры...
И здесь я был судьей не строгим
жестоким нравам той поры.

Но то, что в душу мне запало,
о чем не мог помыслить хан, —
под сводом древнего портала
я видел мраморный фонтан.

Живой фонтан Бахчисарая!
Что наречен фонтаном слез.
Где капли падают, стекая
по лепесткам печальных роз.

Что вспомнил Он? Какие грезы
здесь русский гений пережил?
Так и лежат две свежих розы
с тех пор, как Он их положил.

И будут вечно слезы падать
из этих мраморных глазниц,
и человеческая память
не обретет себе границ...

ПУШКИН

Летящий сквозь громады лет,
огнем небес отмечен,
поэт в России, он — п о э т,
не больше и не меньше.

Он и творец, он и боец,
певец, гонец победный,
а выше — только лишь Отец
и Сын, и Дух Заветный.

Есть слово-символ, как пароль
для всех в России, — Пушкин.
За вечную любовь и боль
нальем по полной кружке.

Когда земные времена
погрязнут в общем блюде,
его строка, хотя б одна,
но в русском сердце — будет.

И пусть во власти высших сил
течет веков громада, —
останется: «Я вас любил...»,
и большего — не надо.

ВЕЧНОЕ ОБВИНЕНИЕ

И Франция, добыча славы...

А.С. Пушкин

В Святых Горах — метельная завеса,
под ней — Поэта снежная постель...
Никто из русских не убил Дантеса,
за Пушкина не вызвал на дуэль.

И потому кровь русского Поэта
взывает к чести, Франция, твоей.
Была не раз ты Пушкиным воспета,
упившаяся гордостью своей...

Не знала ты любви к чужому сыну:
чужая гордость — пустота и тлен.
Нет, не взошел Дантес на гильотину
и сохранил свой титул Геккерен.

Убийцу сам король вниманьем нежил,
достиг он всех чинов, что свет сулил...
Как жалко мне, что я в те годы не жил
и низкий лоб его не прострелил.

...А воздух тут пропитан общим горем,
и как тогда, январская метель
метет, метет над светлым Святогорьем,
стеля Поэту снежную постель...

СУДЬБА

Сраженный, как и он, безжалостной рукой...

М.Ю. Лермонтов

Поэт с собой уносит тяжесть
поруганного идеала...
Одна рука, одна и та же,
поэтов русских убивала.

Она всегда была проворной
и хладнокровной в высшей мере,
верна себе на речке Черной,
на Машуке и в «Англетере».

И не однажды будет точной...
Ведь ей без жертвы нет покою...
Разит она не в схватке очной, —
чужой, предательской рукою.

И Пушкин понимал все это,
судьбу предчувствуя заране,
ту, что российского поэта
достанет даже в Тегеране...

И что б ни делал, где бы ни был,
он всех вернее знал в России,
что рок ему готовит гибель,
а пред судьбой и Бог бессилён...

Судьбой ему повелевалось
оставить подлость без ответа,
чтоб черной кровью не смывалась
кровь неотмщенного поэта...

ДВА ДНЯ

Как часто высший промысел сокрыт
на много лет для нашего сознания...
На Чёрной речке Пушкин не убит.
Бог дал ему два дня для покаянья.

Два долгих дня дарованы ему —
спасительных, мучительно-высоких...
И чтоб душа не сорвалась во тьму, —
духовнику открыл он своему
и в боли сжёг отвратные уму
грехи свои за все земные сроки.

Чтоб мог исполнить он завет царя:
«Прошу, мой друг, умри как христианин»,
когда еще пытались лекаря
утишить боль его на смертной грани.

Счастливый жребий, нет, его не спас.
Не спас и перстень Лизы Воронцовой...
Ему спасеньем стал пустынный глас:
«Моей исполнись волею суровой!»

В немой тоске, собрав остаток сил,
он внял, сражѐнный, неземному гласу.
И, в мыслях месть таившему, Данзасу
сказал: «Не надо мстить. Я всех простил».

И вот уже из близких никого
не узнавал он, что-то где-то слыша...
И на словах последних: «Выше, выше...»
душа, чиста, оставила его...

* * *

Все игрушки-ловушки,
все наши дела — трын-трава.
У России был Пушкин,
и этим Россия жива.

Ни ракеты, ни пушки
не значат для нас ни рожна.
У России был Пушкин,
и этим спасется она!

Николай ПЕРЕСТОРОНИН

БЛАГОДАРЕНИЕ

Спасибо, Родина, за Болдино,
За золотые купола,
Когда возвышенно и подлинно,
Шуршит листва,
Звучат слова.

За этот дар
Благословенный,
За вдохновения зарю,
За русский гений,
Свет нетленный,
Благодарю, благодарю...

Вот и открылась дверь спасения,
Дарит жизнь всещедрою рукой
Золотую сенью вдохновения
Наидрагоценнейший покой.

Листья оброненные шуршали,
Будто бы Лучинник обожгли.
Мы ему ничем не помешали,
Мы ему ничем не помогли.

Старая ветла, горбатый мостик,
Гладь пруда, распахнутость земли.
Просто мы пришли к поэту в гости,
Жданные-нежданные? Пришли...

Жизнь бы здесь прожить, да будет мало,
Дверь еще чуть чуть приотвори.
Как глава десятая пылала
Осень вдохновенья и любви.

Так ли прежде мою родину держали –
В недоверии, в неведении, во лжи?
Но поэзией разбуженный Державин
Восклицает радостное: «Жив!»

Смуглой юности уже мирить, взрослея,
Дал пророчеств и действительности близь,
По ступенькам Царскосельского лица,
Выбегая в ослепительную жизнь.

Последний день святой недели,
Он вышел в монастырский двор.
Мели дуэльные метели.
О горнем духе, брэнном теле

Вели мятежный разговор.
А здесь – Великого покоя
Во всём сбывается канон
И с колоколен Святогорья,

Благословенный перезвон.
За всё платить – не хватит денег.
Но сосчитает кто потом,
Что тридцать семь крутых ступенек

Вели на Святогорский холм.
И вносит, следуя закону,
(Ещё одна забота с плеч)
Шандал, червонец и икону,
За то, чтоб в землю эту лечь.

На Чёрной речке быть убитым.
А на земле – куда с добром,
Но золотом и малахитом,
Но бронзою и серебром,

Он воздаёт тебе, обитель,
За золотистый и сухой
Песок покоя...
Небожитель,
Ещё он платит за покой.

А солнце дважды в день не всходит,
Но не прибудет в жизни зла,
Пока в поэзии, в природе
Звонят, звонят колокола.

И звон плывёт над Святогорьем
Пасхальный звон, предвечный миг.
...Мать умерла и в этом горе
Он цену бытия постиг.

Не потому что был горд,
Просто смертельно устал,
Только и вымолвишь: «Чёрт
Дар здесь метать догадал».

Бисером сыплется снег,
Щурится вслед Натали,
Но, близорука, как век,
Что отпускает с земли.

Легче, чем камень с души,
Пулей соперника снять,
Чёрная речка спешит
В Белое море впадать.

Русское солнце взошло,
Стало бы быть по сему
Целится меткое зло –
Не промахнутся ему.

Отблеск на смуглом челе,
Вспомнишь: «Пора, брат, пора...»
Так повелось на земле:
Промах – планида добра.

Впрочем, всё в Божьих руках,
Выпадет милостней век
А во Святых-то горах
Мрамором вытает снег.

Вера превыше всего.
Больно Россию любить.
А дуэлянта того
Бог догадал не убить.

Как перо гусиное летело
Начиная с чистого листа,
А душа покоя ли хотела
Или верить, что она чиста.

Только вышло всё не понарошку,
Эту боль уже не раздышать,
Золото-янтарную морошку
С ложечки серебряной вкушать.

Только чтобы там не говорили,
На краю заснеженной земли
«Пушкин, Пушкин, что мы натворили!»
Одиноко вскрикнет Натали.

Одиноко топчется Никита,
Будто тоже в чём-то виноват.
А душа восходит, дверь открыта.
Зимние ступени. Снегопад.

Приземистые вятские дома
Занесены снегами в пол-окна.
Как будто петербургская зима
Наталья Николаевна бледна

Навеки никакой за ней вины.
Она одна скучает на балах
И локоном нежнейшей седины
Растает вятский снег на волосах.

И будущее памяти ясней,
И прошлого дописана глава,
И будут вечным памятником ей
Коленопреклоненные слова.

«Гли-ко, до чего ещё баская!»
Вятский говор доносился вслед.
Гончарова, Пушкина, Ланская...
«Ангел мой!», - как говорил поэт.

«Ангел мой!» и крылья кружевные.
«Ангел мой!» - и речи серебро.
Заглушали сплетни ножевые,
Растворяли ревности тавро.

А сюда была дорога гладка,
Ни одной морщинки на челе.
«Ангел мой, ещё свободна Вятка-
Место нашей встречи на земле!»

Моя фантазия в ударе,
Живу, не ведая забот,
Веселый Пушкин в боливаре
По вятской ярмарке идёт.

А на горе Свистунья свищет
Даст Бог, прогонит и чуму.
Скучал в Михайловском, а нынче
На Вятке нравится ему.

А день осенний, как весенний,
Согретый солнечным теплом.
На то и Пушкин – русский гений
И нет преград ему ни в чём.

А сам как будто и не знает,
Где повстречает Натали.
В сад Александровский вбегает:
В ротонде, матушки мои!»

Людмила БРАГИНА

КОТ ПАНДОРЫ

Первым её домашним питомцем был пещерный кот, добытый своими руками. Он стал родоначальником одной курицы, семьи волнистых попугаев, четырёх собак и питомника шиншилл. Но это в будущем.

Как такое может случиться, тогда не знал никто: ни белый, пушистый и совершенно дикий кот, которого увидела в этот судьбоносный майский день Лида, ни её мама и бабушка, поспособствовавшие началу этой длинной цепочки познания мира и себя.

Город располагался в низине между двух рек, где ему было уже тесно, поэтому он интенсивно строился и расширялся. Большой котлостроительный завод, где работала Лидина мама, выделил ей квартиру в новеньком белокирпичном доме, на возвышенности, которую называли Солнечная гора. Отданные под застройку колхозные поля, засевавшиеся прежде кукурузой и подсолнечником, теперь заросли чертополохом и осотом. Первую пятиэтажку нового микрорайона возвели посреди высоченных бурьянов, бушевавших от ветра, как море-океан при шторме, и новосёлы чувствовали себя робинзонами на необитаемом острове.

Все существа вокруг, замеченные пытливым Лидиным взглядом, были свободны и ещё не приручены человеком, полны первозданной силы, ловкости и красоты. По полю носились длинными зигзагами зайцы-русаки, а в небольшой зелёной роще сновали ежи и скакали по веткам ярко-рыжие белки с орехами в зубах.

Новая квартира казалась Лиде необычайно просторной и полной укромных мест. Оставаясь дома одна, она счастливо разгуливала из кухни через коридор в комнату и на балкон, а затем обратно, примеряя на себя перед зеркалом в прихожей роль маленькой хозяйки. В душе у Лиды царил праздник. Все струнки внутри возбуждённо дрожали и пели.

Осматривая новые предметы обихода и мебель, Лида находила их превосходными, уютными и многофункциональными. За столом в комнате можно есть, читать книжки, рисовать, собирать конструктор и играть. На диване спать, сидеть, читать, грызть семечки, вышивать и играть в карты,

пупсиков или в пуговички – это когда подбрасываешь и ловишь одну, а в промежутке хватаешь с дивана вторую.

Для игр, кстати, подходили все предметы обстановки. Если составить несколько стульев, а их было целых три, и накрыть покрывалом, можно залезть внутрь и представить, что это шалаш, палатка или домик.

А в большом полированном и блестящем шифоньере можно отправиться, как на автобусе в путешествие. В одно из таких путешествий, стоило только бабушке внезапно вернуться домой, автобус потерпел аварию. И за вывалившиеся, измятые простыни и полотенца, Лида была наругана и выгнана гулять с не очень педагогическим напутствием – «на улице, хоть на голове ходи, а я только вчера порядок здесь навела!»

Выйти погулять в то время было всё равно, что остановить поезд в чистом поле, высадить пассажира и предложить ему чудесно провести вечер. Ни спортивных, ни детских площадок не было и в помине, двора, как такового, пока тоже. Кучи земли и строительного мусора вокруг дома заутюжили бульдозером, а тротуары планировались только после завершения строительства всего нового района. Но, учитывая сроки возведения кирпичных «брежневок», контингент «созидателей» и другие факторы, надежды на скорое благоустройство территории было мало.

Рядом, за невысоким забором, на стройке начался обеденный перерыв. Наверху в оконном проёме показался прораб и зычно крикнул: «Баста!» Затем он спустился по лестнице, бросил на бетонную плиту белую каску и брезентовые рукавицы, сплюнул пыль и затынулся «Беломором». Бригаде, в основном состоящей из «химиков», не требовалось особого приглашения. Мужики уже суетились возле расстеленной на досках газете, разливая по мутным стаканам вино. На закуску была крупно порезанная варёная колбаса, намазанная томатной пастой. Загорелый парень, с синеватой татуировкой на плече, приглашающе махнул прорабу рукой: «Давай к нам, Семёныч, на шашлычок!»

Боязливо поглядывая в сторону стройки, и не обнаружив возле подъезда никаких гуляющих детей, видимо все они вели себя хорошо, Лида решила обойти свой дом вокруг. Она осторожно брела по щебёнке и битому кирпичу, стараясь не наступать на комья глины и куски необработанной арматуры. И тут Лиду ожидало чудо: в тёмном проёме низенького подвального окошка сидел ослепительно-белый пушистый кот. Его огромные глазищи светились молодой зеленью, а чёрные зрачки то расширялись, то сужались.

Лида замерла на месте: если бы там появился инопланетянин, это было бы скучно и буднично и не произвело бы такого впечатления.

Она молниеносно поняла, что именно этот кот станет её другом, она будет о нём заботиться, и все будут счастливы.

Не в силах отвести взгляда от этой красоты, она сделала шаг в сторону окошка. Кот пристально посмотрел на неё и бесшумно отступил в темноту.

Лида сорвала травинку, присела и пошуршала стебельком, надеясь привлечь и заинтересовать будущего друга.

– Кис-кис-кис...

Белая любопытная мордочка показалась и тут же спряталась.

– Трусиска, иди ко мне, не бойся, я тебя не обижу...

Теперь в окошке промелькнул пушистый хвост, и через миг яркое радостное видение снова сменилось пустым чёрным квадратом.

Без толку прождав с полчаса, Лида решила действовать. Между вторым и третьим подъездами под скошенной шиферной крышей находилась крепкая дверь из тёмного дерева, которая вела в подвал. И она была открыта. Придерживаясь за стену ладошкой, Лида спустилась вниз по бетонным ступенькам. В подвале сразу пахло запахом цементной пыли и свежеструганной древесины.

У самого входа под низким потолком тускло горела лампочка, а дальше коридор разделялся на два прохода, в один из которых свернула Лида и попала в подвал второго подъезда. Справа было множество деревянных дверей с номерками, как на квартирах, а слева тянулись толстые трубы, обмотанные серебристым утеплителем. На одной из труб был установлен большой красный вентиль, похожий на руль. Лиде очень хотелось его покрутить, но тут она уловила лёгкий сквознячок.

От трубы отделился белый комочек, мягко спрыгнув на пол. Кот помчался вдоль кладовок и исчез за поворотом. Не раздумывая, Лида азартно бросилась за ним. Казалось, что кот летел. В длинных прыжках вперёд, его гибкое тело то растягивалось, то упруго сжималось. Он сильно отталкивался задними лапами от пола, и неслышно нёсся дальше.

Лида бежала по стелящейся за ним позёмке из пыли. Её подстёгивал внезапно проснувшийся охотничий инстинкт и желание во что бы то ни стало заполучить этого необыкновенного зверя.

Других мыслей и эмоций не было: ни сомнений, ни усталости. Не было даже страха перед неизвестным полутёмным подвалом, встречей с недобрыми людьми, или опасения, что могли прийти слесаря и закрыть дверь на ключ. Историю про Тома Сойера и Бекки, заблудившихся в пещере, Лида пока ещё не читала. Позже она станет одной из самых любимых её книжек, а сейчас ею двигала чистая воля и несокрушимая вера в свои силы.

Когда она станет взрослой, она будет вспоминать это состояние в тяжёлые минуты упадка духа и учиться у маленькой и всемогущей самой себя.

Они бегали по всему подвалу, словно связанные невидимым крепким тросиком, и, кажется, даже сам процесс стал приносить удовольствие обоим. Но вот белое пятно заметалось в конце тупика. Запыхавшаяся Лида перешла на шаг. В паре метров от беглеца она остановилась и присела на корточки, даже не допуская мысли, что животное прошмыгнёт мимо неё и снова убежит.

Они смотрели друг на друга, как набегавшие, наигравшиеся в салки друзья-сорванцы, и больше всего Лиде хотелось вместе пойти домой.

– Котик, пойдём ко мне жить...

Он медленно прищурил глаза и несколько раз моргнул.

– Ты улыбаешься? Значит, да? – обрадовалась Лида и тоже прищурилась и несколько раз медленно моргнула.

– А ты не будешь меня будить и пугать пылесосом?

Кот развернул уши по сторонам «самолётиком». Снова сверкнули два кошачьих глаза, как два зелёных зеркала.

Лида услышала внутри этот вопрос, и сразу поняла, хотя он не прозвучал.

– Что ты! Я сама поспать люблю, а пылесоса у нас вообще нет.

– А тискать и таскать за хвост?

Зрачки сузились в две тоненькие вертикальные щёлочки, а уши кота отвелись назад, плотно прижавшись к голове, как будто ему в мордочку дул сильный ветер.

– Никогда. Я буду гладить тебя, только когда ты захочешь.

– А забывать обо мне и бросать меня, как надоевшую игрушку?

– Котик, я дам тебе имя, мы будем всегда вместе. Завтра я схожу в школу на последний звонок, а потом начнутся каникулы. Днём мы будем играть в мячик. А по вечерам я буду рассказывать тебе интересные истории, а ты мне мурчать свои...

На пару секунд кот закрыл глаза. Потом по всему его гибкому телу прошла волна, он выгнул мостиком спину и ошетинился, отчего стал казаться вполтину больше.

– А ты не принесёшь домой другого кота?

– Откуда ты всё это знаешь? Мне не нужен никакой другой кот, ты самый лучший. – твёрдо сказала Лида и осторожно протянула руку.

Кот неожиданно оказался очень тяжёлым и мускулистым. Сначала его тело было напряжённым и твёрдым. Но когда Лида взяла его поудобнее, одной рукой поддерживая под задние лапки, а второй за плечики, и бережно прижала к груди, кот обмяк и тихонечко замурчал. И пока она его несла, всё время представляла, что это её маленький братик.

Недалеко от подъезда курила бригада строителей. Они ждали автобус, который забирал их после смены. Подобревший прораб Семёныч

толковал про планы и нормативы каменщикам поневоле, но заметив девочку с котом, переключился на них и одобрительно поднял большой палец вверх.

– Ишь ты, какой кот у тебя знатный: брови как у Брежнева, усы, как у Сталина.

Работяги обернулись и засмеялись.

Лиде стало приятно, что все видят, какой замечательный у неё кот, и она, гордо подняв голову, прошествовала в подъезд.

«Фффух, хорошо, что мы на втором этаже живём», – выдохнула девочка, сдула упавшую на глаза взмокшую чёлку и постучала носком туфельки в дверь. Немного подождав, заколотила сильнее.

– Иду, – раздался за дверью настороженный бабушкин голос, – кто там?

– Это я! Открывай, бабушка!

– А что, звонок не работает, в честь какого праздника ты барабанишь? – распахнув дверь, начала она и остановилась. – А это что такое у тебя?

– Это котик. И он теперь будет жить с нами.

Лида с нескрываемой радостью и облегчением поставила своего нового друга на пол в прихожей, и кот немедленно направился в сторону кухни.

– Где ты его взяла? Зачем он нам нужен? И где ты весь день пропадала, я десять раз на балкон выходила тебя звать!

– Даже Баба-Яга Иванушку в баньке попарила, накормила, напоила, спать уложила! А ты же моя родная и любимая бабулечка! Не ругайся!

– Вот, я тебя сейчас тоже попарю, веничком, хитруля, – бабушка усмехнулась, – зубы мне не заговаривай. Я же волновалась.

– Бабушка, я целый день его ловила, мы такие голодные...

– И грязные, как трубочисты, иди мой руки, а потом уже про еду поговорим.

Бабушка отправилась на кухню разогревать ужин, по пути кышнув вертевшегося под ногами кота. Она поставила на стол перед внучкой тарелку с гречневой кашей и котлетой, а для кота нашла маленькое блюдечко и капнула туда немножко сметаны.

Лида решительно разделила свою порцию и отгрузила половину своему пушистому другу.

– Вот скоро мама с работы вернётся, скажет тебе, где он будет жить, – усевшись напротив на табуретку, многозначительно кивнула бабушка, – а скорее всего, это чей-то кот, а ты его украла.

– Ничего не украла, я его нашла. Ему там плохо жилось, я знаю.

Кот с аппетитом ел, и, чутко поводя ушами, внимательно следил за беседой.

– А вот уже и пришла, – в прихожей щёлкнул замок и послышались лёгкие мамины шаги.

Мама заглянула на кухню и устало улыбнулась.

– Ну как вы тут? Ужинаете?

– Да вот кормлю тут, нового жильца, – с чувством произнесла бабушка, показав рукой на кота, и многозначительно замолчала.

– А откуда у нас кот появился?

– Принесла откуда-то наша Лидуся. Целый день где-то бегала и только недавно вдвоём появились. Садись, Тоня, с нами кушать. И послушаем, что она расскажет.

– Мамочка, посмотри, какой он чудесный, какие у него умные глаза!

Словно в подтверждение этих слов, таинственный кот поднял голову, отошёл от блюдечка, сел поодаль, укрыв пышным хвостом передние лапки и застыл, как статуэтка.

Мама поразилась.

– Ты посмотри на него, неужели что-то понимает?

– Конечно, понимает, – с жаром подхватила Лида. – И не только понимает, но и сам умеет разговаривать, только по-своему, по кошечьи.

– По-кошачьи, – поправила мама, – тебе его кто-то дал?

– Да в подвале она его поймала! Может быть, ещё и с лишаём этот чудесный котик! – не выдержала здравомыслящая бабушка.

– Нет у него никакого лишая, – насупилась Лида.

– Да ты вообще не знаешь, что это такое, молчи уже, горе луковое. Доедайте, да идите отдыхать, а я посуду помою! – рассердилась бабушка.

Лида с мамой поблагодарили за ужин и пошли в комнату, а кот остался с бабушкой на кухне. Сначала он облизал длинным розовым язычком-ленточкой усы, потом лапки и умыл мордочку. Бабушка поглядывала на него и вздыхала: «Не было у бабы хлопот, так купила поросё». Потом, протерев вымытые тарелки насухо вафельным полотенцем, громко крикнула:

– А вы чего это без кота пошли? Забирайте, нечего мне его оставлять!

Кот, как по команде вскочил и выбежал из кухни. А в это время Лида включила телевизор. На экране важный бородатый профессор обстоятельно и со знанием дела рассказывал о Египте: «Египтяне почитали кошек с незапамятных времён. Кошка в Египте и сейчас является животным, которого уважают и относят к категории посланных богами существ».

Лида в восторге захлопала в ладоши и закричала, что было мочи:

– Ба!!! Иди к нам скорее! Тут про кошек рассказывают!

Котик замер на пороге, пронзительно мяукнул, прижался животом к полу и белой стрелой ринулся под кровать. Раздался ужасающий грохот бьющегося стекла, тяжёлый стук банок с заготовками на зиму, скрежет когтей по паркету.

– Ты куда полез, нечистая сила?! – грозно закричала бабушка.

– Ой, мои закрутки! Огурчики! Помидорчики! – запричитала мама и выскочила из комнаты. Вернулась она вооружённая шваброй, легла на пол и начала изгонять кота, как самого настоящего злого духа.

– Вон отсюда! – заклинала она, тыкая деревянной ручкой в темноту.

В ответ послышалось возмущённое фырканье.

– Марш оттуда!

Фырканье перешло в громкое шипение и разъяренное рычание.

Лида плюхнулась на живот рядом.

– Мамочка, так нельзя! Мы и так своими криками его напугали. Пожалуйста, убери швабру. Я сама его оттуда достану.

– Надо его выкурить оттуда, – с озабоченным видом бабушка полезла в шифоньер, – где-то тут у меня пучочек шалфея был...

– Вы мне тут ещё пожара наделайте! Не надо, пусть уже сидит. К утру вылезет. У меня уже никаких сил нет.

Мама поднялась, отряхнула халатик, и расстроенная села на диван.

Телевизионный многоопытный египтолог всё ещё продолжал расписывать сладкие плюсы кошачьей жизни, делиться ценной информацией: «В России этим животным тоже уделяется много внимания. В этом нет ничего удивительного – пушистики не только ловят мышей, но и благоприятно влияют на нервную систему».

Лида чувствовала угрызения совести за негостеприимство их семьи. Она залезла под кровать, чтобы получше разглядеть животное.

– Котик, миленький, это случайно так получилось. Мы же не на тебя кричали. Не бойся, иди ко мне. Я никому не дам тебя в обиду.

«Дух тьмы» забился в самый дальний угол и теперь сидел тихо-тихо. Его присутствие выдавали снопы зелёных светящихся искр, которые метали его глаза.

Добравшись ползком до кота, Лида сняла с его усиков паутину и погладила по голове.

Бабушка достала свою ежевечернюю коробочку с катушками, напёрстками, ножницами, взяла из отложенной стопки белья наволочку и попросила Лиду вдеть нитку в иголку.

– Охо-хо, живём, как ошарашки, каждый вечер дранти штопаю. Очки старые, уже и в них не попаду в ушко, да и свет слабый. По-хорошему бы вкрутить в люстру все пять лампочек, то-то было бы светло, как днём. А при одной больше по пальцам тычешь...

– Бабушка, так давай все вкрутим, что ж ты мучаешься?

– Ага, вкрутим, с нашими доходами... Электричество так нагорит, что не расплатимся, приставы придут всё имущество опишут и квартиру отберут, а тебя в детдом определяют.

– Что значит, в детдом? У меня мама есть!

– И слава Богу, что есть! С моей пенсией мне и рубля тратить в день государство не разрешает. Если б не дети, как прожить на семнадцать рублей? Да и вам же одеться, обуться надо, тебе в школу деньги то на одно, то на другое... За квартиру заплати, за электроэнергию заплати, а у вас вон, телевизор не выключается, как будто там что-то путное показывают.

Бабушка говорила серьёзно, и от этого Лиде стало страшно и грустно.

– Да мы только новости и смотрим, – попыталась успокоить бабушку мама. – Сейчас программу «Время» поглядим и выключим.

Бабушка нахмурилась, но промолчала.

На синем фоне экрана появился белый часовой циферблат. Секундная стрелка проделала семь маленьких шажков и послышалась знакомая музыка. Вращающаяся и светящаяся огнями спутниковая антенна доставила в каждый дом приветственные слова дикторов: «Добрый вечер, товарищи».

После информации об официальных приёмах главы государства, настал черёд международных новостей. Сюжет был посвящён африканским странам, освободившимся от колониального гнёта – Анголе и Мозамбику, которые избрали в качестве ориентира построение социалистического общества. На экране прошла картинка, где чернокожий раб со вздувшимися на шее и руках венами, разрывает оковы. Голос за кадром воодушевлённо рассказывал о происходящих изменениях.

– История борьбы ангольского народа за свободу, подтвердила идейное и моральное превосходство пролетарского интернационализма. Советский Союз, революционная Куба, другие социалистические страны по-братски помогают молодым народным республикам в мирном строительстве.

– А говоря по-простому, везут они на Кубу пшеницу, а с Кубы везут обезьян... Тоня, а сколько у нас гречки осталось? – вдруг спросила бабушка.

– Да пару килограммов, наверно, – удивилась мама. – А что?

– А мукички? – продолжила свою неожиданную ревизию бабушка.

– Тоже столько же.

– Ну как-то протянем, на оладушки хватит, да, может, пару раз на сырнички.

– Да должно хватить, в пятницу уже получка, не волнуйтесь.

– Я б не волновалась, да теперь же нас прибавилось. Мышей у нас нет, а кот вон какой здоровый...

– В Африку отправились советские культурные и торговые миссии, а в Советский Союз – темнокожие студенты. Там, где была выжженная империалистическими агрессорами земля, вырастут новые современные города, цветущие сады, будут открываться кинотеатры и библиотеки. Помогая Анголе, мы помогаем себе, мы строим новую Африку, новый мир.

В подтверждение слов комментатора, операторская камера дала крупным планом толпу смеющихся длинноногих темнокожих девушек в коротких белоснежных платьях, с блестящими серёжками в ушах и серебристыми браслетами на запястьях.

Бабушка ещё больше помрачнела и снова обратилась с вопросом к маме.

– А сколько ж лет ты своё ситцевое платьишко носишь, уже светится на плечах и локтях... И ей, – она кивнула в сторону Лиды, – ничего такого не купишь, в магазинах одни мешки висят с дыркой для головы...

– Первый Первомай в бывшем «африканском алмазе Португалии», а ныне независимой Анголе...

На экране появились радостно марширующие под звуки «Интернационала» колонны: дети, машущие флажками, стройные женщины в ярких сарафанах, мужчины с портретами канонического триумвирата Маркс-Энгельс-Ленин...

– Постепенно, но уверенно возрождается жизнь в Луанде...

Крепкие, модно одетые ангольцы щётками подметают улицы, а под раскидистыми пальмами секаторами стригут траву.

– Вот не с одних фиников они такие! – продолжала комментировать бабушка. – Небось и мясо туда гоним вагонами. А тут и рыбы не на что купить.

Лида крепче обняла своего друга и подбадривающе шепнула в розовое пушистое ухо: «Не слушай, найдём. Я поделюсь!» А вслух сказала громко, стараясь быть убедительной и подражая дикторской интонации:

– Бабушка, у нас такая богатая страна, мы всему миру помогаем. И kota прокормим!

Было решено оставить нового жильца на ночь в коридоре и постелить в туалете газетку для его надобностей. Засыпая, Лида перелистывала этот день, будто увлекательную книгу заново. Ей было приятно снова переживать самые яркие впечатления. А потом она представила, как вместе с котом они будут делать уроки. Он свернётся пушистым клубочком рядышком на стуле и будет мурлыкать, а она будет делиться с ним секретами, сделает ему игрушку из пёрышек...

Где-то вдалеке пронзительно затрубили в горн, а потом прозвенел бодрый и звонкий детский голос: «Здравствуйте, ребята! Слушайте пионерскую зорьку!»

Это бабушка на всю включила на кухне радио, уже без двадцати восемь, и пора вставать в школу, хотя очень хочется повернуться на другой бочок, уткнуться головой в подушку и хоть минуточку ещё поспать...

И тут Лида вспомнила про кота. Остатки дрёмы мгновенно улетучились, и она вскочила с кровати. Майское утреннее солнце играло с хрусталем в серванте, и солнечные зайчики распрыгались по всей комнате. Бабушка стояла возле плиты и жарила на сковородке яичницу с колбасой, а кот сидел рядом, задрав мордочку вверх и приплюхиваясь.

– Доброе утро! Ой, как же хорошо! – потягиваясь радостно воскликнула Лида и погладила своего котика по выгнувшейся спинке. Побежала умылась и села завтракать, откусывая кусочки колбасы и протягивая коту, который переместился от бабушки к ней.

– Ешь сама, я ему уже давала, а то он лопнет, – пыталась пресекать внучкины вольности бабушка, не одобряя здоровый аппетит нового подопечного.

Под бабушкино ворчание, информацию о достижениях в науке и технике, успехах советских школьников Лида уплела всё до крошки, тем более что к чаю были её любимый печенюшки с маслом, которые коту тоже понравились.

– Бабушка, завяжи мне сегодня белые бантики, нам сказали, что сегодня в школе праздник последнего звонка! – попросила Лида, надевая коричневое школьное платье, белый кружевной фартук, белые гольфы и белые туфельки.

– А ты, котик, жди меня, я приду и расскажу тебе, всё что будет интересного!

Лида аккуратно надела рюкзак, чтобы не помять лямками воланы на выглаженном фартуке, в котором она была похожа на весёлую бабочку-капустницу и вприпрыжку побежала в школу.

Ещё издали она услышала громкую музыку, которая доносилась со школьного двора.

Школьные годы чудесные,
С дружбою, с книгою, с песнею,
Как они быстро летят!
Их не воротить назад.

Перед школой на линейку собрались все классы. Лиде помахали рукой одноклассницы, она тоже помахала в ответ, подбежала и встала в ряд. Все были такие же нарядные. Учительница в новом платье, с праздничной высокой причёской, розовая от волнения.

Рядом волновались и гомонили будущие первоклашки с многоцветными букетами. В прошлом году, а кажется, совсем недавно, и Лида с мамой тоже стояли здесь, и она была такой же растерянной, и даже испуганной, что почти ничего не запомнила. Зато сейчас она с удовольствием следила за всем происходящим. Когда закончились песни, к микрофону подошли два старшеклассника – юноша и девушка, а за ними директор школы и пожилой седой дядечка в военном кителе. Вся грудь у него была в медалях. Они блестели на солнце и, наверное, тихонько позвякивали. Лида пожалела, что стояла далеко и ей не было этого слышно.

Держа в руках красные папки, ведущие открыли линейку какими-то праздничными стихами, а затем передали слово ветерану. Он откашлялся, выпрямил спину, по-генеральски оглядел построившихся в каре, будто принимая парад или готовя их к бою. «Здравия желаю, товарищи ученики! Равняйся! Смирно!» – скомандовал он вдруг. Все засуетились, подтянулись и замерли. Потом он рассказывал, как таким же 17-летним мальчишкой ушёл на фронт и воевал с фашистами. Самое трудное было то, что никто не знал, когда эта страшная и тяжёлая война закончится. Но они выстояли и победили. Потом ветеран пожелал всем крепости духа, хорошо учиться, а выпускникам так же любить, беречь и защищать нашу советскую Родину, как это самоотверженно и бескорыстно делало его поколение.

Когда он закончил, все захлопали. Со всех сторон к нему побежали дети с цветами. Ветеран улыбался и благодарил.

Потом слово взяла директор. Она повернулась лицом прямо к их классу и поздравила с первыми летними каникулами. А потом обратилась к десятиклассникам:

– Этот последний звонок провожает вас во взрослую жизнь. Удачи на экзаменах и выборе трудовой биографии! Вы – молодые строители коммунизма и перед вами открыты все пути!

Подготовишки подбежали к выпускникам и подарили им свои цветы. Высокий и сильный десятиклассник в костюме с галстуком поднял самую маленькую девочку на плечо, и она, крепко держа в руке большой колокольчик, старательно трезвонила изо всех сил. Вместе они совершили круг почёта по периметру школьного двора. Девочки-старшеклассницы, выросшие из коротких платьиц, вытирали платочками слёзы.

Лида не понимала их слёз. Она уже в мыслях бежала домой к бабушке и коту. «Как же его назвать, – думала она, – он не какой-нибудь Мурзик-Барсик, Снежок-Пушок, нет! Может быть, там, где он жил раньше, его как-то и называли, но теперь у него будет новое имя и новая жизнь».

Когда она уже открывала ключом дверь в квартиру, её озарила замечательная мысль. Как же она раньше не додумалась? Это ведь так правильно и просто!

– Бабушка, я пришла! А котика мы назовём Май! Правда, здорово?

Из кухни появилась бабушка, вытирая мокрые руки о ситцевый кухонный фартук.

– А котик не дождался и убежал.

– Куда? Как это убежал??

Лида почувствовала, как будто на неё стеклянный колпак надели, под которым совсем нет воздуха.

– Я выходила за хлебом, открыла дверь, а он и прошмыгнул.

– Чего ему прошмыгивать?! Это ты, наверное, его нарочно выпустила?!

– Да что ж мне его за хвост ловить? Захотел, вот и убежал. Не переживай ты так, у него ещё и лишай на ухе был...

– Так его же лечить надо! Он же пропадёт один!

– Не пропадёт. Все кошки травками лечатся. Они знают, какую нужно съесть, а в какой поваляться. Хватит уже про этого кота толковать. Пойдём кушать.

– Не буду я кушать пока он там голодный, несчастный, больной бегаёт. Я пойду его искать.

Лида бросила ранец на тумбочку, снова надела на шею шнурочек с ключом и хлопнула дверью.

Первым делом она побежала к подвалу. Входная дверь теперь была закрыта на винтовой замок. Лида обошла весь дом и заглянула в каждое маленькое окошко. Присев на корточки, она звала и вслушивалась в каждый шорох. Долго вглядывалась в темноту – не мелькнёт ли, хоть краешком, белый пушистый хвостик, не сверкнут ли изумрудным светом его прекрасные глаза?

Но кота нигде не было. Лида вздохнула и смело направилась к стройке. Прошла в открытые ворота и поискала взглядом, к кому тут можно обратиться. Наверху работал кран. Его большая железная рука перетаскивала поддоны с кирпичами на растущие этажи.

Вдруг, откуда ни возьмись, перед ней появился высокий усатый мужчина в синем комбинезоне и жёлтой каске. Вскоре ещё несколько человек вышло из вагончика и подошло к ним.

Лида обрадовалась, что можно пораспрашивать о котике побольше людей.

– Девочка, ты чего тут делаешь? Сюда нельзя заходить! Читать умеешь? Видишь, что написано, – он показал пальцем на желтую табличку

с большими красными буквами: «ВНИМАНИЕ! ОПАСНАЯ ЗОНА. ВЕДУТСЯ СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ»

– А как же вы тут работаете и не боитесь?

Работяги обступили её, улыбаясь и с любопытством разглядывая, как какую-то мелкую забавную зверушку.

– У меня, видишь, каска есть.

– В труде рождаются герои, – гоготнул другой, низенький с голым торсом, в брезентовых штанах с огрубевшими здоровыми руками, похожими на клешни краба.

– Так, что вы тут филоните? Что за собрание? – сурово врезался в толпу прораб Семёныч. – Чей это ребёнок?

Мужики обрадовались новому поводу подурить и позубоскалить. Они начали толкать друг друга, высказывать предположения о том, на кого больше похожа Лида.

– А вы здесь начальником работаете? – перешла к делу Лида.

– Самым главным, – добродушно улыбнулся Семёныч, – рассказывай, зачем пришла.

– Котик у меня потерялся. Я уже везде его искала! Может быть, вы видели? Беленький, с большими зелёными глазками. Вы вчера говорили, что брови у него, как у Брежнева...

– Тю-тю котик! Обменяли хулигана на Луиса Корвалана! – заржал рядом блеклый и тощий, как магазинная селёдка тип с золотым зубом.

Семёныч двинул его локтем в бок.

– Ты, давай, кончай, при ребёнке не выражайся!

– А я и не собирался! Кыс-кыс-кыс!!! – дурным голосом заорал он.

– Ты где живёшь, девочка?

Лида показала на свой дом.

– В первом подъезде на втором этаже.

– Помню я твоего котана. Замётано. Иди домой, а мы если увидим его здесь, изловим и принесём.

Лида кивнула, повернулась и побрела домой. Горло сдавливало и жгло, но она не могла плакать. Пришла, разделась, легла под одеяло и отвернулась к стенке. Бабушка пыталась её расспросить, но Лида крепко зажмурила глаза и притворилась спящей.

На следующее утро идти в школу было не нужно, и когда раздался сигнал «Пионерской зорьки» Лида не стала вскакивать. «Дудите, хоть лопните», – думала она сердито. В комнату заглянула бабушка и бравадно пропела «Вставай, поднимайся, рабочий народ! Иди на врага, люд голодный!» Раньше Лиду сместило, когда бабушка будила её «Марсельезой», а сегодня она молча встала и поплелась в ванную. За

завтраком вяло поковыряла ложкой овсянку и отодвинула тарелку в сторону.

- Ты не заболела, - забеспокоилась бабушка, - что-то ты ничего не ешь?

- Не хочется. Бабуль, а что такое корвалан?

- Не корвалан, а корвалол, - поправила бабушка. - Это лекарство такое успокоительное для нервов, а что?

- Мне бы сейчас корвалолу принять. А то совсем нервы расстроились...

- Веника по попе тебе надо! - рассердилась бабушка. - Вот тебе 25 копеек, иди, купи хлеба и булочку! И не обгрызай по дороге, а то, если не дай Бог, кто придёт, подумают, что мыши у нас!

Ещё с весны Лида ждала летних каникул. Она мечтала вдоволь накататься на велосипеде, порисовать новыми красками, играть в мяч с подружками, ходить в бассейн.

А получилось так, что целыми днями она сидела дома и не могла ничем заняться. Слонялась по квартире без цели, останавливалась возле окна и, прижавшись лбом к стеклу, долго смотрела вдаль, не отмечая ничего, без всяких мыслей. Если давали какое-то поручение, делала механически, как заводная кукла, не вникая и забывая сразу же. Пыталась читать, но не могла сосредоточиться. Спать тоже не получалась. Иногда бабушка выпроваживала её на улицу «подышать воздухом». Лида послушно выходила, дышала, обходила дом вокруг, поглядывая на подвальные окошки, возвращалась и снова маялась, и томилась.

Она догадывалась, чувствовала, что бабушка была с мамой в сговоре. И утром они специально открыли пошире дверь, и безымянный майский котик убежал подальше от цивилизации, в некомфортные, но привычные ему пампасы и прерии.

Они открыли дверь, и вслед за котом устремилась Лидина душа, полная заботы и нежности, в поисках слабых и маленьких, которых нужно опекать и выхаживать, кормить и любить, словно братишек и сестричек. А теперь она сидит и внутри у неё пусто, а на сердце тяжело.

Через неделю у неё на плече появилось розовое пятно с красноватым ободком и шелушащимися чешуйками внутри. Оно было небольшое и немного чесалось, но бабушка, как только его увидела, ахнула: «Таки лишай, чтоб его!»

Мама не на шутку переполошилась, схватила Лиду в охапку, и собралась вести в кожвендиспансер, но бабушка удержала их.

- С такой ерундой могут и в больницу положить. В школе узнают, будут сторониться. Ты, Тоня, прямо сейчас иди в гастроном за водкой, а

потом съезди в магазин «Пчёлка» за настойкой прополиса. Сами вылечим. На живом всё заживёт!

Когда спецзаказ был доставлен, бабушка смешала йод пополам с водкой и помазала пятнышко. Через несколько часов натёрла его пчелиной настойкой. Вечером всё повторилось снова.

Оба выходных мама мыла с хлоркой полы, протирала едкими растворами стены, и подоконники. Все Лидины вещи перестирала и прокипятила в эмалированном ведре, высушила и прогладила горячим утюгом. Кошачью мисочку, которую Лида спрятала у себя под кроватью, нашли и выбросили.

Лида не капризничала, не просила подуть, смиренно сидела, терпела и думала про себя, чтобы как можно дольше лишай не проходил.

Изредка в её глазах вспыхивали маленькие искорки надежды. И тогда она думала: вот бы найти этого белого котика и тоже вылечить, мазать йодом его розовые ушки, и тихонечко говорить, что всё пройдёт, до свадьбы заживёт...

Лишай постепенно исчез, но невидимая дырочка в сердце побаливала и продолжала чесаться. И в этот маленький проём незаметно проникло множество маленьких быстрых лапок, чтобы с течением времени оставить свои следы, царапки и ранки на сердце.

А пока Лида грустила, смотрела на бледнеющее пятно, тихонько гладила его пальцами, вздыхала.

Бабушка тоже вздыхала и как-то вечером за своим привычным шитьём, будто продолжая начатый разговор или отвечая своим мыслям, не выдержала и повернулась к Лиде:

– Да заводи ты хоть крокодила! Лишь бы в нашу ванну поместился!

Олег РОМЕНКО

БЕЛОЕ ПЯТНО НАУКИ

На исходе разгульных девяностых советская цивилизация представляла собой жалкое зрелище — на ладан дышащие «икарусы» и троллейбусы, с предсмертным стоном раскрывающие свои двери и впускающие в обшарпанные салоны мрачных людей, сплошь в серых, чёрных, и коричневых куртках, плащах и пальто; разбитые, как после войны, дороги, которые из тебя всю душу вытрясут, пока доедешь до работы; потемневшие, будто давно нечищенные зубы, хрущёвки, с горланящими петухами на балконах.

Десять лет страна жила как в трауре, а редкие и скудные застолья больше походили на поминки, особенно, когда из экрана старого «Горизонта» или «Рубина» некстати высывалась нетрезвая физиономия президента, который привычно гнусавил какую-то чушь, вроде того, что теперь каждый россиянин может позволить купить себе киви.

А тем временем, будто жирные могильные черви, копошащиеся внутри гниющего трупа, нувориши-людоеды пировали на русских костях. Свидетельством их растущего, как ногти мертвеца, благосостояния, согласно классике жанра, были повсеместно расплодившиеся ростовщические банки, которые вскоре загонят «дорогих россиян» в такую кабалу, что и не пикнешь. Прощай, немытая свобода!

В девяностые было ощущение, что невидимая рука, нет, не рынка, а Бога, не спеша отделяет агнцев от козлиц и расставляет их по разные от себя стороны, как расставляет задумчивый гроссмейстер белые и чёрные фигуры на шахматной доске. Агнцы за гроши трудились в поте лица на недобитых заводах и мечтали о возрождении Советского Союза, профсоюзных путёвках и кассе взаимопомощи. Холёные козлицы стояли на рынках с туго набитой мошной, они как пылесосы высасывали скудные заработки из кошельков агнцев, а потом строили себе коттеджи и ездили отдыхать «за бугор».

А я во второй половине девяностых трудился на градообразующем заводе модельщиком с этими самыми агнцами, бывшими в большинстве своём преклонного возраста. Один из них, седой и белоглазый Анатолий Владимирович Богачёв, часто и грустно вздыхал: «Вишь, оно как,

ребятушки. Горбачёв богатый, а Богачёв горбатый». Другой, смуглый и носатый Владимир Яковлевич Ершов, трескучим сорочьим голосом, поучал: «Здесь вы, ребята, ничего, кроме геморроя не заработаете».

«Ребята» — это мы с Лёхой Бессоновым. Мы одногодки. Вместе учились на «пятёрки» в заводском училище. Вместе провели длинный и нервозный жаркий июньский день в областном военкомате, когда мы до последнего не знали, куда нас отправят, только бы не в Чечню, но Бог миловал. После армии вместе пришли на «Энергомаш» по специальности и вместе набивали первые шишки, постигая азы непростого ремесла.

Наша работа заключалась в изготовлении сложной модельной оснастки из дерева по чертежам для литейного производства. В литейном цеху наши формы кверху дном ставились в опоки, которые затем набивались песком. Потом форму при помощи крана вытаскивали за крючки из утрамбованного вокруг неё отбойником песка и в образовавшуюся пустоту заливался металл.

Доску мы заготовливали на фуговальных и рейсмусных станках, а дальше уже шла ручная «лепка» и подгонка до нужных размеров при помощи такого ручного инструмента как — зензубель, фальцгебель, цунубель, шерхебель... Порой, когда один подвыпивший мастер одалживал у своего товарища какой-нибудь из вышеперечисленных инструментов, то его свободолюбивый и раскрепощённый русский дух сопротивлялся такому засилью иноязычия в работе, и человек в сердцах восклицал: «Гады немцы!»

«Энергомаш» представлял из себя десятки цехов, задействованных в котельном, трубопроводном и металлургическом производствах. По площадям цеха были похожи на огромные торговые центры, называемые по-американски моллами. Это было «государство в государстве» со своими «улицами», магазинами, тротуарами, палисадниками и разветвлённой сетью асфальтированных дорог, по которым туда-сюда сновали оранжевые электрокары, управляемые «карменами», как называли водителей электромобилей заводчане.

В нашем цеху из бетона и стекла на четырёх участках трудились модельщики, столяры, плотники и «металлисты». Всё тогда в запущенном российском государстве текло и не грело, и наш цех не был исключением. Дырявая крыша хоть и защищала от грибных дождей, но была бессильна против тропических ливней, когда вода в цеху стояла по колено. Тогда вырубали электричество и все злые и насквозь промокшие работники, стуча зубами, расходились по домам смотреть горячие мексиканские сериалы. В повреждённые окна цеха то и дело залетали стрижи. Они долго кружились под высоким потолком, подыскивая место гнездования, а уже

через месяц птицы весь световой день сновали то наружу, то внутрь, чтобы накормить птенцов.

Порой, отложив в сторону шерхебель и смахнув белую стружку с рукавов чёрной спецовки, Лёха Бессонов долго глядел на семейную стрижиновую суету под потолком. Так обычно верующие рассматривают фрески под куполом в храме. Задрав голову вверх и подбоченясь, он был похож на Вовку в Тридесятом царстве, только не озорного, а томного.

— Жениться мне надо, — мечтательно вздыхал Лёха и его большие серые глаза увлажнялись, а крупный мясистый нос розовел, — и разряд повысит до четвёртого.

Женитьба после армии стала для него навязчивой идеей. Не только всем работникам в цеху, а их было двести человек с лишком, но и забредавшим к нам итээровцам из инженерного корпуса, Лёха отчаянно сигнализировал, что есть такой вот двадцатилетний добрый молодец, который благополучно созрел для уз Гименея и очень беспокоится, что вот-вот перезреет, как чрезвычайно нежный крымским персик.

Однако было бы несправедливо утверждать, что Бессонов полагался только на усердие и «сарафанное радио» шапочных знакомых и коллег по цеху. Со своей стороны он демонстрировал чудеса эквилибристики, когда возле его верстака появлялась маленькая и костлявая уборщица Лариска с провалившимся, как у есенинского гармониста, носом. Забубённая Лариска метлой «вжик-вжик» направо и налево, а Лёха, побросав инструмент и выкидывая коленца, «скок-скок» на соседний участок. Бессонов был почему-то убеждён, что, если уборщица хоть раз случайно проведёт метлой из берёзовых прутьев по его ботинкам, то он после этого жуткого ритуала никогда не сможет жениться, и все старания его многочисленных кунаков пойдут прахом.

Итак, поскольку историческая наука требует точности, 14 августа 1998 года, в пятницу, мы сидели в курилке и разгадывали кроссворды с Лёхой Бессоновым и Андреем Лахновым, чернявым и упитанным сорокалетним модельщиком пятого разряда, страдавшим приступами нарциссизма и страшно гордившимся тем, что даже начальник цеха ездил на работу на троллейбусе, а он всегда подъезжал к проходной с женой на красной «Таврии».

— Дальневосточный олень, шесть букв, — последовала новая вводная от Лёхи.

— Изюбрь, — недолго думая, ответил Андрей.

Но произнёс он это слово так жеманно, манерно и ломко, так, я слышал, поют по радио француженки, что Лёха не поверил и, глянув исподлобья на товарища, недовольно буркнул:

— Хорош прикалываться, Андрей!

— Ты дурак, Лёха! — побагровел Лахнов. — Пиши, как я сказал!

— Не буду писать! — обиделся Бессонов и бросил карандаш.

— Ребят! Идите на котят посмотреть у слесарей!

Это к нам присоединился тощий, весь высохший от нервической болезни, модельщик четвёртого разряда Сашка Пищулин. Спецовка на нём висела, как на тремпеле. Мало того, что его антрацитовые глаза постоянно моргали, так ещё каждый из них подмигивал по вольной программе. В этом отношении он был чем-то схож с хамелеоном, у которого один зрачок устремлён ввысь, а другой поглядывает в сторону.

— Не ходите к слесарям, пацаны! — брезгливо скривился Лахнов. — Наберётесь там у них заразы.

— Это почему? — насторожился Лёха.

— Да потому, что они «левые»! Лёнька Саламаха всё со своими маникюрами носит. Ху-ху-ху! — Андрей, передразнивая слесаря, подул на свои ногти. — Генка Тарасов в бабском шмотье шляется, а Быстроногий Олень, сами знаете, тридцать лет дурню, а он до сих пор не женат. Потому что «левые» они!

— У нас в цеху таких нет! — серьёзно посмотрел Бессонов на Лахнова. — Может в заводоуправлении или в инженерном корпусе...

— Ну, как знаете! — фыркнул Андрей, считавший себя «душой компании», «центром притяжения», и не терпевший никаких возражений своему видению жизни.

Мы вышли из курилки, прошли через машинное отделение, гудевшее, как улей, где модельщики обрабатывали доску, и вскоре оказались словно в другом измерении. Слесарка походила на обычную уютную квартиру, что в заводском цеху, наверное, казалось нелепым каждому, кто туда заходил. Стены здесь были обклеены разными кусками обоев — розовыми, голубыми, коричневыми, золотистыми, словом всем тем, что оставалось у слесарей после домашних ремонтов. У них был свой санузел, за стеной которого на крючках висели полотенца, мочалки и трусы. На одной тумбочке ворковал старенький цветной телевизор, а на другой предавался художественному свисту эмалированный чайник, закипающий на электроплитке.

За кухонный стол, покрытым зелёной клеёнкой с красными розами, сидели два пятидесятилетних слесаря, те самые Лёнька Саламаха и Генка Тарасов. Первый — белобрысый и бородатый мужик в тельняшке — старательно обрабатывал свои ногти дамской пилочкой. Второй — в малиновой футболке, склонивший голову с прямыми, жирными, будто напомаженными, русыми волосами — сосредоточенно, как хирург со скальпелем, разрезал маленьким складным ножом хлеб, сало, варёную картошку и огромную луковицу.

— Вы чего, ребят? — инстинктивно, по-звериному, прикрывая ладонью свой термосок, спросил Генка Тарасов. — Сломалось что?

— Нет, мы котят посмотреть, — ответили мы.

— Это можно, — лукаво улыбнулся себе в усы Лёнька Саламаха. — Это дело хорошее. Вот когда у нашего «кармена» Ваньки Фоменко родилась двойня, никто не изъявил желания полюбоваться на его младенцев, а котятки — это совсем другое дело, это мы понимаем...

— А мы подумали, сломалось что! — перебил напарника Генка. — Вот ваш Богачёв с волосатой спиной, ему говоришь: ты после фуговки не спихивай сразу всю гору опилок в вентиляцию, она же забьётся, не понимает долдон! А ещё шестой разряд!

— А Ершов?! — подхватил Лёнька. — Все станки в цеху переломал. Такой человек! Ему плоскогубцы дай, он и их ломает.

Лёха решил зайти в туалет, а я подошёл к лежащей на коврик в углу между двумя тумбочками серой пятнистой кошке с лёгким рыжим напылением на спинке. У зеленоглазой красоти была белоснежная грудка и такие же «носочки» на лапках. Я почесал её за ушком, под подбородком и кошка откликнулась одобрительным мурчанием, как бажовская Мурёнка: «Пр-равильно делаешь, пр-равильно!» Потом я взял двух её детенышей и сел за стол со слесарями, усадив себе одного котёнка на левое колено, а второго на правое. И они спокойно сидели, как воспитанные и послушные дети на коленях у отца.

По телевизору транслировали новости. Ельцин прилетел в Новгород. У взлётной полосы его разглядывала, как медведя в вольере, пёстрая толпа журналистов, находившаяся за ограждением.

— Борис Николаевич, будет девальвация или нет?! — отчаянно закричал журналист, перегнувшись через барьер.

Президент, обещавший «лечь на рельсы» накануне гайдаровской «шоковой терапии», грозно сверкнул очами, надул щёки и зарычал:

— Не будет!

И, чтобы задушить крамолу на корню, он подошёл ближе к людям и снова рыкнул:

— Не будет!

Но журналисты оказались не робкого десятка и продолжали сыпать вопросами:

— Твёрдо и чётко?

— Твёрдо и чётко! — набычился Ельцин и сделал кистью правой руки такую причудливую загогулину, что все сразу поняли, что президент опять «под мухой».

— Правильно Андрей сказал, они тут все «левые»! — взволнованно зашептал мне на ухо Лёха, вернувшийся из слесарского санузла. — У них на рукомойнике земляничное мыло лежит.

— Я когда на флоте в Севастополе мотористом служил, — Саламаха отложил пилочку и так отрывисто и быстро подул на свои пальцы, как его передразнивал модельщик Лахнов, — так перед увольнительной всегда ногти бесцветным лаком покрывал. А потом выйду на набережную, жара во всю глотку, а они у меня так и горят на солнце, ослепнуть можно. Красота!

— Красота — страшная сила! А у меня дело было, наутро после восьмого марта проснулся, тогда ещё «сухой закон» не отменили, башка трещит, жена никакая валяется, — хрумкая луковицу с хлебом начал Генка Тарасов, — так я её колготки с шубой напялил на себя, шиньоном прикрылся, морду покрасил, сапоги натянул и в магазин. А там уже толпа мужиков в очереди томится, сам такой, понимаю. Ну я, чтобы не спалиться, в полсилы их локтями расталкиваю: «Мужички, мужички, ха-ха-ха, сегодня мой праздник, пропустите даму без очереди, ха-ха-ха». Ну, они расступились, конечно, только все на мои ноги пялятся. А чего пялиться-то? Хотел им сказать: «Там под колготками такие же козлиные волосатые ноги как и у вас, придурки!»

— Тогда бы ты оттуда живым точно не выбрался, — резонно заметил Саламаха.

В слесарку порывисто ворвался Быстроногий Олень с матерчатой сумкой в руке. Высокий, жилистый, нос а-ля Буратино. Подозрительно стрельнув по нам глазами, он кинулся отпирать свой шкафчик. В сумке позвякивали бутылки.

Быстроногий Олень был официальным дилером самогонщиков из первого цеха, которые прямо на заводе ставили брагу и занимались последующей перегонкой. Работы у слесарей было мало, а свободного времени — целый вагон, поэтому Быстроногий Олень всегда успевал удовлетворять жажду рабочего класса и никогда не отказывался от заказов, дорожа каждым своим клиентом, по несколько раз на день совершая спринтерские забеги из цеха А в цех Б, и обратно.

Обычно рабочие, кучкуясь компаниями, заказывали бутылку на троих за десять рублей. Скидывались по три рубля с полтиной. Столько же стоил комплексный обед в заводской столовой. Средняя зарплата у станочников была тысяча рублей. У слесарей и «карменов» в два раза меньше. С каждой бутылки Быстроногую Оленю полагались «копытные» — десять процентов или пятьдесят грамм в жидкой валюте, которую предприимчивый слесарь сливал в свою тару, а потом, когда наполнялось поллитра, заново пускал в продажу.

— Ну что, Витёк, много сегодня скалымил? — прислушиваясь к звону бутылочного стекла и журчащему переливанию жидкости за раскрытой дверцей шкафчика, спросил Саламаха.

— А тебя заба дусыт, — зло прошепелявил Быстроногий Олень.

— Да не жаба, а целый бегемот! — миролюбиво осклабился «морской волк» в тельняшке. — Ты бы женился, Витёк, остепенился бы. А то бегаешь, как золушок, ублажаешь этих остолопов, да того в расчёт не берешь, что позоришь нашу профессию. Я вот на выходных тоже подкалымливал у одного писарчука, интеллигент — четыре глаза, так он мне экзамен устроил: «А ты знаешь, слесарь, кто такой Онегин? А ты знаешь, кто такой Тёркин?» Так и хотелось ему в рожу двинуть разводным ключом...

— Мне хата нужна! — оборвал его изливания Быстроногий Олень.

— Так иди в примачи! Вон, как Генка, и будет тебе хата! — не унимался Саламаха. — Если бы Генка в твои годы так рассуждал, то не видал бы он сейчас ни малиновых футболок, ни сиреневых трусов!

— Лёнь, ты язык свой завяжи морским узлом! — разозлился Тарасов.

Малиновую футболку ему подарила дочь, которой очень не нравилось, что её отец одевается «как в концлагере», а про трусы, наверное, напарник приврал ради красного словца.

— Ну, ладно, мужики, мы пойдём, — весь пунцовый поднялся из-за стола Лёха Бессонов.

Я передал котят их матери. Дремавшая кошка разлепила сонные изумрудные глаза с тонкими чёрными вертикальными чёрточками. Увидев меня, её глаза вспыхнули одобрительной улыбкой гостеприимной хозяйки. Она словно говорила мне: «Ты приходи к нам ещё, будем рады!» «В понедельник принесу вам чего-нибудь вкусного!» — глядя глаза в глаза, и также как она, медленно моргая, ответил я без слов. Кошка поняла, блаженно сощурилась и замурчала от моих поглаживаний.

— Ну ты идёшь? — недовольно фыркнул Лёха.

Рабочий день уже заканчивался. До звонка оставалось пятнадцать минут. Последние припозднившиеся модельщики мылись у длинного, на два окна, рукомойника с общей, такой же длинной, раковиной из нержавеющей стали. Они стояли в сланцах, как аисты, на одной ноге, вторую закинув на раковину и намыливая ступню большими коричневыми брусками.

— Мойте, ребята, хозяйство мылом хозяйственным, — весело подмигнул нам долговязый Ершов.

Над рукомойником и курилкой нависала наша раздевалка, сваренная из металла и обитая крашеной в синий цвет фанерой. С каждым шагом вверх по высокой, как в иных фитнес-клубах, лестнице, всё отчётливее

слышались радостно возбуждённые окончанием рабочего дня и предстоящими выходными голоса рабочих. Культура питания в цеху, за исключением немногих забулдыг, была такова, что до обеда «соображали на троих», а после него был «отходняк». Поэтому к половине четвёртого все были на бодрячке, наплескавшись и умывшись.

У каждого из нас теперь было по трёхстворчатому шкафу, сбитому из деревянных брусков и фанеры. Накануне, в июле, по заводу прошло первое большое сокращение и наши ряды заметно поредели. Я открыл дверцу и стал быстро раздеваться. Ещё в слесарке меня стала беспокоить, как говорила наша единственная, уцелевшая после сокращения, уборщица Лариска, «какая-то зудёжь» в ногах.

Скинув спецовочные штаны, я с ужасом обнаружил, что мои ноги до колена, а кое-где и чуть выше, усеяны множеством горящих и кровоточащих прыщиков, как у детей при ветрянке.

— Сашка! Ты что сегодня весь день без трусов работал?! — изумлённо воскликнул Богачёв, переодевавшийся у соседнего от меня шкафчика.

— А пусть всё дышит, — ответил Пишулин, спешно надевая чистые брюки и перемигиваясь вразнобой глазами.

— А я думал, что ты ртом дышишь, — озадаченно «завис» Богачёв, — или носом.

Все вокруг дружно заржали, но мне было не до смеха. Спросить бы у Андрея Лахнова, предупреждавшего: «Наберётесь там у них заразы». Видно, знал он что-то. Только неудобно как-то спрашивать у этой ехидны и нарцисса. Да и не доктор он. Надо будет после работы зайти к кожнику в первую городскую, что напротив «Энергомаша», — так думал я, переодеваясь в прескверном настроении, ведь никогда прежде ничего подобного со мной не случилось.

На остановке «Энергомаш» Лёха предложил отметить пятницу пивком из ларька. В самом деле, почему бы ему не скоротать время, пока «ищут пожарные, ищет милиция» для него подругу жизни. Но, с моими новыми заботами, я отказался, сославшись на «дела», и поспешил в больницу через дорогу.

В регистратуре сказали, что сегодня врач уже не примет меня, но можно записаться на утро понедельника. «Что ж, — подумал я, — позвоню в понедельник на работу и отпрошусь». С тем и поехал домой на разболтанном троллейбусе, издающем какофонию скрипящих и громыхающих звуков, как фантастический пепелац в фильме «Кин-дза-дза».

Каждый раз на середине пути, едва показывался у речки Везёлки заброшенный военный завод «Опыт», который так и не успели ввести в

эксплуатацию перед развалом страны, я отводил от него глаза, ощущая покалывающую боль в груди и горечь в горле. Потемневший бетон этого гигантского сооружения угаснувшей цивилизации навевал мрачные мысли о нашем будущем. И каждый раз переезжая через мост, у меня возникало гнетущее чувство, что мы переезжаем покойника.

Едва я зашёл домой, как навстречу мне из кухни вышла мать с шитьём в руках и, подслеповато щурясь, сказала:

— Сходи к Михаловне. Ей сегодня плиту поменяли, она попросила старую вынести на мусорку и десятку нам дала.

Михаловна жила одна прямо над нами на восьмом этаже. Я позвонил и за дверь раздавался хриплый старческий голос:

— Кто?

— Сосед снизу. Я за плитой пришёл.

Два раза щёлкнул замок и на пороге я увидел круглобокую старушку маленького роста. Щёки, словно яблоки, глаза, как щёлки, седые волосы стянуты на затылке в тугой пучок. Она была похожа на японку, разве только что была не в кимоно с зонтиком, а в пёстром сарафане с топором в руке.

— Ты Нинин сын?

— Да.

— Средний?

— Старший.

— Ну пойдём.

Она повела меня на кухню, размахивая по пути свободной рукой, словно призывая стены в свидетели и «приседая» по-вологодски на букву «о»:

— Это моя собственность! Я её приватизировала. Пусть только попробуют отнять. Видишь какой у меня топор? Я им в деревне головы курам рубала.

На кухне в четыре квадрата, где в тесноте, да не в обиде умещались маленький кухонный стол с двумя табуретами, холодильник «Полюс» и сервант с посудой, вплитык к подоконнику притулилась новая четырёхконфорочная украинская «Дружковка». Посередине кухни стояла старая колченогая и закопчённая двухконфорочная плита. Я приподнял её за края от пола, и она оказалась даже легче, чем я думал — плёвое дело.

— Подожди, — Михаловна положила топор на старую плиту, повернулась ко мне задом, и, нагнувшись, стала шарить под столом.

Оттуда она вытащила два пластмассовых ведра, доверху наполненных какими-то лекарствами в упаковках:

— Выброси их!

— Что это?!

— Мне их дочка приносит, а я не пью.

— Почему?

— Не требуется.

— Но зачем выбрасывать! — Ошалел я. — Если у вас не будет лекарств...

— Главное, чтобы я была! — с богоборческим вызовом топнула ногой Михаловна.

— Так может потом понадобятся. Врачи скажут...

— Врачи ничего не знают. Они — «турки»! — рассердилась старушка. — Мне семь и семь в этом августе будет. Я в колхозе сады сторожила и у меня ни разу температуры не было! Ко мне во сне родственники, Царство им небесное, приходят и говорят: «Когда ты к нам придёшь?», а я им отвечаю: «Никогда!»

Я не стал больше спорить с Михаловной, сказал только, что пусть лекарства пока ещё побудут у неё под столом, а сам схватил плиту и выскочил за дверь.

За выходные я перечитал все мамины медицинские справочники, но так и не смог по ним поставить себе диагноз, потому что ни одно из описаний симптомов различных болезней не подходило под мой случай. Однако за эти два дня мои кроваво-красные прыщи превратились сначала в розовые, а потом даже в бледно-розовые. Я готов был уверовать в правоту слов великого римлянина, сказавшего: «Покой — лучшее лекарство». Но всё же, раз уж записался, решил обратиться к медикам. Пусть они, как знатоки из передачи «Что? Где? Когда?», раскроют мне тайну высыпания красных прыщей на ногах.

В девять утра в понедельник я был в первой городской больнице. Она кричаще требовала ремонта, как и всё в России, и не косметического, а капитального. Посетителей в коридорах почти не было. Постоянные осенне-зимние клиенты медиков были заняты своими огородами. Август — месяц сбора урожая. Ельцин со своими младореформаторами заставил-таки дорогих россиян полюбить землю, а тем, кому непосильно было заниматься тяжёлым сельским трудом, одна экстравагантная дама от политики посоветовала собирать грибы и ягоды.

Я сразу попал на приём к дерматовенерологу. Это оказалась молодая полная женщина с мутным взглядом, какой обычно бывает у тех пожилых людей, у которых разрушается хрусталик глаза.

— Я вас слушаю, — равнодушным голосом начала она.

— У меня на ногах до колена какие-то красные прыщи высыпали.

— Показывайте.

Я снял джинсы и оказался в длинных семейных трусах, которые были мне почти до колена.

— Вот досюда, — провёл я ребром ладони по коленным чашечкам.

В глазах докторицы появился хоть какой-то тусклый интерес. Немного подавшись туловищем вперёд над столом, она с сомнением спросила:

— А выше коленей?

— Там нет.

— Точно нет?

— Точно.

Я подумал, что она сейчас, как интервьюировавшие в пятницу президента журналисты, спросит меня: «Твёрдо и чётко?» И я уже готов был надуть щёки и железно ответить: «Твёрдо и чётко!» Но вместо этого докторица сделала ход конём, как это любят делать следователи по особо важным делам, и неожиданно спросила:

— У вас были беспорядочные половые связи?

Она это сказала это с таким выражением лица, словно обычный терапевт, спрашивающий у пациента: «Ветрянкой в детстве болели?»

— Нет! — стараясь держать себя в руках ответил я. — Вы можете мне сказать, что это такое?

— Это может быть всё, что угодно, — докторица взяла серый бумажный бланк из стопки на левом краю стола и стала что-то на нём чиркать, — вам нужно сдать анализы на втором этаже — кровь из вены, кровь из пальца. Через час заберёте и снова ко мне.

На втором этаже тоже никого не было, и я сразу вломился в кабинет сдачи анализов со своим направлением. Пожилая медсестра шарахнулась от меня, как от приведения:

— Да у вас ни кровинки в лице! Я не буду у вас кровь принимать!

Но как же без анализов? Пришлось успокоиться и снова взять себя в руки. Через пару минут кровинки в лице, видимо, опять заиграли, потому что медсестра радостно воскликнула:

— Ну вот, теперь совсем другое дело!

Через час я снова был в кабинете дерматовенеролога. Она с недоумением изучила результаты анализов, потом перевела свой мутный взгляд на меня и честно призналась:

— Я не знаю, что это у вас такое.

— И как мне быть?

— Попробуйте обработать ноги мазью Вишневского.

— А если не поможет?

— Тогда приходите снова, — тяжело и глубоко вздохнула она, словно взялась нести непосильный крест, — будем думать.

Мазь Вишневского я, разумеется, покупать не стал, потому как почувствовал, что докторица и сама сомневается в том, что мне советует.

Было уже половина одиннадцатого, когда я вышел из больницы. На улице вовсю жарил август. Безбрежное небо сверкало и слепило глаза своей синевой, а белые, как морская пена, облака наплывали на высокие кроны деревьев центрального парка, находившегося правее от меня. «Острова зелёного мыса», — почему-то подумалось мне.

И всё же на улице ощущалась некоторая суета и нервозность. Иные прохожие своей растерянностью напоминали заблудившихся потеряшек. У дверей в банк на углу пересечения двух улиц расхаживала влево-вправо, всхлипывая и звонко цокая каблуками по каменным плитам, высокая, крупная и сутулая женщина колхозного типа с кем-то разговаривая по мобильному:

— Мы должны были с мужем через неделю уже загорать на Кипре, а теперь всё отменяется! Девальвация! — истерила крашенная блондинка в несуразно на ней сидящем деловом костюме, размазывая, как лопатой, мужицкой ладонью тушь и сопли по лицу, — И придётся нам вместо Кипра лететь в эту вонючую Турцию! Прикинь, подруга! Я ненавижу эту пьяную мразь!

По пути на завод я подошёл к ларьку возле остановки «Энергомаш», где мы обычно по пятницам после работы брали с Лёхой Бессоновым по паре бутылок пива с чипсами или солёным арахисом. Такие ларьки с небольшими стеклянными витринами, были переделкой из железных транспортных контейнеров и стояли на каждом углу. Коммерсы их называли «точками».

Итак, дойдя до «точки», я в очередной раз испытал шок, как, видимо и задумывалось творцами великих рыночных реформ. За стеклом был всё тот же ассортимент с яркими и кричащими этикетками: «Орбит», «Мальборо», «Лейс», «Пепси», «Баунти»... Вот только цены на всё заметно выросли. Сигареты, которые вчера стоили три рубля, теперь продавались по шесть.

— Почему такие цены? — спросил я в окошко у продавщицы спортивного телосложения с собранными в длинный, как у лошади, хвост волосами цвета соломы.

Она кромсала ножницами лист белой бумаги. Рядом лежали фломастер и скотч.

— Так дефолт объявили! — бесшабашно радостно откликнулась королева ларька, как человек, у которого всё самое худшее уже позади. — Я с утра не могла отдуплиться, что происходит. Все подходят и берут сигареты блоками. Никогда такого не было. Сбегала домой по делу, а мобилу в ларьке забыла. Возвращаюсь, а у меня девятнадцать пропущенных. Набираю хозяина, а он орёт, будто его грабят и режут:

«Срочно умножай все цены на два!» Вот сижу, занимаюсь. А люди всё молча хапали, хоть бы предупредили. Что за народ у нас!

Я поспешил на завод, надеясь, что может хоть там ещё уцелела тихая гавань прежней жизни, которая в свете последних событий представлялась не такой уж и мрачной. Однако в нашем цеху тоже произошли революционные изменения. Вдоль стен по всему периметру был густо посыпан какой-то белый порошок.

— Ну как сходил?! — подскочил ко мне маленький, юркий и наглый, как воробей, мастер нашего участка Серёга Наумов, вислоусый, голубоглазый хохол из киевской глубинки.

— А что это такое? — показал я взглядом на посыпку.

— Санэпидемстанция, — объяснил мастер. — Слесаря ещё в пятницу хай подняли, что их блохи за ноги покусали. Нашему начальнику трезвонить стали. Вот сегодня утром служба приехала.

— Так это значит и меня блохи покусали?! А медики в больнице сказали, что понятия не имеют, что это такое.

— Псс... — прыснул Серёга. — Ты бы ещё к бабкам-гадалкам на Болховце обратился. Медицина — это белое пятно науки! Лучше бы вон у наших мужиков спросил. Я когда после аппендицита дома лежал, так мне так хотелось огурцов наших бочковых, ядрёных, аж скулы сводило. Медики сказали: «Нельзя, соблюдай диету!» А батя мне говорит: «Если хочется, значит можно! Организму требуется, ешь и никого не слушай!» И я нарубался от души огурцов, помидоров, квашенной капусты. И выздоровел! А так может загнулся бы от их диеты. А ты говоришь! Медики...

Я пошёл вглубь цеха. Был двенадцатый час, и почти все работники ушли в столовую. Только некоторые остались на своих местах и распаковывали «термоски», сидя за верстаками. Лёха Бессонов только что снял тряпкой с электроплитки алюминиевую миску с разогретыми в ней макаронами рожками, поверх которых лежали две странные котлеты, похожие на подгоревшие оладьи.

— Привет, — поздоровался я. — Ты теперь с собой решил брать?

— Привет, — радостно и немного смущённо улыбнулся товарищ.

— Чего такой счастливый? — удивился я. — Про девальвацию слышал?

— Да слышал, — небрежно отмахнулся Лёха и я сразу понял, что его голову сейчас будоражит нечто куда более важное, чем дефолт. — Хорошо, что мы с тобой в пятницу не стали пиво пить. Я к дому подхожу, а там меня уже друзья ждут, говорят: «Мы тебе подругу нашли!» Я быстро заскочил домой, а потом мы взяли в гастрономе торт с баклажкой кваса и пошли к ней в общагу знакомиться.

— Когда свадьба?

— Да подожди ты! — просиял польщённый Лёха, не оценивший моей иронии. — Ей ещё год надо, чтобы семнадцатую бурсу закончить. Следующим летом поженимся.

— А что это у тебя за такие странные котлеты?

— Из перетёртых овсяных хлопьев с бульонными кубиками «Галлина Бланка». Мать по телеку рецепт увидела. На вкус, как настоящие куриные котлеты, — пояснил Бессонов, выкладывая на верстак из пакета горку мелких огурцов и помидоров со своего огорода.

— Скажи, тебя ведь в пятницу тоже блохи укусили? — я плавно перешёл к животрепещущему.

— Ну да.

— А почему ты мне ничего не сказал?

— А ты сам не понял? Тебя что, блохи никогда не кусали? — как-то недоверчиво посмотрел на меня Лёха.

— Да с чего бы?

— Ну, ты перец! Ты, небось, и в деревне никогда не жил?

— Да был пару раз в гостях.

— Вот теперь будешь знать! — ехидно усмехнулся Бессонов. — А то всё книжки читаешь, а как блохи кусаются не знаешь. Тоже мне грамотей.

— Да медики тоже не знают. Сказали: «Это может быть всё, что угодно».

— Медики, — скривился Лёха надкусив огурец, который, видимо, оказался горьким. — Медики только и умеют, что кровь нашу высасывать. Мне вот ещё семнадцать кровосдач осталось, будет бесплатный проезд и пятьдесят процентов за комуслуги...

Я пошёл переодеваться, а в голове всё смешалось — калейдоскоп лиц и беспорядочный гул голосов, как на рынке в воскресный день: «Белое пятно науки... Они «турки»... Тебя что, блохи никогда не кусали?.. У вас были беспорядочные половые связи?..» Стоп! А как же кошка с котятками?

Я быстро развернулся и направился к выходу, где находилась цеховая контора. Серёга Наумов сидел мрачный в комнате мастеров и слушал радио. Российское правительство снимало с себя обязательства по дальнейшему поддержанию курса рубля и под похоронную музыку отправляло его в свободное плавание — финансовая пирамида ГКО приказала долго жить, в очередной раз обманутым вкладчиком.

— Я спросить хотел про кошку и её котят?

Серёга сначала не понял, а потом заулыбался и весело, по-мальчишески, махнув рукой, успокоил меня:

— Не переживай! Наша Валька, крановщица, как узнала, что такое дело, так кошку с котятами в сумку и отпросилась у меня отлучиться. Она тут рядом на пятом заводском живёт в своём доме.

— Слава Богу, — выдохнул я. — Так им будет гораздо лучше, чем в цеху.

— Да кто его знает, где сейчас лучше, — снова потемнел лицом мастер, — Видишь, что в стране творится. Борька-самозванец подвёл всех под монастырь. Это ж надо так сказать: «Твёрдо и чётко». Падла!

Прозвенел звонок, возвестивший окончание перерыва. Снова загудели станки и застучали молотки. «Ну что ж, всё закончилось как в душещипательных сериалах, — размышлял я, возвращаясь к рабочему месту. — Кошка с котятами обрели дом, Бессонову нашли подругу, тайна красных прыщей благополучно раскрыта, исходящая от них опасность купирована, а девальвацию мы как-нибудь переживём. Только бы не сталкиваться больше с такими вот медиками. Врачу — исцелися сам!»

Надежда СМАГЛИЙ

КОГДА УЛЕТАЮТ АИСТЫ

Сегодня был явно не мой день! Я вымучивал доклад, в прямом смысле этого слова, думая чуть ли не над каждым предложением. В конце концов, решив ненадолго переключиться и выпить чашечку кофе, закрыл ноутбук и прислушался. В квартире было непривычно тихо. Странно. Обычно в вечернее время у дочери начинается чрезмерная активность.

«Неужели непоседа, наконец-то, услышала мою просьбу и решила не отвлекать от «важных делишек» – как она говорила, – усмехнулся я и направился на кухню.

Внезапно меня охватило смутное чувство тревоги. Я просидел над докладом не менее двух часов, а дочь за это время ни разу не прибежала ко мне! Такого не было никогда! Её не останавливали никакие запреты и просьбы. Я вспомнил, какими грустными глазами она смотрела на меня за ужином, мельком бросил взгляд на часы и вздохнул:

«Наверное, обиделась. Ладно, и кофе, и доклад подождут. Надо узнать, чем занимается дочь, да и пожелать ей спокойной ночи», – подумал я и, резко развернувшись, пошёл в детскую. Постучав костяшками пальцев по двери, пропел:

– Кто-кто в теремочке живёт?

За шуточной присказкой обычно следовал ответ дочери:

– Это я, царевна... – кричала она, опуская слово лягушка. Это был своего рода ритуал. Сейчас ответа не последовало.

– Сашенька?

Тишина.

– Точно. Обиделась! Вот стрекоза, – удивлённо хмыкнул я и приоткрыл дверь.

Дочь сидела на кровати. В руке она держала портрет матери в чёрной рамочке, но смотрела не на него, а на картину, что висела на противоположной стене. Несколько лет назад я заказал её молодому, но очень талантливому художнику! На картине были изображены два аиста, стоящие на крыше деревянного, почерневшего от времени, строения. Рассветное солнце уже зарумянило и конёк крыши, и верхушки деревьев, и разметавшуюся вдаль деревню, и только грациозно раскинутые крылья

птиц, слегка окантованные чёрным, да ажурное облачко, проплывающее в вышине, оставались на этом фоне белоснежными. Мне, умеющему рисовать только кривые рожицы, было непонятно, как художник сумел наложить на полотно невероятный эффект лёгкого движения облака и ещё более невероятный эффект присутствия, пусть и эфемерного, но живого существа! Картина казалась открытым окном в настоящий, хоть и с лёгким мистическим оттенком, мир, от которого так и веяло покоем и тихим семейным счастьем.

С трудом отведя взгляд от полотна, я подошёл и поцеловал дочь в макушку.

– Спокойной ночи, моя девочка.

Сашенька, молча, опустила голову. Я присел перед ней.

– Эй, ты чего? – спросил шёпотом, увидев нахмуренный лоб, слегка покрасневшие глаза и кривившиеся, как от обиды, губы.

– Ты плакала?

– Нет.

– Ты обиделась на меня?

– Нет!

– А что тогда случилось?

– Ничего. Просто грустно.

– Хочешь, прочитаем сказку?

– Пап, я уже взрослая.

Я улыбнулся, разглядывая лежащий на тумбочке томик сказок Пушкина, который дочь называла «ночной книгой», и выглядывающий из-под подушки уголок книги «Весёлые рассказы» Носова. Только вчера вечером, после прочтения чуть ли не половины книжки, мы с дочерью устроили целое представление: сначала с летающими по комнате подушками, а потом и с одеялом-столом на полу, куда мы тщетно пытались спрятаться от главного героя – кота Кузьмы. В отличие от кота, который вполне уютно чувствовал себя под моей шляпой, мы под импровизированным столом не помещались.

– Тогда весёлый рассказ, взрослая ты моя, но только один, – рассмеялся я, вспомнив вчерашнее веселье.

– Не хочу, – дочь глянула удивлённо и отвернулась.

– А что ты хочешь? – положив руку на лоб дочери и облегчённо выдохнув, спросил я.

– Расскажи мне о маме? – сказала Сашенька, с лёгким раздражением отбрасывая мою руку.

– Девочка моя, я же говорил, что завтра у меня важная встреча и к ней надо подготовиться. Понимаешь?

– Понимаю, – шепнула дочь и опустила голову. Пепельные локоны рассыпались по плечам, закрывая лицо, а на одеяло закапали слёзы, заставляя моё сердце пропускать удар за ударом.

Глядя, как беспокойные пальчики дочери бегают по пижаме то растягивая ткань, то сминая её в комок, то пытаюсь скovyрнуть разноцветных зверушек, я мысленно чертыхнулся на предстоящую встречу, своего начальника и не готовый доклад.

«Ладно, поработаю ночью. Не первый раз», – подумал я и присел на край кровати.

– Ну, хорошо. Что тебе рассказать?

Дочь молчала. Я тоже молчал, перебирая в памяти забавные истории из детства её мамы и из нашей, такой короткой, совместной жизни.

– Как родилась, – не поднимая головы, шёпотом сказала дочь.

Сердце на мгновение замерло, а затем понеслось галопом, вытягивая из прошлого бесконечно-долгую, так и не забытую, боль. Об этом я ей не рассказывал.

– Сашенька...

Дочь уставилась на меня. Я всматривался в блестящие от слёз глаза, пытаюсь уловить в них прежние, такие знакомые и привычные, смешинки. Уловить и перевести разговор на другую тему! Но в глазах – вопрос и ожидание. И мольба...

– Может, в следующий раз? Уже поздно и тебе пора спать, – всё ещё надеясь отложить тяжёлый разговор, пробормотал я.

– Спать?

Сашенька перевела взгляд на картину, потом снова на меня. Теперь в лёгком прищуре глаз сквозил холодок. Совсем как раньше при малейшей размолвке у жены.

Я смотрел на дочь, снова и снова удивляясь её поразительному сходству с матерью – единственной женщиной, которую я любил, но сбeречь всё-таки не сумел. На протяжении долгих лет меня не отпускала мысль: а можно ли было тогда помочь жене; всё ли сделали врачи; и нет ли в том, что произошло, моей вины? Но ответ, ни на один вопрос, так и не находил...

– Да. Спать, – я попытался придать голосу строгие нотки.

– Хорошо, – как-то отчуждённо сказала дочь и отвернулась.

– Девочка моя, ты ещё слишком мала, можешь не понять.

– Сказала же, хо-ро-шо... – дочь хлюпнула носом, поставила портрет на тумбочку и легла, укрывшись с головой.

Лёгкое отчуждение дочери было так непривычно, что махнув на всё рукой, я откинул краешек одеяла, вытер мокрые щёки Сашеньки и сказал:

– Нам обоим будет больно! Понимаешь?

– Понимаю...

– Дай слово, что не будешь плакать.

– Не буду. Обещаю! – прошептала Сашенька, выскользнула из-под одеяла и, забывшись ко мне на колени, обняла за шею.

– Ну? – выдохнула мне прямо в ухо.

Я задумался... Рассказать Сашеньке правду? Да поймёт ли десятилетняя девочка, как мне тяжело было в тот день! Каким ударом, на фоне полного благополучия, стали слова врача, что ребёнок, по всей видимости, умер и надо спасать женщину. Как сложно было принять правильное решение... Да и было ли оно правильным?

Как рассказать о шоке после страшного известия о смерти жены, а затем и о новорождённой девочке, чудом оставшейся в живых? А главное... как рассказать о том, что я, раздавленный и оглушенный свалившимся на меня (словно бетонная плита!) горем, целый месяц не мог забрать её из родильного дома, считая виновницей всего произошедшего! Как такое рассказать?

Уже потом, на протяжении долгих лет, глядя на подрастающую дочь, я не мог представить своей жизни без этой сероглазой девчушки. Но тогда... В тот роковой день, в тот страшный месяц...

Дочь слегка отстранилась и теперь уже требовательно смотрела на меня в ожидании рассказа. И я понял: время пришло. Она имела на это право. Моя маленькая девочка. Моя Сашенька.

– Серёжа, смотри – аисты! Моя жена – Сашка-колобок, так звал я её из-за огромного живота, стояла на крыльце и махала над головой руками.

Поставив сумку, доверху набитую домашними продуктами, я поднял голову и замер: на крыше сарая стояли два аиста!

– Хорошие мои, родненькие! Спасибо, что прилетели, – приговаривала Сашка.

– Ты только посмотри, Серёжа, какие красавцы! Ты только посмотри! – кричала она и пыталась приплясывать, смешно подпрыгивая на месте. Полы длинной вязаной кофты, застёгнутой только на верхнюю пуговицу, были похожи на крылья огромной птицы и хлопали её по туго обтянутому фланелевой пижамой животу. Я рассмеялся и обнял жену. Прошло три года после нашей свадьбы, но я любил Сашку по-прежнему. Даже сильнее! Меня в ней умиляло всё.

Маленькая и худенькая, словно девочка-подросток, она с удивлением смотрела на мир серо-голубыми глазницами, радуясь каждой мелочи, каждому цветочку и листочку. Сашка умела создавать праздник из совершенно, казалось, обыденных вещей: будь то букет из разноцветных листьев на прикроватной тумбочке; празднично накрытый стол к

повседневному ужину; преподнесённые в торжественной обстановке билеты в кино, театр или на концерт. Вся эта масса милых мелочей тянула меня домой, как магнитом.

Жили мы в городе. Ранней весной сбегали от шума и пыли в тихую деревищу, где давно пустовал дом моей бабушки. И хотя из этого, богом забытого, местечка мне далеко было добираться на работу, лес, речка и домашние продукты, особенно любимое Сашкино парное молоко, этого стоили.

Мы часто бродили по лесу, порой просто так, а порой брали корзинки и набирали грибов. В пруду, который начинался сразу за нашим огородом, водились караси и зеркальные карпы. Даже Сашка не могла отказать себе в удовольствии ранним утром постоять на берегу с удочкой. А летними вечерами мчались мы наперегонки к мостику, что уходил прямо в воду, чтобы посидеть на хлипком деревянном настиле, поболтать в воде босыми ногами и помечтать. По странному стечению обстоятельств, всё, что мы планировали, сидя на мостике, сбывалось!

Так было каждый год. Мы приезжали сюда вдвоём. Но этой осенью... Однажды вечером Сашка прильнула ко мне и застенчиво прошептала:

– Ты знаешь, кажется, у нас будет ребёнок...

Что мне хотелось сделать в этот миг? Петь и плясать от радости, кричать о своём счастье? Больше, намного больше! Я готов был обнять весь мир и качать, и баюкать его в ладонях, как своего будущего младенца.

Как мы ждали ребёнка, как готовились к его появлению! И вот, наконец-то, прошли долгие девять месяцев. Наступил срок родов. Мы собирались уезжать в городскую квартиру, хотя признаков, что это произойдёт даже завтра, не было.

– Серёжа, – прошептала жена, – я хочу сфотографировать аистов.

– Сашка, фотоаппарат уже упакован.

– Да знаю, знаю! Ну, что стоит найти его в чемодане? Я быстро!

Сашка повернулась и, тяжело переваливаясь, пошла в дом.

«Быстрая ты моя», – глядя ей вслед, я заулыбался и уселся на ступеньку, но тут увидел, как на крышу сарая по лестнице взбирается соседский кот! Огромная чёрная бестия, весившая килограмм пять, а то и больше, могла напугать не только аистов. Я замер. Начни гнать – напугаешь и птиц, а они, видимо, только выбирают место для гнезда. Не отгони – их спугнёт кот, а может и схватить! Пока я раздумывал, котьяра дополз до верхней ступеньки, напрягся и стремительно влетел на крышу, но не удержался на скользком от росы шифере и, истошно вопя, покатился вниз.

Аисты встрепенились, взмахнули крыльями и, словно нехотя, поднялись в воздух...

Прекрасные птицы, приносящие в дом счастье, грациозно парили над нашим подворьем. От злости я подскочил и швырнул в кота веник. Котяра взвыл и бросился прочь. Но аисты сделали круг и... улетели.

Сашка, улыбаясь, вышла на крыльцо с фотоаппаратом в руках.

– Серёжа, представляешь... – и замерла, глядя на пустую крышу.

Глаза заблестели, и она зашмыгала, сразу покрасневшим, носом. Я обнял жену и поцеловал.

– Ну, что ты, родная? Может, они ещё прилетят!

– Нет, Серёжа, не прилетят. Плохая это примета, – разрыдалась Сашка.

– Глупышка, какие ещё приметы! Пей своё молоко и переодевайся, а я пока проверю, везде ли закрыто.

Сашка пошла в дом. Проверив сараюшки и подвал, я выгнал со двора машину. Ехать нам недолго, всего час, а на приём жене после обеда, так что спешить особо некуда, можно даже остановиться и побродить по лесу.

На крыльце снова появилась Сашка. Во влажных глазах её затаилась боль, готовая вот-вот выплеснуться наружу.

– Серёжа, у меня, кажется, воды отходят.

– Как отходят? А малышка?

– Н-не знаю. Я её сегодня не слышала... – Сашка всхлипнула и разревелась.

– Быстро в машину!

Я открыл переднюю дверцу и почти толкнул жену на сиденье.

– Мне надо переодеться!

– Не надо! Мы сразу в роддом, – скрипнул я зубами от злости на себя.

«Вчера надо было ехать. Вчера! Ведь собирался же! Снова не смог отказать Сашке, умоляющей побыть лишней денёк в деревне...» – ругая себя, я закинул вещи в багажник и закрыл дом. Постоял на крыльце, оглядывая подворье, пытаюсь, хоть немного, успокоить, словно выскакивающее из груди сердце, затем сел за руль. Открыл окно и закурил. Стало немного легче.

«Ну, что я дёргаюсь? Только жену напугал. Ехать до города всего час! Всё будет хорошо», – успокаивал я себя, но сердце то пропускало удар за ударом, то мчалось галопом и ухало, словно скатываясь в пропасть. Перед глазами стояли, взлетающие с крыши, аисты, словно уносили они на чёрно-белых крыльях моё счастье.

Я раздавил в пепельнице сигарету и посмотрел на жену. Сашка сидела, напряжённо уставившись на мои дрожащие руки.

«Спокойно! Что ты паникуешь? Тоже мне мужик!» – подумалось зло.

Я через силу улыбнулся и сказал: – Сашка, ну, ты и трусишка. Мы же так ждали этот день. Вот он и наступает! У нас сегодня или завтра родится

очаровательная девчушка, похожая на маму. Нас будет трое! Когда мы с именем определимся?

Я наклонился и прижался губами к виску жены, вдыхая родной запах. Она сразу расслабилась и, положив голову мне на плечо, шепнула:

– На узи она похожа на папу.

Мы рассмеялись одновременно, вспомнив первое узи нашей малышки, вставленное в розовую рамочку, что висело в спальне напротив кровати. Тревога потихоньку отпускала. Я посмотрел на руки – они больше не дрожали. Можно было трогаться.

– Всё, помчались, – сказал я и завёл машину.

Стараясь не спешить и не пугать лишний раз жену, я еле сдерживался, чтобы не давить на газ. Мне так хотелось быстрее оказаться в спасительном роддоме!

Сашка сидела, опустив голову и изредка шмыгая носом. Иногда она украдкой поглядывала на меня. Боковым зрением я это видел и, пытаясь побороть дрожь в голосе, излишне громко говорил:

– Всё будет хорошо. Успокойся, прошу тебя! Малышка тоже нервничает.

– Хорошо... – она пыталась расслабиться, но снова и снова горбилась и вжималась в сиденье.

За очередным поворотом показались высотные здания.

– Если не будет пробок, минут через двадцать будем в роддоме. Там врачи, – казалось, подумал я.

Но Сашка, словно эхо, повторила:

– Врачи...

Я и не заметил, что говорю вслух.

– Родная моя, мы почти приехали. Как ты себя чувствуешь?

– Не знаю. Странно как-то. Аистов жалко...

– У тебя ничего не болит?

– Нет.

– Ребёнок шевелится?

– Н-нет... Знаешь, мне кажется, что я скоро буду рожать: вниз сильно давит. Может, поэтому...

– Как это – давит? Сначала же схватки должны быть!

Сашка пожала плечами и заплакала.

Я сжал зубы и вцепился в баранку так, что в какой-то момент мне показалось, что кожа на косточках пальцев вот-вот лопнет!

Машина въезжала во двор родильного дома, но тревога в душе только нарастала.

Акушерка в приёмном отделении недовольно посмотрела на нас и отставила стакан с чаем.

– По направлению в патологию или схватки? – она смотрела на огромный Сашкин живот.

– Нет схваток, – голос жены дрогнул.

– Значит, в патологию.

– Не-ет!

– А чего приехали?

– Воды у меня отходят.

Я хотел объяснить ситуацию, но акушерка отмахнулась и снова заворчала:

– Чего тогда сидели? Сидят до последнего! Вот родишь в приёмной! Что за люди!

Я не выдержал и сказал:

– Всего час, как воды начали отходить. Пока доехали из деревни.

– За час можно сто раз родить! – как-то зло выпалила женщина, – документы давайте!

Увидев умоляющий взгляд жены, я, молча, подал паспорт и обменную карту.

– Перед родами дома сидеть надо, а не по гостям шастать. Вы же в городе живёте. Вот чёрным по белому написано, – снова заворчала акушерка.

– Может, вы начнёте принимать жену, а не рассказывать, что нам надо было делать? – едва сдерживаясь, сказал я.

Акушерка бросила на меня гневный взгляд, но сказала неожиданно спокойным голосом:

– Выходите и ждите в холле. Женщину приму, потом заберёте одежду, – и, повернувшись к Сашке, добавила, – а ты, гулёна, раздевайся и проходи за ширму. Первые роды?

– Первые... – уже из-за двери услышал я Сашкин дрожащий голос, и тревога накатила на меня с новой силой.

Я сидел, сжимая и разжимая кулаки, пытаюсь унять дрожь в пальцах. В приёмной было тихо. Внезапно там послышался какой-то шум, быстрый топот, и снова всё стихло.

Я встал и заходил по огромному холлу. Хотелось курить, но выйти я боялся.

В приёмной хлопнули двери, и, через время, мужской голос произнёс:

– Обработывайте быстро.

Внезапно послышался Сашкин крик и тут же голос акушерки:

– Не тужься! Ты что, с ума сошла! Дыши, говорю тебе. Дыши!

Снова топот, голоса и стук металлических колёс.

Я не выдержал и забежал в приёмную. Сашка лежала на каталке, лицо было синюшно-багрового цвета.

Я подскочил к ней и закричал:

– Да вы что? Помогите же ей!

Сашка вцепилась в меня мёртвой хваткой.

Пожилой врач глянул мельком и спросил:

– Муж?

– Муж.

– На родах готовился присутствовать?

– Конечно!

– За ширмой костюм: штаны, шапочка и куртка – переодевайся.

Маску не забудь в биксе.

Он говорил отрывисто, слушая в это время деревянной трубкой Сашкин живот и с каждой секундой мрачней всё больше.

– Хотя, нет. Вам пока нельзя в родовую. Подождёте там, может... – он махнул рукой и вышел.

Но я, сделав вид, что не слышал его последнюю фразу, заскочил за ширму, быстро натянул поверх своей одежды синий костюм, схватил маску и снова побежал к жене. Она тут же схватила меня за руку.

Каталку долго везли по коридорам. Я шёл рядом и шептал Сашке, что всё будет хорошо, что я люблю её и нашу будущую малышку. Перед родильным блоком меня попросили подождать. Сашка сжала мою руку и шепнула:

– Серёжа, аисты улетели... Сделай так, чтобы они вернулись... – умоляющий взгляд жены, казалось, взорвал в моём теле целый айсберг! Льдистые осколки впились во все внутренности...

– Они вернутся, я обещаю тебе! Я построю для них гнездо, и они вернутся.

Сашка улыбнулась, провела ладошкой по моей щеке, словно вытирая невидимые слёзы, и прерывисто вздохнула. Каталку закатили в родильный блок...

Я стоял, почти уткнувшись носом в закрытую дверь, откуда слышались приглушенные голоса, металлическое постукивание, изредка протяжный Сашкин крик, переходящий в долгий стон.

Время всё тянулось и тянулось... Мне казалось, что прошла целая вечность!

Туда-сюда бегали медсёстры и санитарки. Потом прошли врачи. Потом с целым штативом пробирок прибежала и убежала лаборантка. Эта суматоха вводила меня в ступор. Я прислушивался, пытаюсь понять, что там происходит, но непонятные фразы, что изредка удавалось услышать, ни о чём мне не говорили.

Наконец, вышел врач, который слушал Сашку в приёмном покое.

Я с недоумением посмотрел на него и спросил:

– Почему меня не пускают? Я хочу присутствовать на родах! Вы же говорили.

– Положение осложнилось. Вам туда нельзя. Вы должны написать расписку, что согласны на операцию.

– Какую расписку? Какая операция?

Врач вздохнул:

– Она не сможет родить сама, надо оперировать, – он посмотрел на меня и отвёл взгляд.

– Почему? Почему не может родить сама? У нас всегда всё было хо-ро-шо! – сам того не замечая, я почти кричал.

– Поверьте, вы не поймёте медицинских терминов, но надо решаться и очень быстро. Крупный плод, низкое прикрепление плаценты. Началась отслойка и кровотечение. Только кесарево сечение! Другого выхода нет. Вы должны решиться, иначе она умрёт.

– А ребёнок?

– Сердцебиение не прослушивается. Мне очень жаль...

Я опустил голову.

– А, если...

– Нет, тогда погибнет и женщина.

В его взгляде я видел не только жалость ко мне, но и уверенность в правильно принятом решении.

– Да, конечно, – прошептал я и машинально расписался в какой-то бумаге.

Врач повернулся и пошёл в родильный блок.

Я присел на кушетку и уставился на дверь. Мне казалось, что если отведу взгляд, хотя бы на секунду, с моей Сашкой случится страшное... Я сидел и вспоминал нашу совместную, такую короткую, жизнь. Каждый её день.

«Ну, за что? Я всё делал для Сашки! Ни разу на приёме не сказали, что у неё есть проблемы!»

За дверью теперь было тихо. Всё ещё надеясь на чудо, я ждал первого крика своей малышки. Его не было. Потом там снова забегали, послышался металлический стук, шум приборов, приглушённые крики, отрывистые команды. Всё прекратилось враз. Тишина... Давящая, тревожная, бесконечная...

Первым вышел врач, который принимал жену. Он глянул на меня мельком, мотнул головой в сторону и пошёл дальше, я – следом. Долго, невыносимо долго, петляли мы по длинным коридорам отделения и молчали. Он не оглядывался, я не догонял его. Наконец, вышли на улицу. Я достал открытую пачку сигарет и протянул. Он взял одну и, глядя в сторону, сказал:

– Мы сделали всё, что могли, но... она умерла.

Перед глазами закружили разноцветные игрушки и крошечное бельишко, разложенное по детской комнате на самом видном месте. Специально. И вот...

«Как я приведу Сашку домой? Как?» – пульсировала в голове мысль, причиняя физическую боль.

Врач, делая затяжку за затяжкой, теперь смотрел мне прямо в глаза.

Я с трудом проглотил, застрявший в горле и перекрывший дыхание, комок и спросил:

– Жена проснулась от наркоза? Она знает?

Врач потёр виски и сказал:

– Ваша жена умерла. Слишком большая кровопотеря. ДВС синдром. Ничего нельзя было сделать. Ни-че-го... В таких случаях мы бессильны... А девочка в тяжёлом состоянии, но она будет жить. Должна жить!

Только через месяц я смог переступить порог родильного дома. Мне снова дали штаны и рубашку. Медсестра повела меня в отделение патологии новорожденных. Я шёл, волоча по коридору ноги, словно кто-то невидимый тянул меня за такой же невидимый канат. Я не хотел этой встречи, но заведующая отделением на ней настояла: надо было принять решение и оформить его документально. И вот я здесь...

Мы снова невыносимо долго петляли по коридорам. Наконец, подошли к детской палате. За стеклянными окнами стояли кровати, в которых спали новорожденные. Медсестра жалостливо посмотрела на меня и сказала:

– Вам хорошо будет видно вашу девочку. Стойте здесь.

Она зашла в палату и подошла к самой ближней кровати. Ребёнок спал. Я равнодушно смотрел на маленький свёрток, не испытывая никаких чувств: ни любви, ни ненависти, ни жалости. Ещё месяц назад я не мог представить встречу с младенцем, так резко оборвавшим жизнь моей Сашки! Да и мою жизнь... Сейчас и стоял, и смотрел, но в сердце была тишина.

Я уже хотел отвернуться и уйти, но тут моё внимание привлекла бирка, прикреплённая к спинке кровати, а на ней: моя фамилия, имя жены и... дата родов.

Сотни, нет – тонны литров кипятка хлынули на меня, ошпаривая и кожу, и внутренности! Прошёл месяц. Целый месяц моя дочь лежит в больничной палате. МОЯ дочь! Одна! В чужой комнате, в чужой кровати, среди чужих ей людей... А дома её ждёт самая светлая в квартире комната, самые яркие и красивые игрушки, самое лучшее детское бельишко... И всё это с любовью приготовлено её мамой. Мамой, которой больше нет...

А отец – единственный родной человек, который клялся ей в безграничной любви, пришёл только сейчас... Пришёл, чтобы предать!

Дрожащими руками я попытался смахнуть крупные капли пота, враз усеявшие лоб, но ладони словно влипли в лицо и давили, и сжимали его, сознательно причиняя боль и смешивая пот и слёзы.

Не в состоянии отнять руки от лица, от стыда перед маленьким человечком, я украдкой, как первоклассник, разглядывал эти буквы сквозь пальцы и, складывал их в слоги, слоги – в слова, но они расплывались по пластиковой бирке, путая мысли и, кажется, лишая меня разума.

Невыносимая боль, словно змеюка окольцевавшая месяц назад моё сердце, вдруг ослабила свою хватку, пропуская в него живительную силу. Капля по капле.

Только сейчас! Только сейчас я понял, что этот свёрток – частичка моей Сашки и это всё, что оставила мне жена... Я собственными руками чуть не выбросил этот драгоценный подарок. Последний подарок моей любимой Сашки! Едва сдерживаясь, чтобы не рыдать от горя и не кричать от счастья, я рассматривал личико своей дочери: крошечные розовые губки, длинные реснички на плотно сжатых веках, носик с белыми пятнышками... И тут малышка открыла глаза – на меня смотрела моя Сашка...

Я закончил рассказ. Прошло несколько минут. Мы с дочерью смотрели то на фотографию молодой женщины в чёрной рамочке, то на картину. Иногда я с тревогой поглядывал на Сашеньку. Она молчала. Наконец, прерывисто вздохнула и, словно успокаивая, провела по моей щеке ладошкой. Я вздрогнул, вспомнив прощальный жест Сашки... Дочь тут же обняла меня и снова уткнулась в шею. Она, как и обещала, не плакала...

ВЕНОК ПУШКИНУ

Нет, не могу представить это,
Такой немислим поворот,
Что не Дантес убил поэта,
А было всё наоборот.

Могу представить: Пушкин злится,
Бьёт словом метким по врагу.
Представить Пушкина убийцей
Я – хоть убейте! – не могу.

Владимир Молчанов

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ. ОКТЯБРЬ.

1.

В лице Лицея Царскосельского
Есть эфиопские черты,
И дух певца гиперборейского
Глядит с незримой высоты.

Уж наступил октябрь предсказанный.
Желты листья, но не цветы,
Ведь вновь Лицей рождение празднует!
Он свеж и молод, как мечты!

2.

Поэт и царь. И снова связаны
Два имени. Но стать ли им одним?
Открытием царю обязанный,
А Пушкину – бессмертием своим...

Людмила Брагина

ПУШКИН

Нева из синего атласа
Целует волнами гранит,
Курчавый отрок, друг Пегаса
Один в тиши ночной не спит,

И в млечной пелерине ночи
Волшебной ходит по дворам,
Покрытым дымкой, и не хочет,
Её задумчивым шагам

И плеску волн ночных внимая,
Остановить свой легкий ход.
Его душа открыта раю,
Его уста поют восход,

Рассвет встает, безбрежно-ясный,
Над невской гладью... Звон молчит...
И стих, могучий и прекрасный,
Над спящим Городом звучит.

Марина Волкова

Поэт находится в неволе:
Желаньем музыки он живет.
От сладкой радости до боли:
Он обо всем в стихах поет.

Когда подарит вдохновенье
Одно лишь чудное мгновенье,
За строчкой строчка – в быстрый бег
Слова – как по теченью рек.

Но вот души его творенье
На эшафот идет порой:
Палач – народ, а суд – людской,
Приказ: «Казнить стихотворенье».

...Играет муза вновь и вновь –
Поэт рифмует «кровь – любовь».

Натали Силаева

* * *

Черная речка и серый пустырь,
Медленно спущен курок.
Бритые щеки от стужи красны,
Кажется, всё – эпилог.

Черная лента и грозный январь
Кровью забрызгал шинель.
Не повезло вам, Поэт, очень жаль,
В ту роковую дуэль.

Пару мгновений и гений потуск
Раненый падая в снег.
Пальцы замерзшие давят на спуск.
Он устоял, а вы - нет.

Чары Фортуны не знают пощад,
Стоны заглушит метель.
Не повезло вам легенда, прощай!
В ту роковую дуэль...

Сергей Ведург

ЛИЦЕЙ

Пусть я, конечно же, не Пушкин,
Но тоже помню свой лицей.
Не будет в жизни доли лучше
Несчастной юности моей.

Не будет искреннее дружбы,
Не будет истинней любви.
Пусть я, конечно же, не Пушкин,
Но с дуэлянтом визави

Спешу предстать, сближая выстрел.
Пусть он, конечно, не Дантес.
Но свой конец предвидя быстрый,
Я возвращаюсь в мир чудес

Моей родной поры лицейской,
Моей ушедшей вдаль мечты.
Она, подобно няне детской,
Хранит мой взор от темноты.

Она, Арина Родионовна,
Конечно, мне дороже дней,
Что жизнью-мамой уготовано
Всей одинокостью своей.

Анастасия Цуненко

* * *

«Плывёт. Куда ж нам плыть?..»
Осень. А. С. Пушкин

Куда он так быстро?» — шептались ракушки.
«В какие такие торопится страны?..»
Диковинный лайнер по имени «Пушкин»
Летит, разрезая моря-океаны.

Летит, ниоткуда, как чудо возникший,
Летит в бесконечность, собою рискуя,
Не слыша шуршанья ракушек прилипших,
Сквозь шквалистый ветер и злобу людскую.

...Есть много дорог в неразгаданном мире.
Теряется на горизонте фарватер.
Штурмуй, легендарный, глубины и шири,
Узлом завяжи непокорный экватор.

Века, как виденья, проносятся мимо.
Выносит ракушки на берег сурово...
А в трюмах души, провиденьем хранимы,
Лежат жемчуга самоцветного слова.

Карина Сейдаметова

Любовь НОВГОРОДЦЕВА

ПИТОМЦЫ

1

В маленькой кухне с красными шкафчиками, квадратным обеденным столиком и Биг Беном на фотообоях, похожем на остро заточенный карандаш, преподаватель педагогического колледжа Егор Орехин корректировал рабочую программу. Из бутона настенной лампы на стол с ноутбуком и ворохом бумаг уютно лился желтоватый свет. В комнате за стеной звучала мультяшная песенка про трёх котов. Егор шутил, что по вечерам кухня превращается в его кабинет, другого подходящего места, чтобы уединиться для работы, в однушке не было.

– Долго ещё? – заглянула в «кабинет» жена.

Егор промычал, что не долго.

Лана прошуршала к шкафчикам, не отрывая от пола ног в тёплых тапках (отопление ещё не дали, и она мёрзла), налила в кружку кипятка, побулькала в нём чайный пакетик, позвякала ложкой о стекло. Затем прошуршала к столу, с глухим скрипом отодвинув стул, села напротив мужа.

Егор догадался, что у неё назрел какой-то важный вопрос. Потёр переносицу, поправил очки. Извинился улыбкой за свою вечную занятость.

– Ты хоть помнишь, что у Дениса скоро день рождения? – в красивых жёлто-карих глазах жены промелькнул укор.

– Конечно.

– Что будем ему дарить? – тонкие пальцы с голубыми ногтями выжидающе постучали по столу.

Предыдущие четыре раза этот вопрос заставлял Егора врасплох. К пятому он был готов.

– Динька котёнка просит. Давай котёнка и подарим.

Плечи Ланы, укрытые роскошными светлыми волосами, раздражённо шевельнулись.

– Я же серьёзно спрашиваю!

– Так и я серьёзно!

В последнее время Егор стал замечать, что между ним и женой пропадает взаимопонимание. Винил в этом десятилетнюю разницу в возрасте, которая прежде не мешала, но теперь всё-таки давала о себе знать. За шесть лет брака Лана как будто повзрослела, стала независимой, мнение мужа больше не было для неё таким весомым, как раньше. Беспокоило Орехина и другое: жена цвела, добавляющиеся годы только подчёркивали, укрепляли её красоту, а он уже потихоньку старел, появились залысины, прежде подтянутую фигуру испортил небольшой животик...

– Ты не понимаешь, что такое котёнок в доме! Он будет гадить, блевать, драть обои и мебель! А ещё линять и делать затяжки на одежде!

О неудобствах, которые могут возникнуть, если завести питомца, Егор не подумал, но сдаваться всё равно не собирался.

– У многих есть кошки. Значит, не так всё страшно.

– Меня не волнуют многие! – рассержено зашипела Лана. – Если многим нравится жить в кошачьей вони и волосне – пусть живут!

– Ну что ты говоришь? – поморщился Егор. – Купим ему домик, когтеточку, приучим к лотку...

Лана порывисто встала. Чуть не опрокинув, схватила со стола кружку, сделала несколько больших глотков, остатки чая выплеснула в мойку.

Егор опустил взгляд в ноутбук, поискал в таблице строку, на которой остановился. Не нашёл. Снова посмотрел на жену.

– Между прочим, для полноценного развития ребёнка очень важно иметь домашнее животное...

Лана демонстративно повернулась и вышла из кухни.

2

Утро следующего дня началось как обычно. Денис капризничал, Лана психовала, собирая его в сад.

Орехин торопливо сжевал бутерброд, запил его кофе. Крикнул из прихожей, что уходит. На лестничной клетке встретил соседа-пенсионера со светло-рыжим лабрадором, поздоровался с обоими. Прохладный собачий нос дружелюбно ткнулся Орехину в руку.

«Может, собаку Диньке подарить? Шпица, например», – мелькнула мысль.

В маршрутке к Егору подседа женщина с пластмассовой переноской, из-за решетчатой дверки которой круглыми перепуганным глазами смотрел на людей толстомордый кот.

«Их ещё и по клиникам возить надо, – прозвучал в голове недовольный голос Ланы. – Кастрировать и всё такое...»

На работу Орехин едва не опоздал: пробка в центре рассасывалась чересчур долго. Звонок на первую пару застал его на вахте.

– От двести пятой ключ уже забрали, – развела руками пожилая вахтёрша.

Открыв дверь в аудиторию, Егор увидел стайку студенток-первокурсниц, окруживших ближний к выходу стол и о чём-то оживлённо щебечущих. Появление преподавателя вспугнуло их, они разлетелись по местам, оставив на парте сумку для переноски животных. По зелёному боку сумки тянулась весёлая бордовая надпись «Мой питомец», подчёркнутая цепочкой таких же бордовых кошачьих следов.

У сидевшей за партой девушки празднично розовели щёки.

– Что это? – строго спросил Егор. – Зачем вы принесли это на занятия?

Девушка не торопясь убрала переноску под стол и сообщила:

– Это не я. Это мне подарили. У меня сегодня день рождения.

– Поздравляю, – буркнул Орехин.

Пока он доставал из портфеля бумаги и искал нужный конспект лекции, студентка-именинница несколько раз успела заглянуть под стол и поправить там сумку.

– Отнесите вы её в гардероб! – не выдержал Егор, раздражаясь от ёрзанья девушки.

Студентка вскинула исподлобья упрямый взгляд, словно приготовилась защищать от преподавателя свой подарок:

– Не могу. Там же питомец!

– Какой ещё питомец? – оторопел Егор. Это же надо додуматься принести на пары животное!

– Да нет там никого! – фыркнула некрасивая девушка Соня, тоже сидевшая за первой партой, только у окна.

У Сони была какая-то чересчур тонкая шея, и её голова с короткой стрижкой и утопленным подбородком напоминала Орехину шарик на палочке. Наверное, поэтому он с первого занятия запомнил её имя.

– Если он воображаемый, это не значит, что его там нет! – накинулись на Соню одногруппницы. – Для неё питомец есть!

– Мозги у вас, видно, тоже воображаемые, – пробурчала Соня.

«Издаются они надо мной, что ли?» – Орехин приготовился услышать чей-нибудь приглушённый смешок, но в аудитории установилось напряжённое молчание. Щёки именинницы сделались нервно-пунцовыми. Её подружки нахохлились, поджали губы.

Соня перехватила недоумённый взгляд Орехина и сказала:

– Вы про Ираклия Наумова не слышали? Загуглите. И всё поймёте.

– Так, ладно... – Егор поправил очки на переносице, открыл наконец нужный конспект. Пора было поворачивать занятие в нужное русло. – Проблемы с мозгами обсудите позже. Сейчас мы будем говорить про артикли.

3

Орехин любил свою работу. Она была для него больше, чем просто источник дохода. Он нырял в неё с головой – и всё непонятное, неприятное, беспокоящее оставалось на берегу, как сброшенные пловцом вещи. Вынырнув в конце рабочего дня и вернувшись к «вещам», он обнаруживал, что какие-то из них потеряли остроту и значимость, какие-то предстали в ином цвете, а какие-то и вовсе исчезли.

«И зачем я вчера спорил с Ланой из-за котёнка? – посмеивался над собой Орехин, шагая на остановку и любуясь зардевшимися рябинками. – Взять в квартиру животное – это то же самое, что обзавестись новым членом семьи. А если кто-то из нас пока не готов к такому, значит, не стоит торопить события, вот и всё».

Автобус-гармошка, идущий в нужном направлении, подкатил к остановке, и Орехин втиснулся в душный, забитый пассажирами салон. Ехать предстояло долго. Чтобы не мешать тем, кому выходить раньше, Егор стал пробираться вглубь салона, к окну, и почувствовал, как ему в колено уткнулось что-то типа коробки – не то из картона, не то из хлипкого пластика. Он глянул вниз и удивился знакомой зелёной сумке-переноске с бордовой надписью на боку.

«Не надоело ей этот подарок весь день за собой таскать?» – мысленно усмехнулся он и уже хотел в шутку поинтересоваться, как там воображаемый питомец себя чувствует, но обладателем сумки неожиданно оказался рыжебородый парень. Студентки-именинницы поблизости не было.

«Ничего особенного, просто две одинаковые переноски», – сказал себе Егор, но отделаться от странного предчувствия, что неспроста эти переноски появились в городе, не смог.

4

Дома уютно пахло гречкой и котлетами.

– Привет! – выглянула из комнаты жена в тёплом плюшевом костюме с заячьими ушами на капюшоне. – Давай раздевайся, мой руки, и мы тебе кое-что покажем!

«Не сердится», – с облегчением отметил Егор.

– Пап, давай скорей! – запрыгал от нетерпения Денис. Его светлые волосы пушисто взметались и опадали, отчего он становился похожим на весёлый одуванчик.

– Ну? Что там у вас? – подыграл Егор. – Вы приготовили мне сюрприз?

– Почти, – Денис за руку подтянул его к дивану и, когда Егор сел, забрался к нему на колени. – Мам, давай!

Лана протянула планшет. Динька торжественно нажал пальчиком на треугольник в центре экрана.

– Всем привет! – на экране появился весёлый парень лет двадцати с чёрными, разделёнными на пробор волосами. – С вами я, Ираклий Наумов, и мой котёнок Пушистик.

«Не тот ли это Ираклий, о котором говорила Соня?» – заинтересовался Орехин.

– Если вы на моём канале первый раз, то вам, наверное, хочется спросить, где же Пушистик. А вот он! – с видом фокусника парень подтянул к себе зелёную переноску и расстегнул молнию на дверке. – Кс-кс, выходи!

Из переноски никто не вышел, однако губы Ираклия растянулись в ласковой улыбке, чёрные глаза заискрились радостью. Глядя перед собой на пустой стол, парень засюсюкал:

– Пуши-и-истик, Пуши-и-и-истик... Дай-ка, я почешу тебе за ушком... – он пошевелил согнутым пальцем, как будто в самом деле почесал за ухом котёнка. – Вот так, вот так... Теперь за другим... Чем мы сегодня будем удивлять наших подписчиков? Давай расскажем, как вчера ты во дворе испугался собаки и мне пришлось снимать тебя с дерева.

Парень принялся рассказывать историю, не забывая при этом «играть с Пушистиком».

– Ай! Хватит царапаться! – вскрикивал он, прерываясь на полуслове, грозил пальцем невидимому питомцу, тут же отдёргивал руку, осматривал её с озабоченным видом, дул на «поцарапанное» место. Это выглядело так натурально, будто перед парнем и в самом деле был котёнок, не видимый никому, кроме него.

Динька звонко смеялся, наблюдая за представлением. Лана улыбалась, ей тоже нравилось.

Егора охватило чувство, похожее на тоску, – ноющее, гнетущее: вот он, пример для подражания у современной молодёжи. Талантливый, взрослый парень, ему бы в театре играть или в кино, или другим чем-нибудь полезным заниматься, а он ерундой страдает, кривляется перед камерой... И ведь смотрят. Подписчиков уже несколько тысяч.

– Воображаемый питомец – это круто! – подытожил своё выступление Ираклий Наумов. – Его не нужно кормить, за ним не нужно убирать. Если вы собираетесь поехать в отпуск, не нужно ломать голову,

куда его пристроить. К тому же у вас и ваших детей будет развиваться воображение, а это о-о-очень крутая штука! Напоминаю, что приобрести такое чудо, – он погладил переноску, – вы можете в интернет-магазине «Мой питомец», ссылку я оставляю под видео.

– Что думаешь? – спросила Лана, манерным движением руки зачерпнув за спиной волосы и выправив их на плечо. Она всегда так делала, когда ожидала от мужа похвалы.

Орехин понял, что пахнет очередной размолвкой. Ничего хорошего он не думал.

– Где ты нашла этого афериста? – грубо вырвалось у него.

– Почему – афериста? – в голосе жены проскользнули обиженные нотки. – По-моему, он гений! Ко мне сегодня приходила клиентка на ногти, она и посоветовала. Говорит, купили дочке такого питомца. Дочка довольна, и сами довольны. Это идеальный компромиссный вариант! И Денис согласен. Правда, Денис? Хочешь себе воображаемого котёнка?

– Хочу! Хочу! – Динька – светловолосый одуванчик – радостно прыгал по дивану. – Я назову его Джонни!

– Да и вообще! – Лана раздражённо закинула волосы обратно за спину. – Сейчас воображаемые питомцы в моде! Почитай отзывы в интернете. Уже многие себе купили, и никто не пожалел!

– Но это же просто дурь какая-то! – Егору хотелось взять Лану за плечи и хорошенько потрясти, чтобы согнать с неё этот странный морок. – Как можно настоящее заменить воображаемым? Да ещё и покупать! Хочешь, я тебе этих котят штук пятнадцать навоображаю? Да что мелочиться? Давай машину вообразим! А лучше – две: ты себе, и я себе!

Динька перестал прыгать, прижался к матери, с непониманием, испуганно, уставился на отца.

– Денис, вот ты мне скажи, – по-взрослому обратился к нему Орехин, – какой питомец лучше: воображаемый или настоящий?

– Выбжааемый, – не очень уверенно сказал сын.

– А почему он лучше?

– Ну... – Денис замялся, полез указательным пальцем в нос, словно надеялся достать оттуда ответ. – Он интересный... И развивательный.

– Это ты сам так думаешь или мама сказала? – Орехин не сомневался, что Лана уже успела «обработать» сына.

– Сам, – Денис отнял палец от ноздри и оживился: – Его даже в садик можно с собой брать! Алинка Куликова приносила!

Гневный взгляд Ланы, которым она всё это время пыталась прожечь Егора насквозь, сменился торжествующе-победным.

5

Как ни был Орехин против, зелёная переноска с бордовой надписью «Мой питомец» и воображаемый котёнок Джонни вскоре появились у них в квартире.

– Папа, смотри какой он миленький! – Денис складывал ладошки в горсть и совал их Егору в лицо. – Он хочет с тобой играть!

– Мне некогда, – отворачивался Орехин. – Маме отнеси, пусть она поиграет.

Динька нёс пустые ладошки Лане.

– Ой, кто это тут такой хорошенький? – принималась ворковать Лана. – Чьи это лапки? Чей это хвостик? Чей это носик?

Егора мутило от её приторно-сладкого тона.

Сначала он думал, что жена подыгрывает сыну с таким усердием нарочно, потом стал замечать, что она увлеклась игрой в воображаемого котёнка чуть ли не больше Дениса. Когда они все вместе возвращались откуда-нибудь домой, Лана первая вспоминала про питомца, ещё с порога начинала сюсюкать:

– Как же наш Джонни тут один? Скучал без нас?

Динька бежал к переноске, место для которой определили в промежутке между его диванчиком и шкафом. Возвращался с жалостливо сдвинутыми бровями, сообщал чуть не плача:

– Да, мам, он скучал...

– Интересно, сколько живут воображаемые питомцы? – съязвил однажды Орехин. – Когда он у вас сдохнет?

Денис испуганно глянул на него и вдруг горько разрыдался.

– Думай, что говоришь! – шикнула Лана, подхватив сына на руки и поцеловав в макушку. – Не плачь, папа шутит. Наш Джонни никогда не умрёт.

В другой раз Лана сама довела сына до слёз, когда не разрешила спать с Джонни.

– У него есть своё место! – строго сказала она. – Нельзя его расповаживать!

Тогда уже Егор зашипел на неё:

– Тебе не кажется, что ты заигралась?!

Впрочем, заигралась не только жена Орехина. Заигрались все. Зелёные сумки-переноски расплодились по городу, как тараканы. Егор встречал их повсюду: на остановках, в транспорте, в гостях, видел из окон в руках прохожих, на скамейках в парке рядом с влюблёнными парочками, в корзинах детских колясок, на коленях у старушек, выходивших погреться

из остывших квартир на лавочки под осенним, ещё тёплым в дневные часы, солнцем...

«Люди! Откройте глаза! Вы нянчите пустые сумки! Вы сходите с ума!», – хотелось кричать Егору, но он понимал: бесполезно. Если даже собственная семья его не слышит, то чужие люди не услышат и подавно.

Иногда в голове у него вспыхивал вопрос «Что же делать?». Этот вопрос нападал, словно воин с саблей, требовал чего-то и пугал. Егор, злясь на самого себя, неуверенно отбивался: «Что я могу? Один против всех? Может, просто подождать, когда они наиграются? Когда-то же им должно это надоест».

6

– Не переключайтесь, после рекламы мы покажем интервью с известным блогером, лидером общественного движения «Свободу питомцам» Ираклием Наумовым! – торжественно сообщила губастая ведущая местных новостей.

Орехина неприятно удивила прыткость этого парня. Уже и общественное движение замутил, и на телевидении засветился. Далеко пойдёт.

Ираклий появился на экране в зелёной футболке с бордовой эмблемой из букв «С» и «П», заключённых в кольцо из кошачьих лапок. Чёрные, разделённые на пробор волосы «по-звёздному» блестели. Чёрные глаза вдохновенно и воинственно сияли.

– Ираклий, расскажите, пожалуйста, об идее, которую ваше общественное движение хочет донести до народа, – попросила ведущая. – В каком смысле – свободу питомцам?

– В прямом! В самом прямом! – энергично заговорил в камеру гость программы. – Люди держат в своих квартирах кошек, собак, других животных и полагают, что это хорошо. Никто почему-то не задумывается, что это похоже на тюрьму. Животные вынуждены сидеть взаперти, и, если собак ещё выводят на прогулки, то многие кошки, не говоря уже о грызунах или птицах, вообще не знают, что такое трава, деревья, небо...

– То есть вы призываете людей выпустить питомцев на улицы города?

– Нет, на улицы города – ни в коем случае. Я призываю создать для них за городом заказники, чтобы они могли жить в естественных природных условиях и в то же время находиться под защитой человека.

– Но почему вы думаете, что животным будет лучше в заказниках? – вежливо усомнилась ведущая. – Они привыкли жить в квартирах. Привыкли, что люди о них заботятся. В естественных условиях им

придётся самим добывать еду, мёрзнуть в холода, мокнуть под дождём, драться за территорию...

– Да, для них это будет большим стрессом, – живо подхватил Ираклий. – Поэтому я думаю, что питомцев к жизни в заказниках нужно будет приучать постепенно, как приучают детей к детскому саду.

– Звучит как «насильственная свобода»... – сказала ведущая и улыбнулась, словно предлагая оппоненту поскорее разубедить её, а заодно и зрителей.

– Свобода – это лучшее, что мы можем дать своим питомцам. Это лучшее доказательство нашей к ним любви. – Глаза Ираклия залучились светлой грустью. – Представьте себя на их месте. Представьте, если бы мы были питомцами у каких-нибудь больших существ. Они уходили бы на работу, на целый день запирали бы нас в своих жилищах... Все наши познания о мире ограничивались бы квартирой и видом из окна... Что бы вы предпочли: сытую жизнь в плену или полуголодную на свободе?

– А как в таком случае быть одиноким людям? Они заводят домашних животных, чтобы хоть кто-то скрашивал их одинокую жизнь.

Ираклий встрепенулся:

– Есть замечательный альтернативный вариант – воображаемые питомцы!

«Гениально! – хмыкнул Орехин, чувствуя, как его переполняет отвращение к этому ушлому пареньку. – Сдавайте в заказники своих настоящих животных и покупайте у меня воображаемых!»

– Время нашего эфира подходит к концу, – заторопилась ведущая. – Может, вы хотите ещё что-то сказать телезрителям?

– Да! – решительно кивнул блогер. – Я хочу попросить всех равнодушных о помощи. Власти уже пообещали нам выделить территорию для двух заказников, но нужны финансовые средства, информационная поддержка, волонтёры...

Орехину показалось, что у него зашевелились волосы на голове. Он всегда считал это образным выражением, но в тот момент волосы как будто и впрямь зашевелились от услышанного. Неужели люди поверили? Власти повелись? Как такое вообще возможно? Кто он – этот парень? Откуда взялся? Что за суперспособностями он обладает?

7

У каждой идеи, у каждого дела, каким бы хорошим оно ни было, всегда находятся противники и критикующие, однако, как ни странно, у Ираклия они не спешили объявляться. Орехин просмотрел тучи комментариев под видео шустрого парня Ираклия – ни одного

ругательного отзыва. Попытался найти разоблачительные ролики или статьи других блогеров – как будто кто-то специально следил за этим и не пропускал ничего подобного в интернет. Зато сообщения с призывами поддержать движение Ираклия Наумова забили Орехину ленту новостей, чаты во всех социальных сетях и мессенджерах. Остановки, заборы, подъезды покрылись ядовито-зелёными листовками. Молодые люди с ящичками для пожертвований, в зелёно-бордовых жилетах, надетых поверх осенних курток, заполнили площади и подземные переходы...

– Я же говорю, он гений! – воскликнула Лана, когда Егор поинтересовался, что она думает о новой идее ушедшего блогера. – Он открыл людям глаза! Все мои клиентки его обожают!

Услышать от неё что-то другое Егор почти и не надеялся.

Мучительное «Что же делать?» не отступало, наседало, требовало. Орехин чувствовал себя загнанным в угол, беспощадность холодного сабельного клинка давила под подбородком.

Нужны единомышленники, хотя бы один единомышленник, иначе не выжить в этом безумии. Только где их искать? Почему они молчат? Не хотят быть первыми? Но ведь кто-то должен быть первым, бросить клич, чтобы отозвались другие!

Осознание «если не я, то кто» обожгло Орехина ночью. Он уже несколько ночей толком не спал, в голове шумело от недосыпа, будто в морской ракушке. Сон, тонкий, рваный, как старое одеяло, не приносил отдыха, но даже и такого сна приходилось ждать по полтора-два часа.

Осторожно, чтобы не спугнуть мерное сопение жены и сына, Егор выбрался из постели, нашарил на тумбочке очки, телефон. На кухне, подперев спиной настенный Биг Бен, тыкая вспотевшими пальцами в экран, то и дело попадая не в те буквы, он набрал небольшой пост:

«Люди, очнитесь! Вас дурят! Ираклий Наумов – гениальный аферист, он продаёт вам воздух! Настоящая цель организованного им движения «Свободу питомцам» – нажиться ещё больше! Сдав своих настоящих любимцев в заказники, а по сути это будут самые настоящие концлагеря для животных, вы пойдёте к нему покупать воображаемых. Вот для чего он всё это затеял! Неужели вы этого не понимаете? Не будьте дураками, прошу вас!»

Утром его грубо растолкала Лана. Красная от гнева, с всклокоченными волосами, она пихнула ему в лицо телефон:

– Ты что, с ума сошёл? Зачем ты написал это?

Сонный Егор не сразу сообразил, что от него хочет жена, взял у неё телефон и, сощурившись, всмотрелся в экран. Ах да, пошла реакция на его заметку! Уже есть несколько комментариев! Он взволнованно сел на

постели, толкнул большим пальцем ленту, прочитал возмущённые отклики:

«Как вы можете такое говорить? А ещё преподаватель!»

«Егор Александрович, такого мы от вас не ожидали!»

«Орехин, ты сбрендил? Что ты несёшь?»

Самый последний комментарий написала Лана: «Страничку моего мужа взломали, это не он».

– Мне стыдно за тебя! – выкрикнула она и в каком-то истерическом припадке топнула босой ногой по полу. – Удали, пока ещё не поздно!

Егор посмотрел на жену с внимательным беспокойством, как доктор на пациентку, подхватившую неизвестную болезнь: есть ли шанс её вылечить? Перевёл взгляд на сына. Тот сидел, вжавшись в угол своего диванчика, высоко сложив на груди руки: держал воображаемого Джонни. Вид жены и сына только подхлестнул у Орехина желание бороться.

– Нет, – твёрдо сказал он и удалил комментарий Ланы о том, что его взломали.

8

На лестничной клетке он, как всегда, встретил соседа-пенсионера с лабрадором. В одной руке сосед держал собачий поводок, в другой – переноску с логотипом «Мой питомец».

Егор едва не застонал: и этот «заразился».

– Тоже воображаемого завели? – изо всех сил стараясь быть дружелюбным, кивнул он на сумку.

– Да, – вздохнул сосед. – Когда Лорда отпустим на свободу, дома станет пусто. А так хоть этот, воображаемый, останется. Решили с супругой купить заранее, будем привыкать.

Пёс грустно взглянул на Орехина и махнул туда-сюда хвостом, словно извинился за глупость своего хозяина.

– Вы уверены, что Лорду в заказнике будет лучше, чем с вами?

Сосед простодушно удивился вопросу:

– Конечно! Там ему раздолье, будет бегать, резвиться. А тут что? Гулять ходим на поводке...

– Мне не нравится идея с заказниками, – осторожно поделился Орехин. – Представляете, какие площади нужно выделить, чтобы для всех животных города там было раздолье? Они же перегрызутся в этих заказниках... А зимой, в морозы как?.. Раздолье можно для них и самим время от времени устраивать. Выехать за город да отпустить с поводка.

В глазах соседа появилось то же обиженно-упрямое выражение, которое Егор видел в глазах Ланы, Диньки, студентки-именинницы,

которой одноклассники притащили сумку с воображаемым питомцем прямо в колледж.

– Ладно, хорошего дня, – махнул Орехин рукой. На душе стало так скорбно, как будто сосед умер.

9

Студенты враждебно косились на него, пока он шагал по коридору к преподавательской. Коллеги встретили осуждающим молчанием.

– Тебя директриса искала, – сообщил Серёга, Сергей Иванович, преподаватель ОБЖ, хороший приятель Егора. – Сказала, чтобы зашёл к ней, когда появишься.

– Зачем? – спросил Егор, хотя уже и сам догадывался.

– Прочитала твою заметку в интернете... Ну ты и выдал, конечно... – Серёга покачал головой – пожурил, как умный старший брат младшего, натворившего что-то не со зла, а по глупости.

– Вы на самом деле не понимаете, что происходит? – Орехин испытующе ковырнул взглядом каждого, кто был в преподавательской. – Никто из вас?

– Вы, Егор Александрович, прямо как подросток в переходном возрасте, который устраивает бунт против общества ради того, чтобы на него обратили внимание, – поморщилась психологиня, дама предпенсионного возраста с длинным прямоугольным лицом и шапочкой русых волос на голове. Она носила свою шапочку с царственным достоинством: считала себя очень опытным специалистом. – Другого объяснения вашему поступку я не нахожу.

– Серьёзно? Не находите? – вспыхнул Орехин. – Вы не находите, что вся эта ситуация с воображаемыми питомцами и заказниками – бред? По-вашему, Галина Даниловна, это нормально – избавиться от живого существа, которое вам доверяет, и вместо него завести пустую сумку?

– Вы всё перековеркали, – с видом непоколебимой каменной глыбы сказала Галина Даниловна. – Доброе дело выставляете в чёрном цвете. У вас проблемы, Егор Александрович.

– Это у вас дальтонизм, а не у меня проблемы!..

Кто-то сзади потянул Орехина за рукав пиджака, он обернулся и увидел преподавательницу русского, Елену Николаевну, сидевшую на коротеньком сером диванчике из кожзаменителя.

«Успокойся», – сочувственно сказали её голубые, жирно подведённые глаза, окружённые тонкими стрелочками морщин. Она подвинулась, и Орехин машинально сел, чувствуя себя закипевшим, но вовремя выключенным чайником.

– Вы знаете, – в своей задумчиво-медлительной манере обратилась Елена Николаевна к психологине, – мне это движение за свободу питомцам тоже кажется сомнительным. Я выросла в деревне. Там, знаете, кошки и собаки бегают свободно, где хотят и сколько хотят. Но они всегда возвращаются домой.

– Они возвращаются туда, где их кормят, – хмыкнул седобородый историк. – Перестаньте их кормить – и им не за чем будет возвращаться к человеку.

В распахнувшуюся дверь, потрясая бумагами, ворвалась директриса, полная, с большим задом, мощной грудью, как всегда стремительная, готовая безжалостно задавить всех, кто случайно окажется на пути.

– Коллеги! Пришло письмо из министерства! Кураторы должны срочно провести в своих группах беседы в поддержку движения «Свободу питомцам». Завтра уже нужно отчитаться! Вот, ознакомьтесь! – она кинула бумаги на стол. – Орехин пришёл?

Галина Даниловна указала взглядом в сторону Егора. Директриса круто повернулась к нему.

– В поддержку, Егор Александрович, вы слышали? В поддержку! Насчёт вас мне уже был звонок! Жду вас у себя!

«О как! Оперативно работают с недовольными!» – удивился Егор и, ощутив внутри растущую, словно на дрожжах, задорную лихую злость, подумал, что никаких бесед он, конечно же, проводить не будет и к директрисе не пойдёт.

Протрещал звонок на первую пару. Коллеги один за другим не спеша двинулись из преподавательской к аудиториям.

В коридоре Орехин догнал Елену Николаевну.

– Ты не пошёл к Раисе Львовне? – почему-то испугалась она.

– Нет. И не собираюсь. Вы будете проводить беседу, Елена Николаевна?

– Придётся, раз начальство велело.

– Но вы ведь только что сказали, что это движение кажется вам сомнительным, – напомнил Орехин.

– Мало ли что мне кажется... Мне работа нужна. У меня дочь с внуком на шее... и кредит...

Злое веселье Орехина потухло, будто в душу плеснули холодной воды.

– Но как можно поддерживать то, в чём вы сомневаетесь?

Елена Николаевна остановилась у дверей своей аудитории и с видом умудрённого опытом человека изрекла:

– Просто относись к этому как к работе.

Помрачневший Орехин пошёл дальше. Сколько их, таких как она? Сомневающих, но послушных. Живущих по принципу «сказали надо, значит надо». Выдрессированных с детства. Сделал то, что велено, – молодец, «пять» тебе, ты хороший. Не сделал – плохой, будешь наказан. Орехин и сам всегда стремился быть хорошим, делал, что велено. Но больше не мог. Сейчас не мог.

В аудитории его ждали первокурсники. Студентка за первой партой крайнего от двери ряда, та самая бывшая именинница, сложила яркие красные губы в сморщенный пельмень, когда Орехин проходил мимо, и проводила его до кафедры недобрым взглядом. В ещё не до конца установившейся тишине, с шорохами, затихавшими разговорами, в какую он всегда попадал, войдя в аудиторию, появилось что-то новое, неприятное. Егор присмотрелся, прислушался и понял: не появилось, а исчезло. Исчезло уважение, как будто вчера вечером студенты видели его свински пьяным и выкрикивающим непристойные вещи.

«Неужели они все до единого заразились этим? – простонал внутри себя Орехин. – Неужели все безнадежны? Как их спасти? Как их вывести из-под влияния Ираклия Наумова?»

Дверь осторожно приоткрылась, и в образовавшуюся щёлочку в кабинет проскользнула Соня. Некрасивая, умная Соня с круглой головой на тонкой шее, будто шарик на палочке.

– Извините за опоздание, – сказала девушка и внимательно сощурилась на Егора, словно тоже видела его вчера другим и сейчас сравнивала вчерашнего и сегодняшнего.

«Мозги у вас тоже воображаемые», – вспомнил Орехин Сонину фразу и чуть не вскрикнул от радости: вот же, есть ещё один здравомыслящий человек! Почему он забыл про Соню?!

10

Дождь, весь день с усердием поливавший город, к концу занятий затих – его рабочий день тоже закончился. Орехин дождался Соню за оградой колледжа. В длинной куртке, напоминавшей грязно-жёлтый бесформенный балахон, из-под которого торчали худые ноги, обутые в кроссовки на массивной подошве (утюги – как называл их про себя Орехин), она была похожа на нищенку. Как будто кто-то большой и добрый сжалился над ней и пожертвовал свои огромные вещи.

Другие студентки дружно и весело выпархивали из дверей колледжа стайками, щебеча о чём-то, бежали к остановке. Соня брела одна. Орехин почувствовал в ней что-то щемяще-родное: он ведь тоже один, совсем один в этом свихнувшемся мире.

Соне не нужно было на остановку. Она пошла по мокрой, скользкой тропинке под деревьями, понуро опустившими почти уже голые ветки. Тропинка вела сначала за угол, потом – через жухлый двор мимо старых обшарпанных пятиэтажек. Орехин шагал за Соней на некотором расстоянии, раздражаясь из-за липнущей к подошвам грязи и из-за того, как нелепо и даже подозрительно он выглядит со стороны: преподаватель, крадущийся за студенткой... Но разговаривать в колледже или поблизости от него было нежелательно.

Когда тропинка вывела к пешеходному переходу через пустынную, заросшую клёнами и бетонными заботами улицу, он окликнул Соню. Она обернулась.

– Егор Александрович? – В глазах у неё промелькнуло удивление.

«Вот чёрт, как же сказать ей обо всём этом?» – растерялся Орехин, почувствовав себя до отчаяния глупо.

– Соня, я хотел поговорить с тобой о том, что происходит... – Руки, в одной из которых он держал портфель, сделали какое-то беспомощное движение. – Я знаю, что ты тоже считаешь это всё ненормальным... Все эти воображаемые питомцы и заказники... – он с надеждой взгляделся в лицо девушки: – Ну, ты понимаешь?..

– Понимаю, – серьёзно ответила она. – Но не совсем понимаю, что вы от меня хотите.

– Я не знаю, Соня...но надо же с этим что-то делать... что-то придумать... Я больше не могу смотреть, как люди сходят с ума.

Соня печально покачала головой, и Егору вдруг стало ясно, что то состояние, которое он переживает сейчас, она уже пережила и, кажется, смирилась с происходящим.

– Всё бесполезно, Егор Александрович. Я пробовала с ними разговаривать. Никто не слышит.

– Но я же слышу! Мы с тобой слышим друг друга!

– Вы да я... Что мы можем – двое против всех? Нас просто затопчут. Забьют камнями. Для них – мы сумасшедшие.

Она помолчала немного и призналась:

– Я иногда думаю, может, и правда, это со мной что-то не так, а не с ними. Это же я не такая, как все. Значит, дело во мне самой.

– Соня, не надо так думать, – попросил Орехин, внутренне холодея, но девушка, кажется, не расслышала.

– Пусть делают, что хотят, – махнула она рукой и пошла по переходу на другую сторону улицы.

Орехин смотрел ей вслед на грязно-жёлтый балахон, худые ноги в кроссовках-утюгах и думал, что это не Соня уходит – уходит его надежда, такая же тщедушная и нелепая, как эта девчонка.

11

Ночью он снова не мог заснуть. Болела душа. За Лану, за Диньку. За Соню. За приятеля Серёгу. За Елену Николаевну. За соседа и его лабрадора... Голова лопалась от мыслей, словно сундук, забитый бесполезным барахлом. Егор ворочался, уговаривал себя поспать, ведь утром рано вставать на работу. Пробовал считать, но всякий раз сбивался со счёта и обнаруживал себя упрямо ворошащим «сундук» в поисках хоть какой-нибудь стоящей идеи.

Понимает ли сам раздухарившийся блогер Ираклий Наумов, что делает? Он, как паук, плетёт и плетёт свою паутину, сучит жирными лапами, опутывает попавшихся людей всё крепче и крепче, чтобы не вырвались. Взялся же он откуда-то, вылез же из какой-то щели... Прихлопнуло бы его чем-нибудь! Сколько людей, тихих, безвредных, умирает каждый день. А этому типу ничего, живёт и здравствует!..

Орехин испугался самого себя: ещё никогда никому он не желал смерти. Повернулся на другой бок, к жене, надеясь, что вместе с положением тела поменяются и мысли. Она лежала спиной к нему на противоположном краю постели. Демонстративно отодвинулась подальше, да так и заснула, словно на противоположном краю пропасти. В груди у Егора тоскливо заныло: он понял, что скучает по Лане. По прежней. Обнять бы её, уткнуться лицом в шёлковые, пахнущие конфетами волосы... А утром, открыв глаза, увидеть, что нет и не было никаких воображаемых питомцев и никакого Ираклия. Или услышать в утреннем выпуске новостей, что его больше нет...

Впрочем, гибель «главного паука» вряд ли спасёт его жертв. У него уже десятки, если не сотни, «обращённых» ассистентов-паучков, которые помогают ему плести сеть, и они продолжают начатое им дело, потому что верят (и это самое страшное) в то, что оно благое.

Здесь нужно бороться и побеждать... только как? Чтобы бороться с Наумовым его оружием, надо быть равным ему по популярности. Егор себя в роли блогера не представлял. Занудный дядька в очках – вот кто он. Давать видеоуроки у него ещё получилось бы, но большее – вряд ли. Здесь надо быть таким человеком, чтобы хотелось на него смотреть и слушать, чтобы он влюблял в себя...

Егор повернулся на спину, мысли перемешались, как стёклышки в калейдоскопе, и вдруг высветилась одна, совсем безумная: он должен найти способ встретиться с Ираклием и поговорить! Разобраться, кто он и что он. Объяснить ему, что он творит! А вдруг этот приткий блогер уже и сам рад бы остановиться, но не знает как, потому что его несёт им же запущенный и потерявший управление бешенный поезд?

12

Связаться с Ираклием оказалось не так-то просто. Личные сообщения в соцсетях у него были закрыты. На письмо с предложением встретиться и обсудить финансово выгодную сделку, отправленное по электронной почте, ответил помощник и попросил изложить суть вопроса ему. Тогда Орехин, надев ради конспирации старую куртку с глубоким, будто пещера, капюшоном и надвинув на глаза кепку, заявился на организационное собрание для новичков-волонтеров. Но и там общение не получилось: после мероприятия Ираклий сразу уехал в сопровождении такой плотной свиты, протиснувшись сквозь которую было нереально.

Ни одна база данных в интернете не выдала Орехину ни номер телефона Ираклия, ни адрес. Тогда он взялся просматривать видеоролики «гениального» блогера, его прогулки с воображаемыми питомцами во дворе, надеясь увидеть что-то особенное, запоминающееся, чтобы можно было зацепиться и вычислить, где он живёт. Однако двор Ираклия ничего особенного из себя не представлял: на заднем плане однообразно покачивались серые стены панельных многоэтажек, маячили побеленные стволы деревьев, мелькали старенькие качели и общипанные клумбы – обычный двор, таких половина в городе... И вдруг на одном из видео в кадр на долю секунды всплыла красная «Лада Гранта» с открытой передней дверцей и светловолосой прямоугольнолицей женщиной, выходящей из-за руля. Автомобиль и женщина поспешно выплыли из кадра обратно, будто сдали задним ходом, но глазам этого хватило, чтобы зацепиться, а пальцам вспотеть от волнения: это же Галина Даниловна, психологиня из колледжа! И она ездит на работу на красной «Ладе Гранте»! Значит... значит, есть вероятность, что Ираклий и Галина Даниловна живут в одном доме!

13

В последнее время Егора стало преследовать ощущение, что его подменили. Что живёт, думает, действует не он, а персонаж странной книги, которую Егор настоящий читает, сидя на кухне под бутоном настенной лампы, льющей на страницы тёплый, уютный свет. Разве возможно в реальной жизни, чтобы преподаватель педагогического колледжа, серьёзный и уважаемый человек, после работы надевал старую куртку с глубоким капюшоном, широкие, как у рэперов, штаны, и отправлялся в чужой двор выслеживать мальчишку-блогера?

Стоял поздний октябрь, темнело уже рано и холодало крепко. Орехин который вечер подряд вёл наблюдение за двором, где жила Галина Даниловна. Опасаясь привлечь к себе ненужное внимание, он старался

меньше ходить: выбирал точку наблюдения и замирал там, будто снайпер в ожидании цели. Быстро замерзал, начинал тосковать о тёплой машине, которой у него никогда не было... Дело осложнялось ещё и тем, что он не знал наверняка, в каком подъезде может жить блогер, и в какое время он обычно возвращается домой или, наоборот, уходит. Затея была больше глупой, чем стоящей, но даже глупая затея лучше, чем ничего.

В тусклом фонарном свете все попадавшие в поле зрения молодые люди казались Орехину одинаковыми, и во всех, если только они не были слишком полными и высокими, ему чудилось что-то от Ираклия. Каждого он готовился окликнуть, но в последний момент пересиливали сомнения, за которые потом, после неудачных «дежурств», он себя долго ругал.

Когда же небо, судьба или какое иное ведомство, раздающее людям счастливые случаи, решило наградить Орехина за упорство, и на присыпанной скупым снежком дорожке появился, наконец, настоящий Ираклий Наумов, ни одно сомнение даже не шевельнулось, не высунуло своего недоверчивого носа. То ли по походке, то ли по манере как-то особенно, чуть откинув назад, держать голову, Орехин, и сам толком не понял как, узнал его.

Ираклий возвращался домой около девяти вечера. Уставшим он не выглядел, шагал бодро. Уже одно это вызвало у замёрзшего Орехина всплеск неприязни. Он подождал, пока парень пройдёт мимо его «наблюдательной точки» – детской горки с холодной металлической лестницей, от сидения на которой давно онемела спина, и двинулся следом.

Выказывать неприязнь было нельзя. Егор дал себе пару секунд, чтобы настроиться: глубоко вдохнул холодный осенний воздух, словно наполняя себя искусственным дружелюбием, потом чем окликнул блогера по имени. Тот обернулся и, окинув преследователя недоверчивым взглядом, зашагал быстрее.

– Ираклий, извините, вы меня не знаете, я... – Егор хотел было уже представиться, но вовремя сообразил, что лучше этого не делать. – Вы интересны мне, как человек... Феномен нашего времени, так сказать... Можно вас кое о чём спросить?

Ираклий ещё раз недоверчиво посмотрел на прицепившегося к нему типа, одетого, как гопник, но выражающегося, как приличный человек.

– Мне некогда. Хочешь что-то спросить – свяжись с моим помощником, он назначит время.

Егора задела пренебрежительная фамильярность, которой этот сопляк-блогер ответил ему на деликатное «выканье». Он заставил себя стерпеть, но, поднимаясь вслед за парнем на крыльцо подъезда и чувствуя,

что контролировать рвущуюся наружу неприязнь ему становится всё труднее, не столько попросил, сколько потребовал:

– Один вопрос!

– Все вопросы – к моему помощнику, – с раздражением кинул Ираклий через плечо и протянул руку с ключом к домофону.

Егор не мог допустить, чтобы встреча, которой он с таким трудом дождался, закончилась вот так. Он перехватил протянутую к домофону руку и, закрутив её за спину, придавил блогера к стене. Лампа, большой стеклянной шишкой висевшая над дверью, осветила скривившийся от боли рот Ираклия и испуганные, глубоко посаженные чёрные глаза, выглядывавшие из-под шапки, натянутой до самых бровей.

– Что тебе надо? – проскулил парень.

– Сколько можно повторять? Чтобы ты ответил мне на один вопрос! – прорычал Орехин. Ненависть неконтролируемо росла в нём, поднималась гигантской волной, грозившей обрушиться и затопить разум: всё из-за него, из-за этого сопляка, мерзкого паука, сидящего в центре паутины и царственно дёргающего за ниточки!

– Ты вообще понимаешь, что творишь?!

Ираклий непонимающе заморгал.

– Ты понимаешь, что то, что ты делаешь, – плохо?!

– Отпусти! – дёрнулся блогер и снова скривился от боли.

– Тебя прёт, да? Прёт от того, что ты как крысолов с дудкой? Пудришь людям мозги, а они идут за тобой, глотают всю чушь, которой ты их пичкаешь! У тебя талант, крысолов! Ты красиво играешь! Но не ту песню! К чему ты ведёшь людей?

– Я никого никуда не веду, – простонал Ираклий. – Я никого не пичкаю. Я просто подал идею, и оказалось, что им это нужно. Я помогаю людям в том, чего они хотят, и не считаю...

– Ты внушил людям, что им это нужно! – с ненавистью перебил Егор.

– Ты мошенник, аферист, и не надо прикидываться передо мной благородным героем!

Не так, совсем не так должен был сложиться разговор! Егор собирался поговорить по-хорошему, он хотел если не достучаться, то хотя бы оставить в голове парня пищу для размышления. Но волна ненависти подхватила, понесла его, захлёбывающегося, совсем не в том направлении. «Придушить! Придушить этого ушлёпка! Пока он в твоих руках, придушить!» – яростно требовало изнутри что-то звериное.

Из недр подъезда донёлся звук опускающегося лифта.

– Помогите! – звонко выкрикнул Ираклий в студёную тишину двора.

Орехин разозлился ещё больше, хоть казалось, что больше уже некуда. Он рывком оторвал блогера от стены, ударил под дых, вложив в

удар всю свою ярость. Тот скрючился, схватившись свободной рукой за живот. Орехин наклонился над ним и угрожающе прошипел:

– Сворачивай свою лавочку с вообразаемыми питомцами и своё грёбаное движение! Ты понял?!

Ждать ответа было некогда: за железной дверью всё чётче слышались шаги.

«Дурак! Дурак! – мысленно ругал себя Егор, когда уже ехал домой в полупустом автобусе с запотевшими окнами и клюющей носом кондукторшей. – Я же не хотел его бить!»

Ненависть схлынула, осталось раскаяние: сделал всё не так! Украдкой он поглядывал на свои руки и не мог поверить, что эти руки только что причинили боль человеку. А добравшись до дома и согревшись под тёплым душем, уже не мог поверить, что действительно был там сам, а не какой-нибудь другой Егор Орехин, про которого он прочитал в книжке.

14

– Вчера вечером на популярного блогера Ираклия Наумова было совершено нападение, – сообщила губастая телеведущая утреннего выпуска новостей. – Незвестный подкараулил его во дворе дома, преследовал до дверей подъезда, а затем нанёс несколько ударов и потребовал, чтобы блогер свернул движение «Свободу питомцам!». Услышав шум в подъезде, неизвестный скрылся. Составлен фоторобот преступника...

Егор застёгивал рубашку. Его бросило в жар, пальцы замерли на предпоследней пуговице: вот так поговорил!

На экране появилась чёрно-белая голова в капюшоне.

«Кажется, не похож», – с облегчением отметил Егор. Лицо на фотороботе было чересчур вытянутым, подбородок по-злодейски остро торчал вперёд, в оправу очков были вписаны неестественно огромные глаза. Видимо, Ираклий плохо разглядел его, чётко запомнил только одну деталь – очки в прямоугольной оправе.

– Это же ты! – вполголоса вскрикнула Лана.

– С чего ты взяла? – фыркнул ошарашенный Орехин.

– Это ты! – уверенно повторила жена, так уверенно, что не стоило и пытаться переубедить её. – Вот, значит, какие у тебя были дела вечерами! Я так и думала!

Пропасть между ним и Ланой росла и росла, последнее время они почти не разговаривали. Совместные ужины стали пыткой: ложки, оглушительно стучащие о тарелки, Динька, переводящий с отца на мать

тревожные вопросительные взгляды, еда, с трудом проваливающаяся в горло... Орехин не выдержал этой пытки, стал ужинать отдельно. «Позже», – отвечал он Лане на её «будешь есть?», заданное из чувства долга, неприятное, как остывшие макароны.

Когда Егор первый раз надел куртку с капюшоном и приготовился идти, тогда ещё на собрание для волонтеров, Лана поинтересовалась, куда он, но тоже как-то «макаронно». «По делам», – скупно ответил Орехин. Больше она ничего не спрашивала, а он был настолько поглощён выслеживанием Ираклия, что ему даже в голову не приходило, что жена может догадываться о его «делах».

– Господи-и-и! – с отчаянием протянула Лана и спрятала лицо в ладонях.

Орехин так и стоял в рубаше, застёгнутой не на все пуговицы, не зная, как ему быть и что говорить.

– Егор, что с тобой происходит? – Лана отняла ладошки от лица, и он увидел в её глазах страдание.

Он ждал злости, презрения, даже ненависти, но не был готов увидеть, что жена из-за его «дел» страдает. Стало так больно, что не вдохнуть – не выдохнуть. Захотелось обнять её, успокоить, убедить, что всё с ним в порядке, и он шагнул к ней, с удивлением отмечая, что пропасть между ними только казалась ему непреодолимой, на самом деле это всего лишь маленькая трещинка, маленькая ранка в отношениях, которую можно залечить нежностью и любовью.

Лана напряжённо замерла в его объятьях, увернулась от поцелуя. Орехин вообразил, что ей неловко из-за Динькиного присутствия.

– Всё хорошо, – шепнул он, не торопясь отпускать её, наслаждаясь тем, как мягко щекочат лицо пахнущие конфетами волосы. – Приду с работы, и мы обо всём поговорим.

15

Вечером город накрыло ненастьё. Дождь со снегом хлестал по лицам спешащих домой прохожих. Те ёжились и втягивали головы в воротники.

Орехин не замечал ни колючего дождя, ни пронизывающего ветра. Его грела изнутри благодарность. Он снова и снова вспоминал глаза жены, наполненные страданием, и теперь ему от этого страдания было тепло. Оно означало, что ей не всё равно. Оно означало любовь. А любовь – это такая сила, которая поможет преодолеть всё.

Он уже подходил к дому, когда услышал жалобное мяуканье. Мокрый, грязный котёнок на обочине тротуара, дрожа тощим тельцем, отчаянно кричал, молил о спасении остановившегося рядом мальчика лет восьми.

Мальчик был не один. На некотором расстоянии его ждала женщина в коротком красном пальто, элегантно облегающем фигуру, и требовала:

– Слава, пошли!

– Ма-а-ам, давай возьмём его! – со слезами в голосе тянул мальчишка.

– Пожа-а-алуйста!

– Кто-то выбросил, а мы подбирать будем! Он больной и с глистами!

– Ну он же замёрзнет и умрёт!

– Ничего с ним не случится! Волонтёры подберут и увезут в заказник.

– Ему там будет плохо, он же маленький!

Орехин слушал их диалог затаив дыхание, всей душой желая двум страдальцам – мальчику и котёнку – достучаться до сердца женщины.

– Слава, я сказала – нет!

– Давай возьмём! Мы его вылечим! Ты обещала мне котёнка!

– Завтра купим воображаемого.

– Не хочу воображаемого, хочу настоящего!

Егор вздрогнул и возликовал: есть ещё «зрячие» люди! Это ничего, что маленькие. Большие вырастают из маленьких.

Мать, потеряв терпение, вернулась за сыном, схватила его за руку и потащила прочь. Котёнок неуверенно поковылял следом, покачиваясь то ли от ветра, то ли от слабости.

– Мама, он идёт за нами! – заплакал мальчик.

Орехин сам чуть не прослезился.

– Брысь! – женщина с брезгливым выражением на лице махнула в сторону котёнка сумочкой. – Пшёл!

Егор догнал несчастного малыша, присел на корточки. Чёрный, худой, с длинным мокрым хвостом, он больше походил на крысёнка. Лана, конечно, будет далеко не в восторге, поворчит первое время...

– Дяденька! Дяденька! – завопил мальчик, безуспешно пытаясь вырваться из цепких материнских пальцев. – Хоть вы возьмите! Он же погибнет!

Мать дёрнула его за руку, что-то сердито шикнула.

Орехин не удержался и крикнул красному пальто:

– У вас замечательный сын! Настоящий человек! Не воображаемый!

Пальто только ускорило шаг.

16

Пришлось пожертвовать шапкой. Орехин посадил в неё котёнка, будто в тёплое гнездо, и тот замолчал. Ему было всё равно, кто и куда его несёт, он доверился первым протянутым рукам.

Прижимая шапку со спасённым котёнком к груди, Орехин поднялся на свой этаж. У двери вдруг подумал, что всё складывается правильно: теперь, когда у них появится котёнок, сын и жена увидят разницу между воображаемым и настоящим. Откуда Диньке знать, где настоящее, а где пустое, если у него этого настоящего никогда не было? А Лана в погоне за модой, в своём нежелании отставать от других просто перепутала ориентиры.

Егор давно уже не возвращался домой в таком хорошем настроении: наконец-то появился просвет в хаосе происходящего. Он повернул ключ в замке, открыл дверь. Прихожая встретила сумеречной тишиной. Жены и сына не было дома. Ущипнуло тревожное предчувствие, но Егор прогнал его. Подумал, что всё опять складывается правильно. Будет лучше, если к их приходу он успеет искупать котёнка и сбежать в гипермаркет через дорогу за лотком и наполнителем.

Малыш спокойно дал себя помыть и выбрать из шерсти колючки. Как будто понимал, что от его поведения может зависеть дальнейшая судьба, и решил всё терпеть, чтобы свалившийся с неба хозяин не передумал и не выбросил его обратно на улицу.

Выяснилось, что шерсть у котёнка не чёрная, а серая, с тёмными полосками. Тонкие рёбрышки отчётливо прощупывались сквозь кожу. Он был таким худым и хрупким, что, казалось, можно ненароком сломать ему что-нибудь.

Завернув страдальца в полотенце для рук, Орехин отправился на кухню поискать блюдце и проверить, есть ли дома молоко. Привычно дёрнул цепочку настенной лампы. Из плафона брызнуло светом, и Орехин увидел на столе записку. Удивился: зачем писать записки, когда есть телефоны?

«Егор, я так больше не могу, – сообщали круглые, похожие на бусины, буквы. – Мне страшно. Я вижу, что с тобой что-то происходит, но не знаю, как об этом поговорить. Ты всё время злишься и молчишь. Я надеялась, что это у тебя пройдёт, но становится только хуже. Я устала жить и бояться за себя, за Дениса, поэтому решила уехать к маме. Конечно, тебе самому кажется, что с тобой всё в порядке, но на самом деле – не в порядке! Ты стал агрессивным, нападаешь на людей! Я не вернусь и не дам общаться с сыном, пока ты не обратишься за помощью к специалистам. Пожалуйста, сделай это ради нас».

Котёнок мяукнул и вполне осмысленным взглядом посмотрел на новоиспечённого хозяина, как будто тоже прочитал записку и спрашивал теперь, что тот намерен делать.

Орехин вспомнил, что собирался его покормить. Нашёл в шкафу блюдце, в холодильнике – пакет молока. Хотел погреть, но из тела куда-то

исчезли все силы, даже на то, чтобы ткнуть кнопку на микроволновке не нашлось. Налил холодного.

Один. Теперь он совсем один. Окончательно один.

«А вдруг мне правда нужна помощь? – подумал Орехин, опускаясь на табурет. – Может, со мной действительно что-то не так?»

На какую-то секунду мысль о том, чтобы обратиться к специалистам, показалась спасительной. Ему назначат лечение, и он станет, как все. Лана вернётся. Всё наладится. Всё равно из него не получится борца. Его либо посадят в тюрьму, либо упрячут в психушку. Барахтаться в одиночку – бессмысленно.

Котёнок вцепился ему в штанину и полез вверх по ноге. Царапанье маленьких, но острых коготков по коже привело Орехина в чувство. Он взглянул на спасительную мысль с другой стороны. Стать как все? Сюсюкаться с пустыми сумками? Нет, он не хочет становится таким. Он слишком рано собрался сдаваться. Слишком рано поставил крест на Диньке и Лане.

В прихожей завибрировал телефон.

«Лана!» – пронзило Орехина, и он, ссадив котёнка на пол, кинулся прихожую, достал требовательно жужжащий гаджет из кармана куртки.

Звонила не Лана. На экране светился незнакомый номер. Орехин какое-то время разочарованно смотрел на него. Никого, кроме жены, он слышать не хотел, но всё-таки заставил себя ответить.

– Алло, – без интереса приложил телефон к уху.

– Егор Александрович! Это Соня! – голос у неё был встревоженный.

Орехин удивился: что у неё произошло и как это может быть связано с ним?

– Егор Александрович, вы дома?

– Да, Соня. Что случилось?

– Никуда сегодня не выходите! – она торопилась, словно боялась, что он не станет слушать и бросит трубку. – И завтра тоже! Я имею в виду вечером. А может и утром тоже...

– Так. Успокойся, – строго прервал её Орехин. – Объясни толком, что случилось.

– В общем, – Соня постаралась говорить спокойнее, – все решили, что это вы напали на Ираклия Наумова, и собираются вас... наказать.

– Кто – все? – напрягся Егор.

– Ребята из колледжа. Они хотят вас подкараулить или как-нибудь выманить из дома. Не верьте никаким звонкам и сообщениям!

– Хорошо, я понял, Соня. Спасибо.

Орехин вернулся на кухню, положил телефон на стол рядом с запиской жены.

– Значит, наказывать собрались, – проговорил он вслух, усмехнувшись абсурдности происходящего, однако смешно ему не было. Страх он тоже не чувствовал – скорее, отчаяние и ярость окружённого со всех сторон зверя.

Котёнок, присевший с оттопыренным хвостом у стены, и появившаяся после этого лужица напомнили, что надо купить лоток и наполнитель. Орехин даже обрадовался поводу выйти из дома. Нет, он не станет прятаться в квартире, как суслик в норе. Он будет ходить, где и когда хочет и говорить что считает нужным. А если толпа «зомбированных» захочет убить его – пусть. Бояться и прятаться – это уже слишком.

17

У подъезда, вопреки ожиданиям, его никто не караулил. Мирно светил фонарь и отдыхали припаркованные автомобили. Егор благополучно дошёл до гипермаркета, купил принадлежности для кошачьего туалета, несколько пакетиков с кормом и пачку пельменей, вспомнив, что себя тоже нужно чем-то кормить. На обратном пути услышал, что за ним идут. Шаги преследователей вразнобой сыпались по асфальту за спиной. В самом тёмном месте двора Егора обогнал долговязый парень, бесцеремонно посветил фонариком в лицо и презрительно фыркнул:

– Это он!

Орехин узнал парня, вспомнил, что тот учится на третьем курсе на физрука в их колледже.

Со зловещим молчанием «каратели» окружили Орехина. Остальных он различить не смог, но понял по силуэтам, что среди них были и парни, и девушки.

– Что вы хотели, ребята? – спросил Егор по-учительски строго. Страх почти не было – так, слегка защекотало под кожей.

И в следующее мгновение охнул от боли, зажал разбитый нос, уронив из рук пакет с покупками.

– Это за Ираклия, – процедил долговязый и, сделав обманчивую паузу, так что Орехин подумал, что этим всё ограничится, ударил ещё раз – крепко прижёл кулаком левую скулу.

– За Ираклия! – призывно пискнул девичий голосок, и Орехин почувствовал слабый, но злой толчок в плечо.

– Ребята, хорош, успокойтесь! – потребовал он. Перед ним были его студенты, и как с ними драться, он не знал. Тем более с девчонками.

Но успокоиться они уже не могли. Каждому хотелось лично отомстить за кумира. На Орехина со всех сторон посыпались удары, будто он угодил под камнепад. От пинка в пах его согнуло пополам. Удар чем-то тяжёлым по спине повалил на землю. Орехин слышал хруст своих раздавленных очков, чувствовал, как твёрдые носы ботинок вонзаются ему в рёбра, больно молотят по рукам, обхватившим голову...

– Всё, хватит с него! – скомандовал долговязый. – А то загнётся ещё.

Удары прекратились. Егор подниматься не спешил. Слушал.

– А он хоть живой? – спросил испуганный девчоночий голос.

Кто-то бесцеремонно рванул Орехина за плечо, посветил в лицо фонариком, успокоил остальных:

– Норм, живой.

– Надо сфотать, Ираклию показать.

Над головой Орехина несколько раз чмокнула камера.

– А если он в ментовку пойдёт?

– Не пойдёт, его самого менты ищут.

– Всё, валим! – поторопил долговязый.

Какое-то время Егор ещё слышал голоса и дробь удаляющихся шагов. Потом всё стихло. Тишина сомкнулась над ним, как холодная вода в ночном озере. Превозмогая боль и радуясь, что тело подчиняется ему, он поднялся. Голова кружилась. Фонари и окна в доме расплывались бесформенными жёлтыми пятнами. В нескольких шагах белело пятно – пакет с кормом, лотком и пельменями. Орехин подобрал пакет и поковылял домой.

18

Тёмное пятнышко на полу в прихожей встретило его тревожным мяуканьем, словно спрашивало, где он был и что случилось.

Первым делом Егор отыскал старые очки в домашней аптечке – и к предметам вокруг вернулись более-менее чёткие очертания. Переоделся. В ванной внимательно рассмотрел лицо: нос и губы распухли, под левым глазом наливался синяк, на лбу алела ссадина.

«Как в таком виде идти на работу? Больничный не взять, врачи сообщат в полицию... Почему студенты из колледжа так уверены, что это я напал на Ираклия? Если они так легко вычислили меня, то скоро вычислит и полиция. Что дают за нанесение лёгких телесных повреждений? – тревожные мысли, как стая хищных птиц, налетели на Орехина сразу со всех сторон. – А вдруг мне припаяют статью потяжелее или признают

сумасшедшим?.. Что будет с Динькой, если меня посадят или отправят на принудительное лечение? Лана окончательно запудрит ему мозги и настроит против меня... Что делать? Бежать, скрываться? Куда? Тогда уж проще выйти в окно и всё...»

Мысли долбили его клювами, как вороньё, оглушительно хлопали крыльями, кричали в уши... Чтобы хоть как-то уgomонить их, Орехин пошёл на кухню и налил рюмку коньяка. Потом ещё одну. Это помогло, стая приутихла. Когда бутылка опустела наполовину, в голове прояснило, как в небе после бури, и высветилось простое умиротворяющее решение: будь что будет. Просто будь что будет и всё.

Короткий, требовательный звонок в дверь заставил вздрогнуть обоих: и Орехина, и котёнка, свернувшегося клубочком после сытного ужина на коленях новообретённого хозяина.

«Уже?» – удивился Орехин.

Он поднялся из-за стола. Убрал недопитый коньяк обратно в холодильник. Сполоснул рюмку и поставил на место в красный шкафчик над мойкой. Легонько дотронулся до лежавшей в центре стола записки, словно на прощание прикоснулся к руке, написавшей её, и только после этого пошёл открывать, опять удивляясь, на этот раз тому, что полицейские так вежливо ведут себя, задерживая преступников. Не стучат, не ломятся в квартиру. Позвонили и терпеливо ждут...

За дверью стояла Соня. Из огромной куртки-балахона торчала голова на тонкой шее и худые ноги, обутые в кроссовки-утюги.

«Ещё что-то случилось?» – на мгновение испугался Егор.

– Извините, я просто хотела убедиться, что вы в порядке...после этого... – сказала Соня, оправдываясь, и осторожно, словно боялась сделать больно, ощупала взглядом его распухшее лицо. – Я звонила, у вас телефон не доступен...

Орехин похлопал себя по карманам и, не обнаружив телефона, предположил:

– Батарея села, наверно.

– Ну... тогда я пойду.

– Нет, нет, стой! – он крепко схватил Соню за рукав. – Надо поговорить!

Она отшатнулась, и по гримасе лёгкой брезгливости, скользнувшей по её лицу, Орехин понял, что ей неприятен исходящий от него запах алкоголя, но пальцев не разжал, наоборот, втащил студентку в квартиру и захлопнул дверь.

– Объясни мне! – потребовал он, не дав Соне толком опомниться. – Как ты обо всём узнала? Почему вы все решили, что это я напал на Ираклия?

– У нас группа есть общая... – Соня, обиженная его грубостью, втянула шею в куртку-балахон, как улитка в раковину. – Ну, в интернете... Группа студентов... В общем, кто-то написал там, что фоторобот на вас похож, и все согласились. Вспомнили вашу заметку в интернете и как вы беседу проводили, что не надо движение Ираклия поддерживать. Договорились вас побить... А потом скинули фотку, когда уже всё... Когда вы на земле лежали, и лицо у вас было в крови... – она запнулась и договорила с досадой: – Я же предупредила вас, Егор Александрович!

На Орехина нахлынуло запоздалое чувство благодарности. Милая, отважная девочка! Приехала уже почти ночью в такую даль спасти глупого преподавателя, который не послушался её предупреждений. И он отлично понимал, почему она это сделала: ей было страшно остаться совсем одной в свихнувшемся мире.

– Ты прости, – Орехин потрепал рукав Сониной куртки, извиняясь сразу за всё: и за то, что пьян, и за тот стресс, который она из-за него сегодня пережила. – Просто день такой... А вообще, хорошо, что ты здесь. Проходи. Что ты будешь? Чай? Кофе? – он помедлил и скорее в шутку, чем всерьёз, добавил: – Коньяк?

– Коньяк, – неожиданно выбрала Соня.

После глотка спиртного щёки у неё порозовели, плечи расслабленно опустились. Она прислонилась к кухонному Биг Бену на стене, снова ощупала лицо Орехина сочувствующим взглядом.

– От меня жена сегодня ушла, – поделился Егор своей главной болью и подвинул Соне записку: – Вот, читай... Говорит, мне надо к специалисту... Я не знаю, что делать, Соня. Но что-то делать нужно. Надо как-то открыть людям глаза.

– Вы уже попытались, – напомнила девушка.

– Нужно пытаться ещё. Искать способы.

– Да бесполезно, Егор Александрович. Для них мы сумасшедшие. Кто станет слушать сумасшедших?

– Но как можно спокойно смотреть на всё это? – разгорячился Орехин. – Вот ты – у тебя впереди вся жизнь. Как ты будешь её жить в этом суре? – он развёл руками, и под рёбрами протяжно заныло.

– Отучусь и уеду в деревню. Куда-нибудь подальше.

– Думаешь, до деревень эта дурь не доберётся?

– Там будет легче быть собой настоящей, – она коснулась Егора извиняющимся взглядом. – Я не борец. Я не хочу тратить время и силы на то, что считаю безнадежным. Но я... я всё равно с вами. Не знаю, понимаете вы меня или нет.

Егор кивнул. Он хотел объяснить Соне, что тоже не борец, но у него так болит душа за родных, близких, соседей, вообще за всех людей и

питомцев, которых хозяева выкинут в заказники и заменят пустыми сумками. Не успел.

Стук в дверь прогремел, как короткая пулемётная очередь.

– Откройте, полиция!

У Сони испуганно округлились глаза.

– Не открывайте, – попросила она беззвучно, одними губами.

– Всё равно меня арестуют, – обречённо ответил Орехин. – Лучше уж сразу.

Соня вскочила, кинулась к кухонному проёму, преградила Орехину путь.

– Давайте скажем, что провели вчерашний вечер вместе!

Егор, отказываясь, помотал головой. Такого Лана ему точно не простит.

– Всё обойдётся, не слишком уж страшное преступление я совершил, – попытался он успокоить Соню, да и себя заодно. – Если хочешь мне помочь, возьми вот лучше котёнка на время, пока меня не будет.

– Угу, – прерывисто вздохнула девушка и посторонилась, пропуская его к двери.

19

В камере у Орехина была большая бессонная ночь на раздумья. Больше и бессоннее, чем были ночи до этого. Час тащился за часом, поскрипывая от натуги, как тяжёлый мельничный жернов по кругу, перемалывая одни и те же мысли.

Орехин гадал, знает ли Лана, что он арестован, и если знает, то переживает за него или наоборот, радуется, чувствуя себя в безопасности. Улыбался Сониному «давайте скажем, что провели вчерашний вечер в месте». Скрипел зубами от боли: студентка, чужой человек, которому Орехин был никем, всего лишь преподавателем, дважды за вечер пыталась спасти его, а родной человек, жена, с которой прожили вместе шесть лет и вроде бы любили друг друга, убежала, спасаясь от него, хотя это ей должны были принадлежать слова «скажем, что провели вчерашний вечер вместе».

Вспоминал Егор и встречу с блогером-пауком, его звонкое, трусливое «Помогите!», свою вырвавшуюся из-под контроля злость. Стыдился за себя и тревожился одновременно: как он так – не совладал с эмоциями и кулаками? С этими воображаемыми питомцами, похоже, сойдёшь с ума в любом случае. Если не влипнешь в паутину на этого мерзкого паука, то превратишься в какого-нибудь одинокого психопата-бунтаря...

Раз за разом Орехин прокручивал в памяти разговор с Соней, пока, наконец, до него не дошло, о чём она на самом деле говорила. Не бороться бессмысленно, а бунтовать. Истериками не заставить людей очнуться. Насильно не спасти тех, кто не хочет спасаться. Остаться собой настоящим,

сберечь настоящее в себе – вот что важно. Только с желанием Сони сбежать прочь Егор не был согласен. Надо быть здесь. Спокойно, с достоинством нести настоящее, не выпячивая его, но и не пряча, чтобы люди хотя бы помнили, что оно есть.

О том, что ждёт его с наступлением утра, Орехин не думал совсем. Прежняя жизнь потерпела крушение. Поначалу он ещё пытался грести вёслами, направляя свою шлюпку по курсу, который считал верным. Но сил не осталось. Он бросил вёсла и лёг на дно. Куда вынесет, туда вынесет.

20

Егор провёл в камере сутки, пошли вторые.

Приглашённый на процедуру опознания Ираклий Наумов не узнал в Орехине нападавшего. Узнать его, конечно, было непросто, после драки со студентами лицо «преобразилось»: на левом глазу набух фиолетовый синяк, на лбу красовалась бордовая корка ссадины, на губах насохли болячки. Очки на нём были уже не те, прямоугольные, а полукруглые, в толстой чёрной оправе. Да и без капюшона Орехин больше не выглядел злодейски.

Блогер неуверенно постоял напротив Орехина, колебался:

– Скорее всего, не он.

И Егора отпустили за недоказанностью вины.

Избитый, в грязной куртке, он устало брёл по городу домой, пугая своим видом опрятных, благопристойных прохожих. Они шарахались от него, старались не смотреть, словно боялись встретиться взглядом, как с одичавшей собакой. Женщины опасливо прижимали к себе сумочки.

Каждая зелёно-бордовая переноска, каждый зелёно-бордовый жилет вызвали у Орехина приступ отвращения и тошноты. Он вспоминал о своём недавнем намерении оставаться среди людей и со спокойным достоинством нести по жизни настоящее, но уже не был уверен, что найдёт силы на это. Может, Соня и тут права? Уехать подальше в самую разглухую деревеньку, посадить огород, завести корову, куриц... Нет, Лана никогда не согласится на такое. И Дениса не отдаст...

Квартира встретила тоскливой тишиной, спёртым, как будто чужим, запахом. Егор включил телевизор, чтобы хоть что-то звучало. Отыскал свой смартфон с севшей батареей, поставил заряжаться. «Сейчас поеду к Лане! – решил он вдруг. – Скажу, сам Ираклий подтвердил, что напал на него не я».

– ...И как нам только что сообщили, – донеслось из телевизора, – задержанный по подозрению в нападении на лидера общественного движения «Свободу питомцам!» преподаватель колледжа Егор Орехин

отпущен на свободу. Прибывший на процедуру опознания Ираклий Наумов сказал, что Орехин не похож на нападавшего. К тому же одна из студенток колледжа, где работает Орехин, заявила журналистам, что преподаватель в то время, когда произошло нападение, находился с ней...

Ну Соня! Егор схватил смартфон с намерением сейчас же позвонить ей и отчитать за самодеятельность. Сказал же, что не надо ничего сочинять! Как он теперь должен оправдываться перед женой? Вот пусть теперь едет к ней и сама как хочет, так и объясняет!

Он включил смартфон, и из него посыпались сообщения о пропущенных звонках. Звонила директриса, приятель Серёга, Елена Николаевна. Больше всего пропущенных было от Сони. От Ланы – ни одного. Ни одного.

Разочарованный Орехин положил смартфон обратно на стол. Подумал: а какое, собственно, право он имеет отчитывать Соню? В то время, когда он, покинутый женой и отвергнутый всеми остальными, безвольно плыл по течению, улёгшись на дно своей шлюпки, Соня одна спасала его, как могла.

Орехин подошёл к окну, словно хотел посмотреть, куда его занесло, не виднеется ли берег. Внизу около пустой детской площадки на скамейке сидел сосед-пенсционер, рядом стояла сумка-переноска с расстёгнутой дверкой. «Выгуливает питомца», – передёрнуло Егора. Он поискал взглядом его реального питомца – лабрадора – и не нашёл. Поводка в руках у соседа не было. Егор вспомнил, как пёс здоровался с ним при каждой утренней встрече, тычась мокрым прохладным носом в руку.

– Ну и скотина! – вырвалось у него и тяжело упало на подоконник.

Он вдруг понял, что ему больше не жаль людей. За что их жалеть? Как они могут не понимать, что делают? Каждому дан мозг и способность думать. А они предпочитают слепнуть!

21

Из декабрьского неба, как из огромной солонки, густо и щедро сыпало снегом. Орехин в надетом поверх пуховика оранжево-синем жилете с эмблемой в виде двух мордочек – кошачьей и собачьей, сел в подкативший к остановке служебный микроавтобус. Подобрал ещё несколько таких же оранжевожилетных пассажиров, микроавтобус выехал за город и свернул на просёлочную дорогу без каких-либо указателей. Через полчаса он остановился около металлических решетчатых ворот, влево и вправо от которых, сколько хватало взгляда, тянулась сетка-рабица. Невзрачная табличка на воротах сообщала, что пассажиры прибыли в Городок питомцев.

Из сколоченных наспех деревянных вольеров, неровными рядами расплзшихся по территории, поднялся дружный собачий лай всех тонов и оттенков. Орехин вместе с другими работниками зашёл на территорию Городка, взял в сарае, который именовался складом, пакет собачьего корма и открыл первый вольер. Навстречу выбежал бело-рыжий пёс, отряхиваясь от сенной трухи, ткнулся влажным носом в руку. Орехин потрепал его по холке:

– Потерпи, брат, это временно.

Пёс радостно помахал хвостом: потерплю, дескать, чего уж там.

Орехин знал, о чём говорил. Пока ещё это место по сути напоминало приют, но скоро здесь вырастет город. Городок для бывших любимцев, где они будут находиться под круглосуточным присмотром. Появятся отапливаемые павильоны, прогулочные зоны, ветеринарная служба.

Сколько пришлось обить для этого порогов – чиновничьих и предпринимательских – Орехин не считал. Он взывал к совести и самолюбию, давил на жалость и жадность. Убеждал, что Городок покроет расходы на строительство, сможет сам себя содержать и даже приносить прибыль. Ведь когда в домах не останется настоящих животных, люди станут возить детей на экскурсии и с радостью раскошелятся на то, чтобы их чада могли погладить или подержать на руках настоящую кошку, покормить попугайчика, поиграть с собакой, сводить её на прогулку на поводке, сфотографироваться, в конце концов.

«Поддержите проект Егора Орехина! – взывали теперь газеты, листовки, телевидение, интернет. – Городок питомцев! Впереди морозы, и наши питомцы могут погибнуть в суровых зимних условиях, мы должны построить для них тёплые павильоны, организовать службу спасения...»

– Потерпи, брат, – повторял Орехин, заходя в вольер к каждому из своих подопечных.

Он говорил это не только собакам. Себе тоже. Когда Городок питомцев построят, он и сам поселится в нём. Будет ухаживать за животными, встречать посетителей, проводить экскурсии.

Он все силы положит, чтобы сохранить настоящее для того, кто однажды придёт за ним. Денис это будет или сын женщины в красном пальто, или Сонин ученик из далёкой деревни – кто бы ни был.

Елена ВЕЛИЧКО

ВАСИЛИЙ ПОПУГАЕВ И УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Уроки я сделал часа за два. Как всегда, пришлось повозиться с физикой и геометрией. Правда, меня терзали смутные сомнения, всё ли правильно я решил. Но я заставил себя не думать больше о точных науках. В конце концов, пора бы и отдохнуть! Предвкушая удовольствие, я стащил с полки самоучитель по древнегреческому языку, который одолжил недели две назад у Маргариты Андреевны, моей репетиторши по русскому. Вообще, несмотря на всю мою любовь к языкам, полиглот из меня так себе. Никакой, то есть. Например, по-английски говорить и читать без запинки я за шесть с половиной лет так и не научился. В отличие от некоторых моих одноклассников, кстати. Но древнегреческий меня увлёл. Нет, конечно, я не собирался сочинять новую «Илиаду» или придумывать свою философию. Но погружаться в язык, словно в иной, параллельный мир – это всегда так захватывает! Да разве объяснишь? Как рыбак не объяснит тому, кто ни разу не ловил рыбу, зачем вставать спозаранку, мёрзнуть и мокнуть по многу часов с удочкой в руках.

Не успел я прочитать первые пару-тройку слов по-древнегречески, как раздался звонок в дверь. Странно, я никого не ждал. Вадим с Юлькой, мои друзья из школы, решили заглянуть без предупреждения? Они могут.

Нехотя я вылез из мягкого, уютного кресла, положил книгу на стол и поплелся в прихожую.глянул в глазок – странно, никого.

– Кто там? – спросил я грозно.

– Вася, открой, пожалуйста, это я! – раздался голосок – тонкий, просящий.

Я застучал замком и приоткрыл дверь. За ней стояла Ульяна, младшая сестра Вадима. Она была в очередной странной шапочке – на этот раз бледно-розовой с вязаными цветами. Понятно, почему я не увидел девчонку в глазок – маленькая, худенькая, да к тому же вжалась в стенку.

– Ты одна? – удивился я. Она кивнула. Я подумал, что от дома Маховых до моего пешком минут пятнадцать, с переходом всевозможных дорог – со светофорами и без. Конечно, девчонке уже одиннадцать лет, и всё-таки, будь она сестрой мне, а не Вадиму, я бы её одну не отправил...

– Можно зайти? – Ульяна посмотрела на меня исподлобья, точно с упрёком, и я распахнул дверь пошире.

Я заметил, что Ульяна прижимает к себе какую-то книгу – тонкую, но довольно большого формата. Снимая куртку и разуваясь, девчонка ухитрялась не выпускать книгу из рук.

– Да положи ты, – сказал я, но она не послушалась.

Ульяна прошла на кухню и робко примостилась с краю на диван. Я ждал, когда она объяснит, зачем пожаловала. Девчонка положила книгу на стол, и тут только я смог разглядеть название – «Сказка о царе Салтане...». На обложке были нарисованы главные герои сказки: добрый молодец в княжеском кафтане и девица со звездой во лбу.

Ульяна, поймав мой вопросительный взгляд, пододвинула книгу ко мне.

– Спасибо, конечно, – сказал я в замешательстве, – но, мне кажется, я слегка вырос... К тому же, у меня не день рождения...

– Это моя книга, – отрезала Ульяна, – и я не собираюсь её никому дарить.

Девчонка перевернула несколько листов и показала мне страницу, которая была разорвана пополам, и половина просто отсутствовала.

– Видишь?

Я кивнул.

– Не знаю, как это могло случиться! Я её не рвала и не роняла... Только один раз взяла с собой в школу. А потом даже не открывала...

Она всхлипнула и потупилась, словно устыдившись. Я подумал, что надо её как-нибудь успокоить.

– И что, нигде нет этого второго куска страницы? – спросил я. Ульяна помотала головой. Я сказал:

– Ну что ж, тогда остаётся только купить новую. Можно найти в интернете такую же. Хочешь, поищу?

– Мне не нужна такая же! – вдруг закричала девчонка, и я, не ожидавший от неё такого, отодвинулся в сторону. – Мне её папа подарил, понимаешь, папа! На прошлый Новый год!

Я видел, что она едва сдерживается, чтоб не разрыдаться. Папа Вадима и Ульяны уже полгода как на войне. Услышав про него, я вздрогнул и потупился. Да, облажался я со своим предложением поискать в интернете.

– Ну, можно что-нибудь другое придумать, – пробормотал я неуверенно.

– Я уже придумала, – тихо сказала Ульяна и уставилась на меня просящими светло-серыми глазищами. – Вася, ты бы мог её починить. Ну, помнишь, как мы попали в сборник пословиц и поговорок. Он сначала был

такой потрёпанный. Мы там всем помогали, а когда вернулись, книжка стала как новенькая!

Я начинал понимать, чего она от меня хочет.

– Но... я ведь никогда не бывал в художественных произведениях... – промямлил растерянно. – И Маргарита может не разрешить... Надо будет сначала у неё спросить...

– Вася! – воскликнула Ульяна, молитвенно сложив руки на груди. – Ну пожалуйста!

Я понял, что не смогу выдержать её жалобного взгляда. Но ещё пытался отнекиваться:

– Карточка разрядится, придётся опять заряжать. А это недели две-три.

Но нет, эти глазищи продолжали буравить меня, заставляя чувствовать себя последней сволочью.

– Ладно, – махнул я рукой и тут же успокоился. Так всегда бывает, когда перестаёшь сомневаться и принимаешь решение.

– Только я с тобой, – вдруг заявила Ульяна решительно. Ещё чего! Не хватало мне тащить с собой мелкую девчонку туда, где ещё неизвестно, что меня ждёт.

– Нет уж, – сказал я твёрдо. – Я сам.

Ульяна изменилась в лице. Кажется, в этот миг она пожалела, что пришла сюда со своей книжкой.

– Вася, нет, пожалуйста! Ведь это очень опасно! Давай я сбегая за Вадимом, и мы все вместе туда сходим? Он сейчас на тренировке, но уже заканчивает. Мы скоро к тебе придём!

И с этими словами она заскользила на выход. Я рассеяно кивал, провожая её до двери. Пусть бежит за Вадимом, я за это время всё успею. Друзья – это, конечно, хорошо, но с некоторыми делами проще справиться в одиночку.

Сказать по правде, мне самому было любопытно попробовать попасть в сказку. Словари и сборники я уже более-менее изучил, и хотелось чего-то новенького.

Вернувшись в комнату, я выудил из книжного шкафа папку, а из папки – зелёную карточку. На вид не отличишь от обычной, по которой совершают покупки. Это был мой личный пропуск в книжные миры. Маргарита Андреевна выдала мне его около месяца назад. Одним только плохи подобные карты – быстро разряжаются. По ним либо один раз в одну книгу войти можно, либо несколько раз в разные книги, но только подряд без остановки.

«Ну что, – пробормотал я, – три девицы под окном пряли поздно вечерком?» – и, раскрыв книгу на том месте, где была оборванная страница, приложил к ней карточку.

Перед глазами, как обычно, всё завертелось. Свет померк, но ненадолго. Постепенно туман рассеивался, и на ярко-голубом фоне проступали сверкающие белые громадины. Их мягкие очертания напоминали лебяжий пух. Слышно было тихое монотонное гудение и плеск волн где-то поблизости. Когда я снова ощутил собственное тело, то понял, что лежу на спине, а руки у меня закинута за голову. Подо мной была земля, поросшая травой.

«Ну вот, хоть на травке поваляюсь, – пронеслось у меня в голове. – А то у нас только март-месяц...»

Встав, осмотрел округу. Как я и предполагал, с одной стороны от меня раскинулся синий морской простор, с другой на холме белели каменные зубцы величественной ограда. За крепостными стенами сверкали на солнце золотые луковки церквей, покатые крыши теремов и башенок.

«Ладно, некогда любоваться, – сказал я себе, – и купаться в море некогда» (тут я глубоко вздохнул). На высоком берегу рос раскидистый дуб. Я ни капли не удивился, обнаружив его здесь, хотя ни цепи золотой, ни kota учёного, понятное дело, не было. Я подошёл к дубу и сразу почувствовал себя уверенней и спокойней. Отчасти потому, что сам он был такой устойчивый и крепкий, отчасти – потому, что дерево необходимо мне для перемещения обратно в мой мир. И вот, обозревая бескрайнюю морскую даль, я обнаружил сероватый столб у линии горизонта. Сначала он был похож на случайную полосу в небе, но постепенно становился больше и темнее. Над ним клубилась большая туча. Спустя какое-то время я заметил, что столб вращается. «Смерч!» – моментально пронеслось у меня в голове. И, судя по всему, он двигался прямо на остров. Но откуда смерч в пушкинской сказке? Тут я вспомнил про половинку страницы. Что же там было написано, на отсутствующей части? «Ветер на море гуляет, и кораблик подгоняет...» Сбоку от смерча показалась точка. Но её ещё нельзя было разглядеть. «Он бежит себе в волнах на раздутых парусах». А что было дальше? Я с ужасом понял, что не могу вспомнить ни слова. Именно в этом месте страница обрывалась. И там же дала трещину моя память. Да, когда-то я знал сказку о царе Салтане наизусть, но это было в классе третьем-четвёртом... Я лёг на спину и уставился на причудливо изогнутые ветки дуба. Чтоб не паниковать, лучше постараться сейчас вообще не думать о смерче. Будто и нет никакого смерча, ясная погода, солнышко светит, листва шелестит... Ведь помнил же я когда-то эту сказку! Я закрыл глаза, постарался отключиться от всего, что меня окружало. Максимально

сосредоточиться, погрузиться в себя и выудить из памяти нужные слова. Ведь то, что ты однажды выучил, не может бесследно исчезнуть. Так Маргарита говорит. Между тем, издали уже слышался нарастающий шум. Не думать о нём, сосредоточиться! Ведь у нас внутри, у каждого, что-то вроде моря-окияна, в глубинах которого скрыто много всего удивительного.

Наконец я встал на ноги. Заново почувствовал почву под подошвами. Земля слово давала мне силы, как былинным богатырям, и я закричал прямо в морскую ширь, туда, где бешено вращался гигантский столб: «Корабельщики дивятся, на кораблике толпятся, на знакомом острове чудо видят наяву: город новый златоглавый, пристань с крепкою заставой; пушки с пристани палят, кораблю пристать велят». Пока я орал, столб делался всё светлее и прозрачнее, а вращался всё медленнее. При последних словах он окончательно растворился в воздухе. Одновременно справа что-то бахнуло, потом ещё и ещё. Я посмотрел туда (сверху открывался прекрасный вид): действительно, там была деревянная пристань. На берегу стояли пушки. Возле них выстроились люди в сверкающих доспехах. А ладья с яркими полосатыми парусами была уже совсем близко. Я вздохнул с облегчением: ну, дальше они сами разберутся. И хотел было достать свою карточку, но с тоской посмотрел на линию прибора. Эх, в этом году наверняка опять на море не поедem... Может, воспользоваться, так сказать, служебным положением? Тем более, как известно, сделал дело – гуляй смело. В общем, я не утерпел, живо скинул с себя одежду и устремился с пригорка вниз. Море было тёплым, песок под ногами – мягким. Всё-таки, подумал я, лучшие курорты – у нас, в России! Пусть даже в сказочной. Солнце играло, преломляясь в волнах, и рассыпалось на множество лучей. На губах у меня сама собой возникла улыбка. Немного покупавшись, я вышел на берег. Подумал, что задерживаться здесь не стоит – в гостях хорошо, а дома лучше. Взобрался я на пригорок и тут остолбенел: моя одежда исчезла! И ладно бы только одежда, я же не какая-нибудь девчонка, а к себе домой и в трусах можно вернуться. Но у меня в кармане штанов лежала карточка, а без неё как телепортироваться? «Ну ты попал, – сказал я себе. – Вот и гуляй теперь до скончания века по острову князя Гвидона в одних трусах. Зато купаться можешь сколько душе угодно!» И надеяться на то, что меня спасут, не приходится. Когда здесь пройдёт сто лет, по меркам реального мира от силы пара минут пролетит. Никто даже не узнает, что я тут застрял. И почему только я не согласился дожидаться Вадима с Ульяной? Эх, самонадеянный дурак...

Тут я сперва почувствовал, потом увидел, как тонкая змейка обвилась вокруг моих лодыжек. Меня подкосило, и я плюхнулся на землю.

Змейка же сама завязалась в узел и продолжила деловито обвиваться вокруг моего туловища. Руки за пару витков оказались плотно притиснуты к груди, так, что я не мог пошевелить пальцами. Тут только я разглядел, что змейка была верёвкой, которая обматывалась вокруг меня сама, без посторонней помощи.

– Ну и ну, – пробурчал я, – скатерть-самобранку знаю, ковёр-самолёт тоже. Про верёвку-самовязку не слышал.

– Рад, что смог тебя удивить, – послышалось откуда-то сбоку. Я поднял глаза и увидел парня лет пятнадцати. Белёдые волнистые волосы, светлые прозрачные, как морская вода, глаза. Типичный обитатель русской сказки. Только в глазах у него читалось уж слишком много нахальства и насмешливости. Из одежды на нём была просторная, местами заляпанная грязью рубаха, полосатые штаны и драные сапоги.

– Да уж, – сказал я, – но вообще-то невежливо начинать разговор, не представившись.

– Ах, извини, – с деланным испугом проговорил он и, чуть поклонившись, представился. – Лучезар, ученик покойного чародея Кудемира.

– Чародея? – удивился я. – Какого такого чародея? Разве в сказке о царе Салтане... Ах да, постой-постой... «Ты не коршуна убил – чародея погубил». Того самого, что ли?

Лучезар угрюмо кивнул.

– Этот самозванный князишко от нечего делать убил моего учителя, самого могущественного чародея во всей округе. А ведь Кудемир уже много лет владел этим островом! И я жил у него с семи лет. Многому успел за это время научиться. Ты же видел, – он глянул на верёвку, но внезапно нахмурился. – Только это всё детские игрушки! Главного-то Кудемир мне не успел рассказать: как устроен мир, почему светят Солнце, Луна и звёзды, по каким законам живёт Земля и вся Вселенная. Подумать только, за неделю до посвящения, до того дня, когда мне предназначено было стать настоящим чародеем и познать законы мироздания, какой-то человечешко убил моего учителя! И теперь я – никто, всё, что умею, это так, ребятишкам на потеху. Только я им этого не спущу, они поплатятся... – парень погрозил кулаком в сторону города.

– Так, – прервал я его, пытаюсь под верёвкой размять затёкшие конечности, – а вихрь – твоих рук дело?

Лучезар спокойно кивнул.

– Любопытно, – протянул я. Я ведь полагал, что смерч образовался из-за оборванной страницы, а оказывается, всему виной – местный волшебник-недоучка. Или это взаимосвязано? Эх, многого ещё я не

понимаю в том, как устроены эти книжные миры. Такой же недоучка по сути.

– Послушай, – Лучезар впился в меня глазами, – я знаю, что ты сам чародей. Я видел, как ты с помощью заклинания остановил и рассеял вихревой столб. Поэтому я прошу, нет, я требую, чтоб ты мне помог!

– Чем же, интересно? – спросил я, решив пока не разрушать иллюзий Лучезара. – Учти: островитян я в обиду не дам.

– Мне на них плевать, – высокомерно заявил юный волшебник. – Я должен найти себе нового учителя. Чтобы он провёл обряд посвящения. Но я всё время жил здесь и никого не знаю... А ты, наверняка, знаешь. У тебя ведь тоже был учитель. В большом мире волшебников немало, а ты ведь оттуда, верно?

Я подзавис – задумался. Всё-таки выдавать себя за того, кем не являешься, всегда очень неловко и рискованно.

– Ладно, – проговорил я медленно, хотя совершенно не представлял, как буду выкручиваться. – Я познакомя тебя с одним чародеем. И дам тебе рекомендацию.

– Дай, – живо закивал он. – В хозяйстве пригодится.

– Только, будь добр, верни мне одежду, – потребовал я.

– Она у меня норе, – Лучезар неопределённо махнул рукой в сторону, – пойдём, покажу, – и хотел было идти.

– Ты что, сбрендил? – возмутился я. – Куда я пойду со связанными ногами?

Лучезар слегка смутился, потом щёлкнул пальцами и присвистнул. Тут же верёвка-змейка развязалась и сползла у меня с ног. Но верхняя половина туловища по-прежнему была туго обмотана.

– А руки? – воскликнул я. Юный волшебник ухмыльнулся:

– Ты же не на руках ходишь. Я не дурак, чтоб чародею руки развязывать.

Кое-как поднявшись, я пошёл за Лучезаром. Пришлось спускаться по склону, песок под ногами осыпался, и мне чудом удавалось сохранять равновесие. Пару раз Лучезар даже поддержал меня. Видимо, маг со свёрнутой шеей был ему ни к чему.

У подножия склона, замаскированный густым кустарником, обнаружился вход в подземное жилище. Настоящая хоббичья нора! Оглядевшись, я понял, что это пещера, обжитая человеком. Вдоль стен стояли лавки, покрытые звериными шкурами, под потолком висели глиняные горшки и связки сушёных трав. Даже вполне приличного вида сундук, обитый железом, обнаружился в дальнем углу. В общем, не хоромы, но жить можно.

– А где ты тут еду себе готовишь? – простодушно поинтересовался я.
– Печи-то нет.

Лучезар посмотрел на меня как на идиота.

– Ты что, не знаешь простейшего варящего-жарящего заклинания?
Чему же тебя учили?

Я прикусил язык.

Он немного подумал, потом проговорил:

– Ладно, развяжу тебя. Тебе надо одеться. Кстати, откуда ты родом? Никогда не видел таких диковинных тканей, – он указал на мои домашние футболку и штаны, валявшиеся на лавке.

– Из Индии, – пробурчал я.

– Поклянись, что отведёшь меня к могущественному чародею! – потребовал Лучезар. Видимо, решил перестраховаться. Кто их знает, этих индийских колдунов. Факиров, что ли? Это тебе не наши отечественные волхвы...

Волхвы! Решение пришло моментально, и я едва не подпрыгнул на месте.

– Не будем терять времени, – сказал я. – Клянусь тебе самым дорогим, что у меня есть, – этимологическим словарём, – что отведу тебя к могучему колдуну.

Верёвка заскользила по мне и упала на землю. Размяв плечи, я быстро натянул одежду. Незаметно проверил карман – карточка на месте! Облегчённо вздохнул – и сказал Лучезару:

– Возьми с собой всё ценное. Ты сюда больше не вернёшься.

– Я не привязан к бранным вещам, – с достоинством проговорил он. – Пойдём скорее! Мы поплывём через море? Или полетим? Может, ты умеешь летать по воздуху, как мой учитель?

– Само собой. Но мне нужно дерево. Дуб подойдёт.

Мы вышли из пещеры и снова взобрались на склон. В последний раз окинул я взглядом живописную округу – морскую даль и белокаменную твердыню. В городе как раз звонили колокола.

– Готов? – спросил я. Лучезар кивнул. Тогда я приложил зелёную карточку к древесному стволу – и мир распался, а затем возник снова. Я очутился у себя в квартире. И рядом со мной белый, как простыня, и трясущийся, стоял ученик чародея.

«Вот это да, – пронеслось у меня в голове. – Перенести сказочного персонажа в нашу реальность! Да ещё и волшебника. Вот будет сенсация...»

Но тут же сам себя одёрнул. Нам такого счастья не надо! Не хватало ещё, чтоб у нас тут торнадо по улицам гуляло. К тому же я ему обещал. И времени у нас мало.

Пока Лучезар переводил дух и безумными глазами озирался по сторонам, я подлетел к книжному шкафу и стал распахивать толстые тома в поисках необходимой книги. Где же он, «наше всё»? Наконец книга в тёмно-зелёной обложке нашлась. Я открыл нужную страницу и приложил карточку прямо к стихотворному тексту. Тут же снова перед глазами всё померкло. А когда прояснилось, мы с Лучезаром стояли на перекрёстке. По соседству высился деревянный столбик-голубец. Солнце припекало. Во все стороны простирались выжженные солнцем поля, лишь кое-где виднелись деревья и кусты. Не то, что на зелёном острове князя Гвидона! Мне стало душно и захотелось поскорее вернуться домой. Между тем, по дороге к нам навстречу двигалась одинокая фигура. Вскоре я смог разглядеть, что это седой старик в длиннополой, расшитой красными нитками рубахе и с посохом в руке. Шёл он на удивление быстро.

– А вот и твой будущий учитель, – сказал я Лучезару.

Мы поравнялись со старцем. Его лицо было морщинистым и казалось вырезанным из дерева. Впрочем, я не успел его как следует рассмотреть.

– Здоровы будьте, уважаемый, – протараторил я. – Вот, привёл вам молодого человека. Подаёт большие надежды, может в одиночку вызвать вихрь. Хочет к вам в ученики. Вы же не откажетесь, да? А то ведь жизнь проходит, – тарабаня всё это, я отступал к чахлой берёзке, что росла у дороги. Прикинул на глаз – двухметровая дистанция между мной и волшебниками есть, значит, за собой никого не утащу.

– Ладно, вы тут знакомьтесь, то да сё, а я пошёл, – и тут же я с силой вдавил карточку в податливую бересту.

Вот я и дома. словно не было ни прекрасного острова, ни раскидистого дуба, ни надменного юного волшебника. А я вот думаю, правильно ли поступил, перебросив опасного недоучку из пушкинской сказки в пушкинскую же «Песнь о вещем Олеге»? И всё-таки, мне кажется, мудрый волхв должен хорошо на него повлиять. Сам же я обязан во многом ещё разобраться. Например, ученик чародея жил только в одной-единственной книге или во всех сразу? Получается что-то вроде теории множественности миров. Надо будет порасспрашивать Маргариту – хотя она не на все вопросы отвечает. Зато книжка Ульяны теперь целёхонька. Маховы, конечно, ругали меня, что я один на такое дело отправился. Но и спасибо сказали тоже. А я сказал, что едва не пропал из-за того, что слишком понадеялся на себя. Хотя в глубине души ни о чём не жалею. В общем, то хорошо, что хорошо кончается.

Иван НЕЧИПОРУК*ОЩУТИ ВСЕЛЕННУЮ СВОЮ...***ЛИЦОМ К...**

Город высится громадой
За согбенною спиной.
Я смотрю вперед с отрадой,
Что исполнил всё как надо
В этой схватке жестяной...

В поле чистом, в поле сизом
Ветры травы теребят.
Жизнь застыла под девизом:
«Будь хоть Глебом, хоть Борисом –
Святополк найдёт тебя!»

УСТАЛОСТЬ

(Горловский сонет)

И хочется вином залить тоску,
Ты так устал быть менестрелем бойни.
Легко судить смотрящим с колокольни,
И языком молоть словес муку,
Чтоб речь звучала злей и протокольной,
Пока их с высоты не совлекут...

А тут молчишь, накапливаешь злость,
И чувствуешь себя, как в саркофаге,
Пока душа не выплеснет бумаге
Всё то, что в хрупком сердце запеклось,
Не думая о страхе и отваге,
О спице, что вот-вот пронзит насквозь...

И судит век предвзято и сурово,
За каждое несказанное слово.

ДАНТОВА ОСЕНЬ

Вот и осень роняет свои эполеты
Стылых клёнов в роскошно-желтеющем сквере.
Получив свой удар от холодного лета,
Я пытаюсь укрыться от шума и света:
Снисходя в те круги, где бродил Алигьери.

Ускользя от осени робкою тенью,
Не отринуть мне статус её фигуранта...
Но я верю, однажды тропую весенней,
Страх отбросив, я к свету начну восхождение,
К верхней точке, к которой стремился сам Данте.

ОКТЯБРЬ

Пусть октябрь сегодня на излёте,
Но бессильна хмурая тоска.
За раскатом вновь летит раскат,
И саднят от шрамов миномётных
Террикона мятые бока.

Но прозрачен купол поднебесья,
Запах осени сквозь листопад пророс.
Отряхнувшись от туманных грёз,
Вновь горят над храмом тонколесья
Золотые купола берёз.

ЖДИ

Город словно рыба в молоке
В выхлопном тумане от ракет,
В окнах глаз тревожная истома.
Не горят в безмолвном далеке
Слёзные огни аэродрома.

Декабрят холодные дожди,
И напитываясь каплями вражды,
Город стонет в горьком исступленьи...
Но назойливо дождейки шепчут: «Жди
Искупленья, исцеленья, избавленья!»

ЭТА БОЛЬ

Хиросимой выцвела земля,
Посрывало кроны тополям.
Кряж, покрытый оспами воронок,
К небесам свой устремляет взгляд,
Пульс надежд его предельно тонок.

Эту боль придётся оправдать,
Ветер заметает города –
Ветер страха, безнадёжной мути.
Нынче смерть накроет Соледар,
Завтра разгуляется в Бахмуте.

Городов обломки скорлупой
Скорбно хрустнут под твоей ногой
И, не веря трелям соловьиным,
Ты придёшь, от горечи слепой,
Жгучей болью омывая руины.

ЗИМА В ТВОЕЙ СУДЬБЕ

Лучи и птичий гомон в авангарде –
Весна опять замыслила набег,
А ты стоишь на грани, оробев.
Ты думаешь – зима растает в марте? –
Она навек приписана к тебе!

Ты – менестрель звенящих межсезоний,
Твоя весна, как ты попала в плен...
Среди фантомно-индевелых стен,
Где ветер, словно буйный узник стонет,
Ты ждёшь ещё каких-то перемен.

МАЛОЙ КРОВЬЮ

*Нехорошо, святой отец, что малышам
так часто приходится оплачивать зверство старших.*
Леонид Леонов

Век продирается сквозь жуткие завалы,
И бог войны сегодня стал Ваалом,
Сосущим пламя нелюдских страстей.
А землю рвёт убийственным металлом,
Век окропляет степи кровью малой,
Перевирая сводки новостей.

Мы столько лет на бесконечном марше.
Кто, как не мы в ответе за всех павших?
Сучим как нить тревожную строку...
И есть ли вера в будущее наше?
Ведь дети держат вновь ответ за старших
И реки крови в небеса текут.

ОГОНЬ

Война сквозь окуляр калейдоскопа
Горит огнём, танцует на костях.
Мир на пороге нового потопа,
И бледный всадник поднимает стяг...
Вот так проходит молодость в окопах
И закаляются характеры в боях.

Огонь в сердцах, огонь над пепелищем,
Огонь закатов, взмах руки: «Огонь!»...
Но падает снежинка на ладонь
Благословляя светом духом нищих...
Здесь души, словно струны, только тронь –
Ты музыки такой нигде не сыщешь.

В КРУГУ ПОРОЧНОМ

Цикады отпиликали на скрипках,
Цикорий растерял всю синеву,
Лёг иней нынче утром на траву...
Я не учусь на собственных ошибках
И вопреки наитиям живу.

Но утро утопает в жёлтых красках,
И машет тополь раненым крылом...
А я в кругу порочном и дурном
Всё так же не скрываю веру в сказку,
Что это всё закончится добром!

ШАГ В ОКТЯБРЬ

Оставлю все заботы за плечами,
Шагну в октябрь навстречу синеве!
Смотрю – сегодня сквер и светел отчаян,
Заполнен детворой и шумными грачами,
И от того прозрачней и живей.
Лучи ещё скользят по кронам клёнов,
И седины касаются моей.
Осенний мир взирает утомлённо,
Как опадает каплями паслёна
Тепло последних листопадных дней.

ГЛОТОК ЖИВОЙ ВОДЫ

Живу на дне, как пуганый налим,
Я собираю целый год нули.
Одни нули, а к ним бы единицу!
Всё жду, когда наступит мой прилив:
И мой посев окупится сторицей,

Все эти страхи, бег на поводу,
Терзания растают и пройдут,
И станут ближе дружеские лица...
Но снова вижу вражеский редут,
И вечный бой, но мне покой не снится.

И только свет бейт-лэхемской звезды,
Поможет разогнать тревоги дым,
Чтоб встрепенулось сердце вольной птицей...
А слово – как глоток живой воды,
Когда душа надеждою лучится.

С БОЛЬШАКА

С большака сворачивай направо
И шагай-ка вдоль березняка.
Чувствуешь? – становится легка
Ноша жизни, как слова припева.
Пусть прольётся песня, как река!

Этот путь давно тобою избран:
Клевер справа, а напротив – рожь.
Солнце, словно раскалённый грош
Колесом прокатится по избам,
Перепрыгнув через тонкий Сож.

Это лето! Это мир смеётся,
Здесь всё так же пахнут и поют...
В васильково-злаковом краю
Ты постой у старого колодца,
Ощути Вселенную свою.

НЕ ДУМАЙ...

Путь прямой завёл в трясины.
Утомился, сдулся, весь изныл,
Но не плачусь на свою судьбину.
Ты не верь, что я навеки сгинул,
Растворился в сумраке войны.

Ты не думай, есть в пороховницах
Порох, и ещё крепка рука.
Пусть мелькают бытия страницы,
Птицею моя судьба кружится.
Я себя не стану обречь

На слова, ведущие к забвенью
Дел надежды, веры и любви.
Я живу, отбросив сокрушенья,
Собирая в цепь свершений звенья,
Я шепчу тебе, Донбасс: «Живи!»

НЕ УНЫВАЯ

Облака смыкают своды,
А в судьбе моей прогал.
День грядущий предан, продан:
До весны всего полгода,
До неволи – полшага.

Но душа не унывает,
Торит тропку через гать.
И спешит судьба кривая,
Кесарево отдавая,
Богу Богово воздать.

Вячеслав КИЛЕСА

ДАЧНАЯ ИСТОРИЯ

Из автомобильных знаков более всего нравятся «Учусь ездить» и «Женщина за рулем»: при движении по трассе водители шарахаются от моих «Жигулей» как от президентского кортежа. С гаишниками стараюсь не ссориться и даже, когда настаивают, делюсь пенсией: вдруг у них детишки второй год не кормлены! При желании можно простить даже себя, а уж других...

В автолюбители заманила меня Люська: дружим с ней со школьных времен, когда друг у друга контрольные списывали. Шагнув одновременно в ряды пенсионеров, собрались у меня на даче — счастье шампанским залить, — вот Люська и говорит:

— Мы что, не можем, как нормальные бабы, на машине за грибами ездить? Завтра на курсы водителей записываемся!

Баба сказала: баба сделала! Скажу честно: коленвал от карбюратора я так отличать и не научилась, а с прокладками вообще запуталась — в каком магазине их покупать, — зато экзамен сдала с третьей попытки, в отличие от Люськи, установившей мировой рекорд по не сдаче правил автодорожного движения. Получив водительские права, помчались на авторынок: я свои социальные накопления поменяла на первую модель «Жигулей», а Люське повезло — она заначки мужа Вовки отыскала и как раз на «ГАЗ24» хватило.

В тот субботний вечер собралась на дачу: полить огурцы на грядке, собрать помидоры и щель в крыше заделать. Дача неказистая — ее покойный муж по дешевке в девяностые годы приобрел, — но стены крепкие и огородик присутствует. А главное: озеро рядом. Дочка Сашенька, когда летом с семьей из Мурманска приезжает, любит на этом озере загорать.

Звоню по мобильнику Люське: «Компанию не составишь?».

«Нет, — говорит, — ко мне гости из Тамбова нагрянули, соус для них готовлю».

Пожелала ей кухонных успехов, завела двигатель «Жигулей» и покатила на дачу.

Из города выбралась без происшествий, свернула на ведущую к дачному поселку дорогу, прибавила скорость (какая женщина не любит быстрой езды!) и вдруг увидела впереди стоящую на обочине машину ГИБДД и размахивающего жезлом гаишника.

«Что-то случилось у человека, — думаю, — Вон, как палкой в меня тычет. Надо остановиться: вдруг помощь нужна».

Торможу. Выскакиваю из машины и кричу:

— Вам плохо? Может, «Скорую» вызвать?

Идет ко мне и с ехидцей говорит:

— Если кому и нужна «Скорая», то вам. Какая разрешенная скорость на этом участке?

— Вам лучше знать, вы — мужчина.

Ощущение, что его впервые мужчиной назвали: так растерялся.

— Я — сержант милиции Иванов, — отчеканил. — Предъявите ваши водительские права!

— А я — Клавдия Сергеевна, — делаю книксен. — Вот и познакомились. Зачем вам права, я сразу могу номер телефончика дать.

— С нарушителями дорожных правил не знакомлюсь, — сухо так, даже обидно стало. — Почему у вас на лобовом стекле знак «Дикие животные»?

«— Кота вчера к ветеринару возила», — объясняю. — Снять не успела.

— А причем здесь знак? — лепечет.

— Кот дикий, на чужих в доме прыгает, укусить может.

Сердится:

— Этот знак на дорогах устанавливается, а не в автомобилях. Впервые с подобным нарушением сталкиваюсь.

«Новичок, наверное, — думаю. — Хорошо, что Люська со мной не поехала: он от ее знаков «Слепая за рулем» и «Прочие опасности» мог бы окочуриться».

— Возьмите права и идите в мою машину: будем протокол составлять.

— К малознакомым мужчинам в машину не сажусь, — заявляю. — Мне мама, Царствие ей небесное, еще в детском садике это в голову вбила.

Посмотрел, пожал плечами и в мое «Жигули» залазит. Достает бумажку и на планшет ее пристраивает.

Сажусь рядом, вытаскиваю кошелек и протягиваю ему двести рублей.

— Вот такие, как вы, и делают из нас, честных ментов, «оборотней в погонах», — вздыхает. — Удвойте сумму.

— А чего так дорого?

— Завтра у моей жены день рождения.

Аргумент весомый. Вытаскиваю еще двести рублей.

Еще раз вздыхает:

— Думаете, мне не стыдно? Да я потом ночью спать не могу...

Сует деньги в карман и бредет к своей машине. С жалостью посмотрев ему вслед, вывожу «Жигули» на дорогу.

На даче все дышало летом и спокойствием, радуя сердце и настроение, пока, загнав в гараж машину, не заглянула в огород.

«Опять часть помидоров украдена, — зло констатирую. — Видно, к Самовару братки приезжали и закуски не хватило».

Сосед слева по фамилии Самоваров в былые времена рэкетировал городской рынок и, уступив поле деятельности более молодым, замашек своих не оставил, изредка тренируясь на моем огороде. Мои и Люськины высказывания в свой адрес Самоваров игнорировал, насмешливо восклицая: «Докажите!», в чем ему поддакивал местный участковый милиции Федоркин, объяснявший мне, что следы обуви к делу не пришьешь, да и ущерб незначительный. Вот попарился бы Федоркин на поливке помидор — при нашей постоянно отключающейся в поселке водопроводной системе, когда приходилось воду ведрами из озера носить, тогда бы по-другому заговорил.

Ринулась в рэкетирское жилище: но мой набег на совесть Самоварова закончился, естественно, ничем, разве что, страдающий от похмелья, пообещал он при случае разукрасить мою физиономию фонарями: чтобы ночью светлей ходить было. Я, покидая бандитское логово, ответила теми же выражениями, на что Самовар весело заржал, понимая, что мои желания уступают его физическим возможностям.

Люське по телефону пожаловалась; обсудили с ней планы мести, представили, как Самоваров корчиться в адском котле, куда его наверняка боженька после смерти отправит — и на душе легче стало.

Зашла на кухню, включила электрочайник: привыкла чаем неурядицы сглаживать. Когда одна, то электрочайником обхожусь, а для гостей самовар на стол ставлю: громадный-прегромадный, от бабушки по наследству достался. Он на настенном шкафчике сверху стоит, кухню украшает.

Попила чай, на диване повалялась, любуясь открытками с крымскими пейзажами. Я месяц назад в Ялту на отдых собиралась, но подсчитала недавно финансы и поняла, что не устала.

Пора переходить к основной программе: починка крыши. Когда последний дождь был, в кладовке пришлось миску под дыру в крыше ставить.

Производить ремонт удобней было, забравшись во владения соседа справа — прохудившаяся часть крыши прямо в его огород упирается, — но

я постеснялась: у меня с этим соседом по фамилии Анисимов странные отношения сложились. Военный на пенсии, соседом он стал недавно: купил дачку у наследников жившей здесь старушки. Пообщалась с ним пару раз, чаем с пряниками угостила, выяснила, что он, как и я, иногда по ночам у озера сидит, луной в воде любуется, — и вдруг почувствовала к нему женский интерес. Люська, выяснив, что Анисимов вдовый, начала к активности меня подталкивать, но характер не поменяешь, не привыкла я мужчин, как зайцев, в сети ловить, — вот и бегаю теперь от соседа.

Надев шорты и старую рубашку, сложила в сумку материалы и инструменты, прислонила к веранде лестницу и полезла на крышу. Оседлала конек и внимательно осмотрела Анисимовский двор: слава Богу, никого нет! Поползла по скату вниз, нашла щель в шифере — кто-то камнем пробил, а потом непогода углубила, — достала из сумки деревянный чоп, подогнала его ножом по размеру, забила молоточком в дыру и замазала сверху герметиком. Все: ремонт закончен!

В доме у соседа послышался шум: оглянулась и увидела выходящего на крыльцо Анисимова. Представив свой внешний вид, попыталась подняться, чтобы быстрее с соседских глаз исчезнуть — и соскользнула вниз. К счастью, успела за конец ската уцепиться. Повисла, как сосиска, поглядывая вниз и думая, что себе сломаю, когда упаду. Думала недолго: Анисимов успел меня подхватить и на землю поставить.

— Вы что, — спрашивает сердито, — в альпинисты готовитесь? Зачем на крышу полезли?

— Щель заделывала, — объясняю, пытаюсь придать себе приличный вид.

— Понятно, — кивает головой. — На чай зайдете?

— В другой раз: мне огородные дела, пока не стемнело, надо закончить.

— Давно понял, что ваш любимый литературный герой — Золушка, — улыбается.

Проводил меня к воротам и в дом вернулся: что-то ремонтировать. А я на огород поспешила и до ночи там провозилась. И на душе так хорошо было, когда улыбку Анисимова вспоминала.

Пужинав, посмотрела какую-то ерунду по телевизору, и спать завалилась. И снится почему-то покойный муж Юрочка: на Сашкиной свадьбе с ним веселимся. Гости, шампанское, танцы... И вдруг: звонок телефона.

Просыпаюсь, нашариваю в темноте мобильник:

— Алло?

Тишина. Потом ехидный женский голос:

— Спишь?

— Спала, — уточняю. — А что?

— И, наверное, уверена, — хихикает собеседница, — что твой муж сейчас с друзьями отдыхает? Сразу кладбище вспомнилось, на котором Юрочка лежит.

— С друзьями вряд ли, но отдыхает точно, — говорю, пытаюсь понять, не продолжается ли сон.

— Мне наплевать на твои догадки, — высокомерно сообщает незнакомка, — но любовник он превосходный.

— Вот как! — поразилась я. — Ты что, его откопала?

— Можно сказать и так! — засмеялась женщина — и я вдруг поняла, что дама изрядно пьяна. — Превосходный мужской экземпляр!

— Завидую твоей храбрости! — я содрогнулась, представив себя в объятиях скелета. — Страшно не было?

Молчание. Потом неуверенный женский голос:

— А что — он болен? Неужели СПИД?

— Наверняка, — представив царящую в могиле антисанитарию, согласилась я.

— Негодяй! — завопила женщина. — Сейчас спущу его с лестницы: пусть обратно к тебе катиться!

— Только не ко мне! — запротестовала я, но мобильник уже замолчал.

Включив свет, посмотрела на часы: далеко за полночь. Сонное состояние начало проходить и я сообразила, что незнакомка ошиблась номером. Пожалев мужика, которого сейчас спускают с лестницы, задумалась, что делать дальше: по опыту знаю, что заснуть не смогу.

Поплелась на кухню: чай приготовить. Вспомнила, что заварка в прошлый раз закончилась, и к настенному шкафчику направилась: я там запасы храню. Поднявшись на носки — шкафчик Юра высоко прибил, еще тогда с ним ругалась, — начала коробочки перебирать, да так неудачно, что они на пол вывалились. Разозлившись, изо всех сил хлопнула дверцей шкафчика: и успела увидеть, как на меня сверху падает самовар.

Очнулась на полу, на залитых кровью и раздавленных моим телом коробочках. Пощупала распухший нос — на него самоварная крышка спикировала, потрогала шишку на голове, посозерцала лежащую неподалеку тушу самовара, удивилась, что еще жива, и, с трудом поднявшись, потащилась в комнату. Вызвать из города «Скорую помощь» не догадалась, зато представила, как утром находят мой труп и милиция с пристрастием допрашивает Анисимова. Предупреждая милицейскую ошибку, посылаю Люське эсэмеску: «В моей смерти прошу никого не винить: меня ударил Самовар». И внимание не обратила, что «самовар» с большой буквы написала.

Залив рану на голове йодом, легла на диван. Стресс начал проходить; почувствовав себя бодрее, решила смыть с себя кровь. Открыв кран, послушала шипение воздуха — опять воду отключили, — и, захватив полотенце и чистую одежду, пошкандыбала на озеро.

Эсемеску Люська обнаружила, встав по малой нужде в туалет. Прочитав послание из могилы, набрала мой номер. Не получив ответа — откуда ей было знать, что я в это время сижу на берегу озера, а мой мобильник в одиночестве на диване подпрыгивает, — включила свет и объявила общую тревогу. Через полчаса, запихав мужа и гостей в «ГАЗ-24», Люська мчалась ко мне на дачу.

Увидев включенный в доме свет, царивший на кухне разгром и пятна крови, народ убедился, что я убита, а труп Самоваров куда-то унес.

— Милицию надо вызвать — предложила жена гостя Варвара.

— А что мы предъявим? — не согласился Вовка. — Самовар не зря Клавку спрятал: нет трупа — нет дела.

— Надо взять Самовара в плен и допросить, — решила Люська. — Вдруг Клава еще жива.

— Замаскироваться бы, — неуверенно произнес Варькин муж Костя. — Мало ли что потом будет.

— В сундуке — новогодние наряды, — вспомнила Люська. — Переоденемся, вооружимся — и к Самовару.

Выйдя на шум во дворе и наткнувшись на вооруженную вилами и топорами группу фантастических чудовищ в новогодних масках, Самоваров так изумился, что даже не стал уклоняться от Люськиного удара скалкой по голове. Очнувшись в своем доме привязанным к стулу, бывший рэкетир еще больше ошалел от вопроса: «Где труп?» Уверенность в голосе киллеров так подействовала на Самовара, решившего, что его «заказали», что, выторговав себе жизнь, он сознался, что труп закопан в сарае.

Пока Люська и ее команда выкапывала мой труп в рэкетирском сарае, я, восстановив силы звездами и тишиной, плавала голышом в озере и думала про Анисимова. Всегда знала, что мысль материальна, и не удивилась, увидев его на берегу. Подплыв поближе, язвительно сказала:

— Вы что, специально ждали, когда купаться приду? Если решили на мои прелести полюбоваться, то ничего у вас не получится.

— Разве я бы посмел! — восклицает Анисимов и чувствую по тону, что смеется. — Просто я в это время крокодила кормлю.

— Какого крокодила?

— Купил недавно. Молоденький, метра полтора. Пока бассейн для него не построил, в озеро пустил плавать. Вы, пожалуйста, если с ним столкнетесь, его не обижайте.

Ничего себе шуточки: мгновенно на берегу оказалась.

— Отвернитесь, — кричу. — Нечего зенки пялить!

Послушался. Одеваюсь и говорю:

— Насчет крокодила — серьезно?

— Нет, конечно. Повернуться разрешаете?

Вот гад!

— Разрешаю. И станьте так, чтобы удобней было по щекам вам надавать.

— Есть другое предложение, — стал рядом и щеку подставил. — Выходите за меня замуж.

Тут я онемела. Посмотрела на Анисимова в упор, вздохнула и говорю:

— Пошли в дом: там все обсудим.

Тем временем Люськина команда успешно разрыла могилу и с удивлением уставилась на мужской труп недельной давности.

— Это кто? — требовательно спросила Люська.

— Напарник по бизнесу — Костыль, — угодливо сообщил рэкетира, — За долгом приходил.

— Где другой труп, женский? — заорала Люська.

— Больше трупов нет, — занервничал Самовар. — Только этот. Мамой клянусь!

— Послушайте, — заглянула в сарай находившаяся во дворе Варвара. — В доме вашей подруги кто-то ходит.

Оставив привязанного к стулу Самоварова возле разрытой могилы, Люська и ее подельники поспешили в мой дом. Увидев за столом меня и Анисимова, Люська от счастья разрыдалась, — чтобы потом, узнав подробности, смеяться вместе со всеми до колки.

Вызванный по анонимному звонку милицейский наряд перевез Самоварова на постоянное место жительства в тюрьму, так что мои помидоры больше никто не воровал. Зато долго гулял по окрестностям слух о неуловимых мстителях, объявивших войну рэкетирам. И никто не понимал, почему, слушая рассказы о грозных мстителях, я и мой муж Анисимов загадочно улыбаемся.

Алёна РОДИОНОВА-КРЫМСКАЯ

«ЭТО КОСМОС, ДЕТКА!»

Алёнка зашла в свою комнату и, поставив рюкзак у письменного стола, плюхнулась в кресло:

- Каникулы! Наконец-то каникулы - еле слышно сказала девочка и выдохнула, - ура!

- Что ты там бормочешь, дочь? - отозвалась мама из кухни.

- Радуюсь, что наступили зимние каникулы и можно выдохнуть, - улыбаясь сама себе, ответила девочка, - а ещё я радуюсь, что можно спокойно читать целыми днями, не отвлекаясь на уроки.

Алёна вертела в руках список литературы, который ей выдали в школе ещё на летних каникулах; большая часть пунктов была обведена кружочками, что говорило о прочтении книги или рассказа, часть пунктов остались нетронутыми.

В комнату вошла мама и, поцеловав Алёнку в висок, сказала:

- Иди обедать, я напекла твоих любимых блинов с мясом.

Девочка переоделась и вышла из комнаты, прикрыв дверь.

- Все слышали? - отозвалась с полки книга Льва Николаевича Толстого «Война и мир», - Алёнка скоро выберет одну из нас: ей как раз хватит одной книги на зимние каникулы.

- Успокойтесь, любезнейший Лев Николаевич, - спокойно проговорила книга Лермонтова «Избранное», - вас то она точно не выберет: «Войну и мир» читают в классе десятом, а девочка только в восьмом, так что успеете выспаться.

Остальные книги засмеялись. Раздался громкий вздох - двенадцать томов Пушкина «Поэзия и проза» тысяча девятьсот сорок девятого года выпуска зевнули, привлекая к себе внимание.

- О, - сказала книга Булгакова «Мастер и Маргарита», - ветераны проснулись!

Раздался ещё больший смех.

- Не ветераны, а классика русской литературы, - спокойно произнесли книги Пушкина хором.

- Классика то может и классика, но для чтения то вы не годитесь, вас же если раскрыть - вы в песок обратитесь и ветром сдуетесь из комнат, - рассмеялась «Война и мир».

Другие книги снова подхватили радостную шутку и продолжили смеяться.

- Думайте-гадайте, - спокойно произнесла книга Гоголя «Рассказы», - а читать Алёнка будет «Вечера на хуторе близ Диканьки», всё-таки Рождество близится.

- Что вы такое говорите, нет, ну вы только послушайте себя, - с иронией сказала синяя книга Анн и Серж Голон «Анжелика и её любовь», - зимние праздники - это самое время мечтать о любви, предаваться грёзам и читать девочка будет именно рассказы об «Анжелике».

- Какая «Анжелика», - возразила «Анна Каренина», - Алёна ещё меня не открывала, станет она читать «инострannую любовь».

- С ума сошли вы то ли, господа, девочке всего-то четырнадцать лет, какая «Каренина», какая «Анжелика»? - возмутились шесть томов Грина, - «Ассоль» - вот, что ей подойдёт!

Раздался гомон со всех полок - каждый пытался друг другу доказать свою правду.

В комнату вошла девочка. Книги успокоились. Алёнка открыла крышку пианино, поставила слева чашку с чаем и начала что-то искать, среди лежащих на пианино сборников с нотами. Книги искоса посмотрели на нотные сборники, те в свою очередь захихикали ехидно, как бы подшучивая над книгами на полке. Остановив свой выбор на Бетховене «К Элизе», девочка села за пианино. За окном пошёл снег. Комната налилась каким-то теплом и зимним уютom, всё замерло, слушая музыку, всё наслаждалось. В соседней комнате раздался звонок телефона:

- Алёнка, тебя! - крикнула мама, и девочка вышла из комнаты.

- Как жаль, что в этой прекрасной семье только один ребёнок и тот не мальчик, - заговорили «Сердца трех» Джека Лондона, - девчонки не читают таких, как мы.

- И таких, как мы, - застонали Стругацкие с нижней полки, - им видишь ли всё про любовь давай.

- Всё это, конечно, забавно и смешно, но читать девочка будет именно нас, - с гордостью произнесли тома англо-русских и русско-английских словарей - у Алёны четверка по английскому языку - она будет подтягивать предмет.

В этот момент с полки упала энциклопедия «Грибы Крыма». Все снова рассмеялись, даже ноты на пюпитре зашелестели своими пожелтевшими страницами.

- В чём дело, - выглянула с верхней полки «Каренина», - покончила собой?

- Милочка, вы о чём-то другом можете думать? - возмутилась «Ассоль».

- Та нет, грибами отравилась, - на полном серьёзе произнесла «Поднятая целина» Шолохова, - поганками!

Все громко рассмеялись.

Девочка вернулась в комнату, в руках у неё была лейка для цветов. Встав на небольшую табуретку, она полила цветок, стоявший на самой верхней полке книжного стеллажа. Снова раздался телефонный звонок:

- Дочь, опять тебя!

Девочка наспех спустилась с табурета, поставила упавшие «Грибы» на место и удалилась.

- Что это, вода? - завопил томик Фета, - кто плачет?

- Никак «Алые паруса» из берегов вышли, - еле сдерживаясь от смеха, крикнул Жюль Верн.

- А что сразу Грин? - недовольно возмутилась книга, - может, это твои «Дети» снова в активном поиске, вот и разлилось море, точнее океан.

- Смотрите, смотрите, Есенин плачет, - вскрикнули старые книги Пушкина, - это он нас топит.

Портрет Сергея Есенина, по которому катилась вода, взглянул на тома Пушкина и совершенно серьёзно произнёс:

- Попрошу не указывать, когда мне лить слёзы!

- Да, это Алёнка цветок перелила, вот и течёт вода сверху, - сказал кто-то из дальнего угла полки, но всем было так смешно, что уже было не важно, чья это была реплика.

- Потоп-потоп, - запищали писклявым голосом миниатюрные книги из Алёнкиной коллекции, которая располагалась на одной полке с обычными книгами.

- О, пробники очнулись, - произнесла деловито огромная книга Шолохова «Тихий Дон». Книга была настолько велика, что не вмещалась на полку с обычными книгами и потому лежала на самом верху в стопке с «Эгейским искусством», «Государственным русским музеем» и «Дон Кихотом».

- Так, может, это ты и заливаешь нас, «Тихий Дон», а на цветок всё свалил? - засмеялся Жюль Верн.

- Да ну вас, мелюзга, с вами только зацепись, - отмахнулся «Тихий Дон».

С полки снова упали «Грибы»:

- Кто покончил собой? - опять крикнула «Каренина».

Книги снова рассмеялись. На этот раз так громко, что в «Войне и мир» застреляли пушки.

- А почему молчит Конан Дойль, - вдруг спросил кто-то, - ему умному снова нечего нам глупым сказать?

- Нет, он же стоит на одной полке с Агатой Кристи – роман, наверное, совместный пишут, - высказали своё шуточное предположение «Братья Карамазовы», - хорошо, что Чейза отставили на другую полку, а то был бы уже кровавый любовный треугольник.

Книги захихикали.

- А, может, он снова анализирует и составляет портрет Алёнки - прикидывает, способна ли она на такой преступный поступок, как чтение книги «Анжелика» перед книгой «Каренина» и какова вероятность того, что...

- Вот только теорию вероятности трогать не нужно, уважаемые поэты и прозаики, - высокомерно произнесла книга «Форсированного курса математики», - вы в этом ничегошеньки не понимаете!

- Молчи уже, учёный в юбке, - запротестовал Гоголь, - а то напущу на тебя чертей и ведьм - вовек окружностями не очертишься.

Снова раздался громкий смех, да такой силы, что дед Щукарь в «Поднятой целине» свалился с лошади.

- Очень смешно, - возразила «Математика», - я, к примеру, слышала, что Алёнке на Новый год родители собираются подарить электронную книгу, посмотрю, как вы будете хихикать, когда она все книги в одном маленьком планшете будет читать!

- Ну, ты не сильно-то ехидничай, «Прямоугольник с цифрами», - спокойно сказали тома «Пушкина», - Алёнка ведь и тебя будет читать через электронную книгу.

Снова повеселело на полке.

- Тихо, слышите? - успокоила всех «Война и мир», - что это за шум?

- Может, это твой Болконский дуб решил срубить на старости лет, - выкрикнули «Братья Карамазовы», - топор точит?

- Ой, ну опять за свой топор взялись, демоны проклятые, - запричитала Алёна Ивановна из Достоевского, - опять на бедную бабушку кидаетесь, ироды прозаические, ни стыда, ни совести...

Смех раздался с новой силой.

- А ведь и правда что-то скребётся, - настороженно прошептала «Каренина».

- Может, это Монте Кристо подкоп ложкой роет? - предположил Достоевский, выглядывая из очереди книг, - у меня Раскольников, кажись, не окапывался.

Книги снова рассмеялись.

- Это «Три мушкетёра» за Д'Артаньяном гоняются, спорят, кому же он достанется в итоге!

- Нет, это Алёнкин кот почуял Бегемота и рвёт обшивку Булгакова, - пошутил Гоголь, высовывая свой «Нос».

Веселье разлилось не на шутку на книжной полке.

- Самая лучшая книга для зимних праздников – это моё «Вино из одуванчиков», - сказал Брэдбери.

- Ой, не смешите мои страницы, какое «Вино», у тебя же там даже рецепта нет, чтобы его приготовить, - воскликнула с самой нижней полки книга «Русских сказок», - то ли дело у меня – «Каша из топора» - на все случаи жизни – никогда не будешь голодным ходить!

Книги разошлись не на шутку, и успокаиваться, кажется, не собирались.

Алёна вернулась в свою комнату. Снова увидев на полу книгу “Грибы”, пожалала плечами и опять поставила её на прежнее место. Допила остывший чай, закрыла пианино и подошла к книжной полке. Её глаза определённо искали какую-то книгу, не выбирали что почитать, а искали что-то конкретное. Все книги замерли в ожидании выбора девочки. Алёна отошла от стеллажа на небольшое расстояние, ещё раз осмотрела внимательно все полки и присела на корточки к самой нижней:

- Вот ты где, - воскликнула девочка и достала с полки совершенно новую, ещё пахнущую типографской краской, небесно-голубого цвета книгу. Усевшись удобно в кресло у зимнего окна, Алёна открыла шторы так, чтобы был виден падающий снег. Девочка сделала глубокий вдох, словно растягивая удовольствие, и раскрыла книгу.

- Ну, что - поехали! - сказала, улыбаясь, Алёнка, и погрузилась в космический мир дневника одной очень отважной девушки по имени Юля...

Роман КРУЧИНИН*МОЯ УСАДЬБА — ВСЯ РОССИЯ...*

Кого строка его коснётся -
ей - Богу, млад, ни в коем - стар,
неверящий, что Пушкин - солнце,
открой стихи свои - загар!..

Я жить без неё не могу, не скрою,
а кто-то ж может... А вы?
Поэзия – это как донор крови,
но только донор любви!

О, полки - полки, книжки - книжки,
а сколько строк ведут во тьму,
а дух, а дух всё ниже, ниже!..
Но томик Пушкина возьму.

Какая вьюга там, за дверью,
а между вьюг - в дыму, чаду...
Но если я в Россию верю,
ещё и Тютчева прочту.

Не то чтоб вдруг эпоха лета,
не то чтоб высью мир храним,
но я к двоим прибавлю Фета,
потом Есенина к троим.

Потом - Рубцов, Рачков и Юшин,
всё шире круг добра, не уже,
прочтённых, может быть, не хуже
моя наивная тетрадь...
открыл и дописал: «...отвьюжит,
и да пребудет благодать!..»

Толстого, Тютчева усадьба,
ах, Овстуг рядом, Красный Рог,
ах, написать бы, написать бы
хоть парочку бессмертных строк!..

А если всё - таки осилю,
по карте не ищи, мой друг,
моя усадьба - вся Россия,
и все так зелено вокруг!..

памяти поэта Ольги Фокиной

Ветерок осенний, кроны брей,
но зачем в окно стучать упрямо?
Позади десятки сентябрей,
октябрей охальных с ноябрями...

Горестно, а все же благодать,
в памяти людской не умирая,
с клином журавлиным улетать
с севера и вновь на север - рая!..

1

Я не знал, что бывает такая
тишина, только я не таков -
до утра душу в небо макаю,
чтоб добыть свет далеких стихов.

2

...Ничего, ниочемно и нервно,
ночь ни к черту и, собственно, сам...
но так радуюсь лучикам первым,
словно лично рассвет написал!

Я пишу - и знаю, что напрасно, -
что от рваных ран бы помогло:
судьбы у поэтов - нитью красной,
ну а слово русское - иглой.

(Размещаю в скобках скороспелость,
алкоголь, забвенье, тяжесть плит...
Что пером души не доскрипелось,
дверкою оградка доскрипит.)

Может статья, либо недо, либо пере,
но стихи - они и в Африке стихи.
Для поэта, словно номер в «Англетере»,
мир, в котором так к поэзии глухи...

Явилась Муза - приголубь,
а нет - ну, что ж, в метель ори.
Сверкнуть бы строчкой да чтоб вглубь,
как в Чебаркуль метеорит...

Горит, врачуя мрак рубцов,
звезда по имени Рубцов.

Горит родная для души
звезда по имени Шукшин.

Вон – Воротнин и Чепурных,
свет мыслей, чувств идет от них.

А вот не названа пока,
моя ли, нет ли, - облака...

Чем старше лес – тем больше тропок,
а я – где мог – загородил,
не то что жаден и так робок,
не то что барин здесь один.

Нет, вот Шукшин, Распутин бродят,
Рубцов с Есениным, а я
чем дальше с ними – чище вроде,
светлее нелесного дня.

Дожди? – уже отморосили,
в корзинке? – редок грусти груздь, –
чем больше пришлого в России,
тем пуще охраняю Русь.

Но кто-то застрелил оленя,
а самовар кто уволок?
ну вот, ну вот, уже жалею,
что я раскрыл сей уголок...

Что ни утро – вновь встаю не с той,
пробовал и «с той не раз, а много...
уверяюсь ныне на все сто,
что рождён с двумя, но одноногим.

В голубых глазах моих есть толк? –
только на толику с тем согласен...
я уверен больше, чем на сто,
что рождён с двумя, но одноглазым.

Всё, все карты выложил на стол:
есть тузы да выглядят убого, –
больше, чем уверенность на сто –
то, что одноухий – рукий – бокий...

Ах, в бильярде мыслей всё не то! –
недовольство шаром, лузой, кием...
может, я и прав, пусть не на сто:
творческие люди все такие.

Не седовласый, не сопливо - юный
творю и свет, и грусть, и ноту лю...
рубцовские стихи не переплуну,
но смерть его от бабы повторю.

У жизни аппетит здорово - розов,
сожмёт - сожрёт, до фени рыбий жир...
Ещё одни крещенские морозы
не кое-как, а с треском пережил.

С. Баранцевой

Поэзия в цветастом платье
идёт по сердцу, по уму,
и за проход она не платит
ни тем, ни этим - никому.

Она спешит на «помогите»
и в Брянск, и в Нижний, и в Нью-Йорк...
так будем верить - сволочь - критик
не изнасилует её.

А я стихи топить несу, -
камням из бездны иловой
не вынырнуть, и на носу -
казнить, нельзя помиловать.

Э, что-то мне не по душе
соль - суета поминная
и на повестке дня уже:
казнить нельзя, помиловать.

Но чёрта с два! - то тут, то там
бдит запятая миною, -
и вновь иду, и снова встал...
казнить нельзя помиловать.

Не Россию ль отпевают
бабки-вьюги? - в поле вой...
где та точка полевая,
что хранит от болевой?

Время-батюшка, не нужно,
время-батюшка, окстись! -
щёки розовы от стужи,
хоть какая - всё же жись...

Средь зимы мираж весенний? -
среди праха праотцов
точкой божий раб Есенин,
точкой божий раб Рубцов...

Им заупокой? до дна ли?
но:
- За здоровье налей!..
Гой ты, Русь, моя родная!
и:
- Горит звезда полей!

Не в мыле дело - в невезеньи, -
веревку занял брат Есенин.

А раз не вышло по - таковски,
где пистолет, брат Маяковский?

Желание совсем «убило» -
волну присвоил брат Вампилов.

О, сколько мне ползти до края,
своею смертью умирая?..

О, проза жизни горевая,
все топчешь рифмы, тянешь в нудь...
А я все охореиваю,
а я могу и ямбануть.

Владимир ЗЮСЬКИН

СДЕЛКА

В сером небе над его головой кружила черная птица. Она опускалась с каждым кругом всё ниже. И вдруг села ему на голову. Он ощутил её острые когти, а затем и удар клювом в темя.

Андрей Петрович открыл глаза. Птицы на голове не было. Но он не понял, где находится. Лежит на полу, на ковре, в комнате с оборванными обоями и разбросанными вещами, скученной мебелью. Из репродуктора льётся музыка. Это что, был сон во сне? Он ущипнул себя, чтобы окончательно проснуться, но интерьер остался тем же.

Значит не сон... Он начал вспоминать последние события. С риэлтором, молодым, улыбчивым парнем, заключил договор, согласно которому отдавал свою двухкомнатную квартиру агентству недвижимости, а взамен получал однокомнатную и пятьсот тысяч рублей.

Последнее, что он помнил: сидели в его квартире с риэлтором, который достал из портфеля расписку, составленную от его, Андрея Петровича имени, ключи и пачку пятитысячных.

- Распишитесь в получении.

Андрей Петрович пересчитал деньги, положил их в тумбочку, где хранился договор и поставил свою подпись. Риэлтор тут же спрятал расписку во внутренний карман. Всё, также улыбаясь, он извлёк из портфеля бутылку коньяка.

- Надо обмыть.

Андрей Петрович вспомнил, что хотел отказаться:

- Да я пообещал сегодня навестить внука...

- С одной рюмки ничего не будет. Покупку не отметить – не проживётся на новой квартире, – сказал риэлтор. Улыбка не сходила с его лица.

Не успел он наполнить рюмки, как зазвонил его мобильный телефон. Парень сделал жест рукой, призывающий партнёра выпить, а сам сказал в трубку; «Всё в порядке... Можно...».

Это всё, что Андрей Петрович помнил. Он лежал на ковре, на спине и ощущал, как бьётся сердце. Музыка сменили стихи:

Буфет театральный. Артисты в антракте

Жуют бутерброды и пьют лимонад.
Звучат каламбуры. Иронии чад.
Кокетливый жест: «Ах, довольно! Оставьте!»

В речах ощущается мед, а не яд.
Похоже, что Гамлет забыл об утрате.
Манжета отпала и шпага некстати –
В буфете, где так дружелюбно сидят.

– Лаэрт, угостите сестру бутербродом!
– Всплывайте, пока бутерброд не запродаан.
К Офелии плавно плывет бутерброд.

– Милейшая тень, если будет нетрудно...
И Клавдию призрак стакан подает.
А руку могильщика гладит Гертруда.

Дослушав стихотворение до конца, Андрей Петрович с трудом поднялся с пола и подошёл к тумбочке, на которой лежал какой-то узел. Договор был на месте, а вот пачки денег не было. Вместо неё лежали две однотысячные купюры. Он обшарил всю тумбочку. Безрезультатно. Да и жильё совсем не то, которое предложил ему риэлтор. Та однокомнатная была после ремонта с большой кухней. А здесь где кухня? Он подошёл к обшарканной двери, открыл её и увидел унитаз с надколотым бачком.

Больше дверей в комнате не было. Андрей Петрович начал внимательно читать договор. Вот и адрес приобретённого жилья: Тимирязева, 29, кв. 15. Но он вспомнил, что адрес был несколько другой: Тимирязева, 2, кв. 15. Откуда взялась цифра 9?

Андрей Петрович ощутил боль в груди. Он начал искать таблетки от сердца. Они до переезда лежали в той же тумбочке. Но сейчас их там не было. Когда боль поутихла, он подошёл к входной двери. Она закрыта. В растерянности остановился, оглядывая комнату. Взгляд упал на ключ, лежащий на уголке тумбочки. Он подошёл к замку...

Андрей Петрович вышел в длинный коридор, по обе стороны которого были двери. Постучался в ближайшую. Её открыл небритый мужчина лет пятидесяти в майке и трусах.

– Простите. Я ваш новый сосед...
– Входи сосед. Чо на пороге-то стоять? Видал я как твои шмутки заносили. Только не видал, когда ты проскочил... Обмыть бы надо переезд.

Андрей Петрович прошёл в комнату, где из мебели был старый облезлый шкаф, продавленный диван, квадратный стол и два стула. Садясь на стул, спросил;

– А вы видели, как ковёр заносили?

– Видел. Рулон два человека несли.

– Вот-вот. В нём я и был.

– Да ты что! Зачем туда влез?

– А какой номер этого дома? – вопросом на вопрос отреагировал Андрей Петрович.

– А ты, чо, не знаешь куда въехал! Ну, ты даешь! Тимирязева, 29. Тебя как звать-то?

– Я Андрей Петрович. А как ваше имя?

– Кузьмич я. И тебя чо, бухого в дупель перевозили?

– Да нет. Тут другое... – Андрей Петрович рассказал свою историю с начала до конца.

Кузьмич покачал головой:

– Поллимона говоришь? Ну, и сука же этот релтор!

– Риэлтор, – поправил Андрей Петрович.

– Какая разница! Сука в ботах!.. Ты это... выпить надо... Полегчает хоть маленько. Я – на нуле. Пенсия завтра...

Андрей Петрович приложил руку к груди и скривился:

Сейчас. Обождите... Не могу найти таблетки.

– Сердце что ли? Врач говорил, что алкоголь расширяет сосуды. Надо принять, Петрович! Давай я сбегаяю. А завтра – моя очередь.

Вскоре соседи поднимали мутноватые стаканы. Выпили залпом. Андрей Петрович почувствовал, как тепло растеклось по венам. Водка растворила горечь постигшей его беды. Он закусывал сырком и вспоминал строки услышанного по радио стихотворения.

– Давай ещё по чуть-чуть, – сказал Кузьмич, разливая водку. – Я сёдни подметал возле дома (я тут дворником работаю) и этот засранец, соседский сынок, у меня на глазах кинул обёртку от конфеты на тротуар. И это ведь не в первый раз! Ты вот чо, Петрович. Покажи мне этого релтора. Я его урою. За тебя!

Но его негаданный собутыльник, выпив, мысленно унёсся далеко. Ему пришло в голову, что может и все люди, умирая, как актёры, оставляют свои роли – кем они были — на Земле. И всё уже не важно: квартиры, деньги. На том свете всё земное не нужно. И нет уже смысла обижаться, враждовать.

– Я вот думаю, если есть Бог и Тот свет, мы, возвращаясь туда, выходим из земных ролей, как это делают актёры, после спектакля...

– Ты чо, артист чо ли?

– Мы все артисты в театре Господа Бога. Вот вы дворник сейчас, а умрёте – сойдёте, так сказать со сцены, Бог даст вам в следующем воплощении другую роль – будете, скажем, инженером.

– Кто, я?

– Ну, это я к слову. Главное, что по жизни будете другим человеком... Может, нет никакого ада, никакого рая. Человек уходит с земли на время, а потом возвращается в другом воплощении – в том, которое заработал. И так до тех пор, пока не научится жить, не делая зла.

Кузьмич слушал, хрупая луком и не сводя глаз со своего внезапного соседа:

– Это кто я буду?

– Зависит от того, как вы жили.

– Как все. Но не сорил, как этот... У них вся семейка такая. Пса выводят гулять. Тот на...ёт где попало. А я убирай!

– Нет, вы представьте себе. Встретимся мы на том свете с этим риэлтором. А роли-то уже сыграли: я – жертву, он – злодея. И нет у меня обиды и у него угрызения совести. Ведь это роли нам такие достались! – Андрея Петровича несла догадка на волне опьянения. Ему хотелось говорить. Хотелось всем всё простить.

– Этот риэлтор, Андрей... Может, у него так жизнь сложилась. Может, не мог он иначе. Ведь молодой, симпатичный парень...

– Знаем мы этих симпатичных, молодых! Урна рядом, а он бумагу на тротуар бросает...Ты давай, Петрович. Выпей. Я разлил. Выдыхается! Это последняя. Может, ещё на одну дашь? У меня пенсия завтра.

–Я же для внука хотел. Внук у меня. Пять лет ему. Ну, такой резвый парень. Не усидит на месте и минуту, – Андрея Петровича понесло. Он и не слышал последних фраз собутыльника.

– Я говорю ей, невестке моей, переезжайте с сыном ко мне. У меня же двухкомнатная. Места хватит. А твою однокомнатную сдашь. Полегче будет. Она – ни в какую. Обиделась на сына моего, что бросил. И на меня глядит не по-доброму. А я-то причём? Я что ли их развёл? Ну, я и согласился переехать в однокомнатную. Чтобы деньги – Кольке. Это ему сейчас пять лет. Не успеешь оглянуться, как в институт поступать надо будет. А сейчас без денег куда?

– Так это конешно. А то вырастет вот такой обалдуй, как соседский сынок и будет сорить, где попало... Так я сбегаяю, Петрович? А завтра у меня пенсия.

Андрей Петрович глянул на собеседника отсутствующим взглядом.

–Я квартиру получил от завода. Ждали с женой 9 лет. А теперь вот нет жены, умерла. Куда мне одному-то? Вот я и решил... Нет, вы только

представьте себе, что Там ничего не надо. Отыграл свою роль и свободен. Из-за чего копыя-то ломать? Дадут другую.

– Вот я и говорю: другую бы купить. Эта-то уже пустая, – Кузьмич поднял бутылку и покрутил её. – Не журись, Петрович. Я не релтор. Как пенсию получу, так сразу...

Вы хотите ещё выпить? – услышал, наконец, Андрей Петрович. Он полез в карман и достал оставшиеся деньги. Отделил три сотни, протянул Кузьмичу, – Вы купите и выпейте, а я не могу. Обещал внуку сегодня повидаться с ним... Пойду я.

Дверь открыла невестка, полноватая женщина со строгим взглядом серых глаз. Из-за спины её выглядывал белокурый мальчуган. Увидев Андрея Петровича, он с криком «деда!» бросился к нему и, подхваченный дедушкой, повис на его груди. Растроганный дед чмокнул внука в щёчку. Невестка тотчас отняла сына со словами:

– Не надо обнимать деда. Он пришёл с улицы. И, приняхавшись, возмущённо продолжила – Да вы пьяны! И целуете ребёнка!

– Дак я... – смущенно заикнулся Андрей Петрович.

– Как вам не стыдно! Ещё и пришли...

– Так я не много совсем...

– Уходите! – оттолкнув за порог незваного гостя, невестка захлопнула дверь перед ним.

Андрей Петрович постоял с минуту в нерешительности. Поднял было руку к звонку, но, тут же обреченно опустил и, сгорбившись, пошёл к выходу из подъезда.

Он медленно шёл по улице, держась за сердце. И беспомощно опустил на ближайшую скамью.

– Ловко ты обул своего тёзку.

– Простачок попался. Грех было не обусть.

Два молодых человека разговаривали в легковом автомобиле, который замер на перекрёстке перед светофором, зажгшимся красным светом. За рулём сидел улыбчивый парень.

– Куда закатаешься, Андрей, на этот раз? – продолжил сидящий рядом, погладив свою коротко подстриженную русую бородку.

– Хочу на Мальдивы податься. Я там ещё не был.

– С кем?

– Анжелику возьму.

– Не наскучила ещё?

– Э-э, ты бы видел, что она в постели вытворяет. Циркачка!

Зажёгся зелёный свет. Машина медленно двинулась. Но парень за рулём смотрел не вперёд, а в бок, на тротуар, где на скамейке лежал, скорчившись, пожилой человек.

– Ты погляди, он уже здесь!

– Кто?

– Да этот, бывший хозяин двухкомнатной. Пьяный что ли? А может сердчишко прихватило? Помнится, он жаловался... Надо позвонить в Скорую.

– Зачем тебе это? Загнётся – меньше риску.

– Да нет никакого риска. Расписка с его подписью у меня. И вообще, чуть чего мне это зачтётся. Позвоню. Мы же не звери.

Улыбчивый набрал номер Скорой помощи.

Никита НИКОЛАЕНКО

ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ СТАРОГО МАТРОСА

Повесть

Подчас, происходят события, заставляющие по-новому, как бы со стороны, взглянуть на повседневные заботы, на себя, кстати, да и на свое место в обществе. События — вот, только, бывают радостные, а бывают, увы, и печальные. Впрочем, жизнь, как известно, и не проходит гладко. Так что, ничего удивительного.

За последнее время часто слышал упреки в том, что, дескать, увлекаюсь описанием быта. Ничего особенного, мол, с Вашими героями не происходит. В таких случаях, приходит на ум повесть Солженицына “Один день Ивана Денисовича”. Там, тоже ничего особенного не происходит. Подумаешь – подъем, поверка, работа, вечерняя поверка да отбой. Ни тебе, стрельбы, ни побега, ни мордобития, даже. Ничего особенного! Но, за внешней обыденностью кроится глубокая драма! Да, там был лагерь, но и мы, тоже не на курорте живем! Впрочем, ничего нового. Все уже было, все повторяется!

Но, в тот раз, о котором пойдет речь, события, развивались очень уж, стремительно, и на осмысливание их оставалось совсем немного времени. На смену одному знаковому событию, без задержки приходило другое, и они сливались в пестрый калейдоскоп. Изредка, когда время на осмысливание все же находилось, то неподдельный интерес вызывало поведение окружающих людей, их поступки, реакция. Нет, это был, конечно, не праздный интерес, вовсе нет! Просто, попав в тяжелое положение, я поневоле начал обращать внимание на помехи, мешающие делу, или, напротив, на благоприятные факторы, и соответственно, на людей, которые их создавали. И, если до этого, мне казалось что-то непонятным, то тяжелая болезнь отца быстро расставила все по своим местам.

Сразу стало заметно, как в той, непростой ситуации, кто-то стремился помочь старику, кого-то страдания Деда оставили равнодушным, а нашлись и такие, кто повел себя как последняя проститутка. Впрочем, ничто не ново под луной! Недаром сказано в

Писании – “по делам их узнаете их”. Не мешало бы еще и отметить это, чтобы воздать каждому по заслугам, когда придет время. И, очень на то похоже, что дело идет к этому. Ну, да ладно! Каждому овощу свое время! Итак, к повествованию!

Мы с отцом, вдвоем, относительно спокойно проживали в отдельной московской квартире. Брат ушел из дома, после кончины матери, больше двадцати лет назад, особо ни в чем не нуждался и напоминал о себе, лишь от случая к случаю.

Наша жизнь текла спокойно и размеренно, и казалось, что все крупные потрясения остались позади, и что можно наконец-то расслабиться. Я много и в охотку работал, занимался творчеством и семьей – жена с дочкой жили неподалеку, рядом, можно сказать. Работа над текстами и непрерывная переписка с многочисленными редакторами занимала все свободное время. Старик выходил на улицу уже изредка, и двигался с трудом, опираясь на палку. После того, как он упал, пару раз, на улице, и сломал себе руку, я уже и не думал отпускать его одного в город.

Дома отец, понемногу копался в своих бумагах и, хотя на работу ему ходить стало уже тяжело, он продолжал числиться в Академии Образования, появляясь там, от случая к случаю, когда находилось время для того, чтобы свозить его туда на машине. Делал я это без всякой охоты, поскольку, терял много времени, дожидаясь старика.

Одно утешало – я прохаживался по территории расположенного неподалеку Новодевичьего монастыря, да заодно, и познакомился с некоторыми сотрудниками на работе у Деда. Дед, конечно, ворчал, но довольствовался тем, что было. Казалось, что впереди еще достаточно таких спокойных лет, но беда, как известно, приходит неожиданно. Однажды, с утра пораньше, стоя перед зеркалом, старик пожаловался на появившуюся недавно опухоль на левом плече. Надо заметить, что не часто он жаловался на свои болячки, и тем более, обращался за помощью. Это насторожило. Посмотрев, внимательно, на его плечо, я насторожился еще больше. Нехорошая такая показалась опухоль, неестественная, что ли, выпуклость на ровном месте. Придется ехать к врачу! – вздохнув, объявил я Деду.

Подобные решения давно уже пришлось взять на себя. И, на работу возил старика, и в академическую поликлинику, когда возникала такая необходимость. Как раз тогда и стало понятно, что такая необходимость возникла. Опять день потерян! Страшно ругаясь про себя, я, в большой тоске отправился на стоянку за машиной. Себя было очень жалко. Как будто, возить Деда мне приходилось каждый день, а не раз в месяц. Не пришло еще понимание того, что время теперь коротко. Тогда же, взяв со стоянки машину, я подогнал ее к дому и, подстраховывая отца, помог ему

выйти на улицу. При дневном свете бросился в глаза внешний вид старика – он сильно сдал. На лоне природы лицо его выглядело бледным и усталым. Сдаёт отец! – вздохнул я, оценив ситуацию. Стареет! Нехорошо!

В поликлинике, при виде людей в белых халатах, я немного успокоился. Старика там хорошо знали, да и ко всем пациентам относились бережно и внимательно. Ведомственная поликлиника была, все же! В кабинет к онкологу очереди не было и, продержав в коридоре, для порядка, пару минут, нас принял молодой парень. Вид он имел сомнительный, производил впечатление не выпавшегося, помятого молодого человека, и от того, наверное, несколько смущался. Под правой бровью у него виднелось небольшое рассечение – хорошо знакомая мне травма от удара.

Не иначе, как с девочками кутил всю ночь напролет! – первое, что пришло в голову. Боксом занимаетесь? – поинтересовался я, с иронией. Да нет, ударился просто! – молодой человек явно засмущался. Это бывает! – посочувствовал я ему. Приступим к осмотру! – насупился он, и повернулся к Деду. Может быть, он и был шалопай, но врач он оказался неплохой. Немедленно везите своего деда в онкологический центр на Каширское шоссе! – сразу объявил он, едва осмотрев старика. Злокачественная опухоль? – проявил я некоторые познания. Похоже, что так, но нужно сделать пункцию. – Пункцию? Малопонятное слово неприятно резануло слух. Да! – подтвердил он. У нас ее, правда, тоже делают, но это ненадежно и, говоря откровенно, пустая трата времени. Если хотите, я дам телефон своего знакомого, и вас примут без очереди. И, стоить будет недорого! Нет, надо сделать пункцию здесь, на месте! – ответил я ему. Это была ошибка. Зря я надеялся на академическую поликлинику. Их возможности стали уже давно не те! Отстал немного, он жизни.

Вот, парень, он был в курсе событий, что и немудрено. Выглядел он значительно моложе. Потеряв, даром, немало времени и, свозив старика несколько раз на болезненную процедуру, я получил ответ, о котором и предупреждал молодой доктор. Ничего не понятно – везите своего отца в один из специализированных центров! Напоследок, посмотрев вдоль коридора, я увидел стариков в потертых костюмах, наверное, докторов наук, скромно сидящих на скамейках и терпеливо ждущих своей очереди.

Слава академической поликлиники поблекла так же, как их пиджаки и как слава самой Академии. Проходит образ мира сего! – настроился я на философский лад. Что же – вперед, в один из лучших центров! Пора спасти старика, похоже, что шутки – в сторону! Онкологический центр на Каширском шоссе поразил своими размерами. Огромное высотное здание с множеством пристроек тут же заставило задуматься о количестве врачей, которые там работали. Припарковавшись с большим трудом, поскольку

все обочины оказались заставлены машинами, я аккуратно повел старика к главному входу. Должны здесь помочь Деду, должны! – уверял я себя. Если здесь не помогут – обращаться больше будет некуда. Не везти же его, в самом деле, в Германию! Дороги не выдержит, просто! Сюда-то, с трудом добрались! При входе, сомнительного вида кавказские мужчины, с большим чемоданом, шепотом, предлагали чудодейственное снадобье от всех болезней.

Почему их не гонят отсюда? – равнодушно отметил я про себя, не вступая в беседу. Внутри было столпотворение. Сразу стало понятно, что люди приехали со всех уголков бывшего Союза. Некоторые посетители даже держали в руках дорожные сумки. Бросились в глаза крупные надписи на плакатах, висящих на стенах. “Мы помогли тысячам людей – поможем и Вам!” – гласили они. Это обнадеживало. Должны помочь!

Найдя нужный кабинет на втором этаже, я громко объявил большой очереди – ветеран войны, и, не вступая в долгие разговоры, подтолкнул старика к двери. Нас приняла пожилая, и явно, очень опытная женщина, врач, Зинаида Ильинична. Такая же солидная медсестра сидела рядом. Начался осмотр. Надо помочь ветерану, Зинаида Ильинична! – с нажимом, повторил я несколько раз. На Вас теперь, вся надежда! Дед охотно демонстрировал свое плечо – лечиться он любил, по-настоящему. Оно и понятно. Как говорилось в одном хорошем фильме – “никто не хотел умирать”. Сделаем все, что в наших силах! – обнадежила Зинаида Ильинична.

Дальше? Дальше последовал длительный период довольно тщательного обследования. Сопровождаемый мною старик, бодро стуча своей палкой, перемещался по бесконечным коридорам огромного центра, от одного кабинета к другому. Ультразвук, рентген – несмотря на предварительную запись, везде были огромные очереди. Люди разных возрастов и социальных положений, с надеждой смотрели на проходящих мимо людей в белых халатах.

В душном воздухе витало напряжение, боль и очень слабая надежда. Ветерану войны, положено без очереди! – обычно, с нажимом объявлял я в коридоре и, к большому неудовольствию граждан, подталкивал старика на порог кабинета. Не всегда удавалось зайти с первого раза. И, хотя вел я себя скромно и вежливо, но, несмотря на это, разок, таки, на этаж, где проходило обследование, прибежала запыхавшаяся Зинаида, Ильинична, видимо, вызванная коллегами, и давай меня шерстить и укорять при всем честном народе! Дескать, порядок нарушаю! А я, всего-то, старика проводил, как и положено ему, без очереди! Так-то, вот! Не представляю, как бы он справился без посторонней помощи. Вернее говоря, никак бы не справился.

Как-то раз, дожидаясь отца, я прохаживался перед рентгеновским кабинетом. На время процедуры меня выставили из кабинета. В это время, по коридору, полная медсестра, с озабоченным видом, довольно быстро прокатила большую железную кровать на колесиках. На кровати, без признаков жизни, покоилась симпатичная девушка. Голова ее беспомощно лежала на подушке, но лицо не было закрыто – значит, жива! Я вздрогнул. Черт побери! Ей бы, со мной сейчас обниматься, а она, судя по всему, находится в объятиях смерти! Может быть, выкарабкается еще? Бог ведает! Простой пример напомнил о том, насколько безжалостна коварная болезнь – не щадит, ни старых, ни молодых! Как там мой Дед? – забеспокоился я, возобновив ходьбу по коридору. Надолго ли, хватит у него сил бороться с болезнью?

Результаты анализов оказались неутешительными. Впрочем, другого ответа и не ожидалось. Да, это наш пациент – онкология! – подтвердила Зинаида Ильинична, ознакомившись с результатами обследования. – Что именно? – Похоже, что саркома мягких тканей. Общались мы, не принимая в расчет старика. Дед стал совсем плохо слышать, и если к нему не обращались, громко говоря на ухо, он не понимал разговора. Переводчиком ему служил я, когда он хотел уточнить что-то.

Онкология! Какое страшное слово! Дед ведь, болел и раньше, но все-таки дожил до седых волос. Может быть, справится и на этот раз? Но, опухоль увеличивалась на глазах, и стало понятно, что просто так с ней не справиться. Дед мужественно встретил известие о своей болезни – не ныл, не хныкал, не пытался спрятаться за иллюзиями и утешиться пустыми соболезнованиями, не искал спасения в рюмке. Ничего, Дед, держись! – как мог, подбадривал я старика. Современные методы позволяют лечить и такие тяжелые заболевания! Приводил наглядный пример. Солженицын, вон, дожил до девяноста лет, а говорят, рак желудка был у него, и ничего, справился! Где-то я действительно прочитал об этом.

Говоря с отцом, я обратил внимание на то, что и не думал скрывать от него диагноз. Старый матрос прожил долгую трудную жизнь, и закалку получил соответствующую. На каком лечении думаете остановиться, Зинаида Ильинична? – обратился я к врачу, во время очередного визита. Я дам вам направление в хирургическое отделение, в отделение химиотерапии и лучевой терапии. Поговорите со всеми специалистами, и они назначат лечение. Спасибо! – с надеждой, я посмотрел на старика. Эти слова обнадежили. Должны помочь ему, обязательно должны! Зинаида Ильинична проявила любезность, обзвонила всех заведующих и попросила их отнестись к моему старику повнимательнее. Ветеран войны, все-таки! – напомнила она.

Но, в хирургическом отделении и в отделении химиотерапии от старика отказались сразу же. Он не выдержит операции! – безапелляционно заявил хирург, пожилой и сухонький дядька, едва осмотрев Деда. Сколько раз вы отдыхали по дороге ко мне? – Два раза! Дед, конечно, уставал бродить по длинным коридорам центра. – Два раза – то-то! В отделении химиотерапии от него отказались еще быстрее. Не выдержит! – вынес вердикт, на этот раз крепкий, довольно молодой мужчина.

Удача улыбнулась нам в отделении лучевой терапии. Очень уж, настойчиво обратилась к заведующему, на этот раз, Зинаида Ильинична. Заведующий – крепкий, лысеющий мужчина, был невысокого роста, средних лет, и смотрелся весьма солидно. Он взялся помочь Деду и, как мне показалось, даже с охотой. За это он получил от меня почетное прозвище Светило науки или просто Светило. Выслушав мою вступительную речь, он вызвал свою помощницу – симпатичного молодого доктора, и поручил ей, на приборах выявить область воздействия и назначить методику лечения. Впрочем, было понятно, что методику будет определять он сам, а свою помощницу просто приучал к серьезной работе.

Всей дружной командой – по дороге присоединились еще какие-то врачи, мы проследовали в смежные кабинеты, где располагалось самое современное медицинское оборудование довольно внушительных размеров. Просторные кабинеты скорее походили на цех сборки космических аппаратов, повсюду виднелась маркировка на английском языке. По довольному виду старика стало понятно, что и ему здесь понравилось. Деда уложили, и разноцветные лазерные лучи пронзили воздух, обозначая область воздействия. Молодой доктор, под молчаливым наблюдением Светила, принялась регулировать оборудование. Вид при этом, она имела весьма сосредоточенный. Теперь, дело пойдет! – не без иронии, обратился я к мужчине. Не мешайте работать! – последовал строгий ответ. Не вызывало сомнения, что в дело вступила передовая медицинская наука. Перед тем, как удалиться в коридор, я одобрительно посмотрел на Светило и на его молодую помощницу. Молодцы!

Итак, курс был назначен, и началось, собственно лечение. Кажется, раз, или два раза в неделю, мы приезжали в центр и, прошагав по длинным коридорам, и миновав два поста охраны со строгими вахтерами, попадали, наконец-то, в нужное крыло. У кабинета лучевой терапии всегда сидело несколько человек, но тут, против обыкновения, я не подталкивал старика вне очереди. Ничего, подождем! Скоро я перезнакомился со многими людьми, и мы обязательно здоровались друг с другом.

Обычно, дождавшись своей очереди, мы вместе с отцом заходили в просторный зал, где стоял солидный медицинский аппарат, и охотно, с

моей помощью, устраивался на лежаке. Тихо жужжал аппарат, огромный экран нависал над стариком, медсестра устанавливала нужный угол наклона и меня просили покинуть помещение и не мешать процедуре. Но, за медицинскими процедурами, которые проводили над стариком, можно было наблюдать и из отдельной комнаты, где стояли большие мониторы, и куда посторонним вход был, конечно, запрещен. Я и недолго смотрел – минутку, только. Через двадцать минут наступала пора забирать подлечившегося старика из кабинета, и освобождать место для следующего пациента, который уже нетерпеливо переминался на пороге.

Так продолжалось месяца полтора. Лечение шло полным ходом, и результаты его были налицо – опухоль заметно уменьшилась. Правильную методику выбрал Светило! – вспоминал я заведующего, и его молодую помощницу, добрым словом. Но, не бывает такого, чтобы все шло гладко, как по маслу. И, если правильность лечения не вызывало сомнения, то на работе у Деда, к большому сожалению, начались проблемы. Да, отец стал реже появляться на работе, не так часто, как раньше, передавал свои наработки – болезнь внесла свои коррективы! Конечно, он давно уже работал по мере сил, тем не менее, дома у нас имелась обширная библиотека по теме, и дидактического материала там было достаточно. Докторов наук, ведь, в институте, где он трудился, по пальцам можно было пересчитать. Мне было доподлинно известно, что таких заслуженных стариков, как отец, не трогали, и давали им спокойно дожить свой век, оставляя на прежних должностях. Но, новое время внесло свои коррективы. Финансирование! Оно существенно сократилось, и сотрудникам оставалось только делить скудные копейки.

Старика давно уже теребили, требуя, чтобы он перешел на полставки, но до поры, до времени, удавалось отодвинуть решение вопроса. Я просто спускал это дело на тормозах. Но, как говорится, сколь веревочке, ни виться...

В один из солнечных зимних дней, привезя на работу старика, как обычно, я направился было, на осмотр достопримечательностей Новодевичьего монастыря и окрестностей, как вдруг услышал просьбу зайти к начальнице старика – Назаровой. Все вопросы, касательно старика, на его работе давно уже принимались только при моем участии. И, это было правильно! Подхватив старика, я отправился на беседу к его начальнице. Татьяна, доктор наук, крупная пожилая женщина, сидела в таком же простом кабинете, в каком работал и отец, через две двери от нее.

Здравствуйте! – вежливо поздоровался я со старухой, переступив порог. Здравствуйте, я решила с вами расстаться! – сходу, перешла она в наступление, обращаясь больше ко мне, чем к Деду. Я перевел. Была без

радости любовь, разлука будет без печали! – тут же, нашелся отец. Я усмехнулся, представляя, как без труда найду доводы для защиты старика. На ветерана замахнулась! Но, этого не потребовалось. Ну, тогда пусть хоть, напишет заявление о переходе на полставки! – тут же, пошла на попятную Татьяна. Я молчал, оставляя за стариком право выбора. Дома, в наших разговорах на тему работы, я давно уже настаивал на том, чтобы отец не цеплялся за свою должность. Здоровье дороже! Выдержав паузу, старик написал заявление, о котором его так давно просила Назарова.

Она тут же подхватила листок, и почти бегом направилась к директору института – визировать. Подождите! – бросила она на ходу. Очень скоро начальница вернулась и, с довольным видом, положила листок на стол. Старик взял листок, прочитал, потом без лишних слов, передал его мне. Посмотри! Перевести на четверть ставки! – гласил приказ. Почему на четверть ставки, мы же только что договорились на полставки? – медленно подбирая слова, обратился он к Татьяне. Та, только широко развела руками.

Пойдем, отец! – обратился я к старику, вставая, и подавая ему его палку. Пойдем, обедать пора! С трудом поднявшись, не прощаясь, старик вышел из кабинета, но остановился в коридоре, задержался на минутку, перед открытой дверью.

Наверное, в памяти до конца моих дней сохраниться картина, которую тогда увидел. Дед, тяжело опираясь на палку, стоит в коридоре, и укоризненно, без слов смотрит на свою начальницу – такого же доктора педагогических наук, как и он сам. Та, не поднимая головы, и по ее сгорбленному виду было понятно, что она ждет, не дождется, когда же старик наконец-то покинет помещение. Пойдем отец, поехали домой! – позвал я его, бросив насмешливый взгляд на Татьяну. За мгновение мелькнула мысль – а, не войти ли в ее тесный кабинет, и не наговорить ли ей всяких гадостей? Устроить громкий скандал, словом. Раньше это у меня хорошо получалось. Скандал она заслужила. Обещала ведь, что старик останется работать на полставки, он послушно написал заявление, а она, пользуясь, случаем, перевела его на четверть ставки. Нехорошо! Непорядочно!

Но, посмотрев еще раз на Татьяну, я увидел перед собой большую пожилую женщину, и конечно отказался от первоначальной задумки. Выглядела она немногим лучше моего старика. Не тот случай, не тот соперник. Не с ней мне говорить придется, а с теми подлецами, которые установили такие правила, что два заслуженных человека, проработавшие вместе не одно десятилетие, вынуждены были воевать друг с другом из-за копеек. И, разговор, конечно, будет непростой. Ха-ха! Вот уж, пообщаемся, бог даст!

Четверть ставки научного сотрудника составляла в том институте две с половиной тысячи рублей! Ну, еще и за ученую степень старик получал надбавку – всего, около восьми тысяч рублей. Не бог весть, какие деньги! Кстати, о деньгах! На тот момент, у отца на счетах лежало больше миллиона рублей, и проценты по вкладам превышали его месячную зарплату. Да еще, пенсия! Нет, не в деньгах было дело, вернее, не только в них. Дело было в отношении между людьми. При новых порядках кто-то, поддавшись слабости, бросился на колени молиться новому божку – пачке зеленых купюр, и лишь немногим людям, таким, как мой отец, удалось сохранить себя, сберечь свою душу.

Все эти мысли промелькнули за мгновение. Пойдем, отец! – настойчиво повторил я и, подхватив старика под локоть, увел его от ставшего ненавистным кабинета. Сколько еще проработает это Назарова – год, два, три? Вряд ли, больше, здоровье не позволит! И, в памяти она останется как бесчестная старуха, подставившая сотрудника из-за копеек. Ну да – бог ей судья! Но, жизнь между тем, продолжалась. Хотя и работа являлась немаловажным фактором стабильности, но все же, была не самая главная забота. Главным делом стало лечение старика, борьба за его здоровье! Тут, дело обстояло намного лучше.

За первым, успешным курсом лечения, последовал и второй, не менее успешный. Мало того, для усиления эффекта после сеанса облучения Светило добавил еще и сеанс мощного теплового воздействия, на другом аппарате. Тут, конечно требовался быстрый переход из одного кабинета в другой, но старик бодро справлялся с этим. Он стойко переносил все процедуры, и выглядел, хотя и уставшим, но довольным. Светило со своей помощницей всегда находился рядом и контролировал ситуацию. Молодец – так и надо работать! Похоже, что старик идет на поправку! – похваливал я его тогда, ну, и помощницу, тоже. Мы даем максимальную нагрузку, а Ваш отец – молодец, все стойко переносит! – в свою очередь, похвалил он Деда. Да, он закаленный старик! – охотно подтвердил я. Мы понимающе переглянулись. Еще бы – делали одно дело – спасали старика. Вот она – передовая медицинская наука, во всей красе! – отметил я тогда. Верилось, что удастся преодолеть невзгоды и на этот раз. Да и Дед старался! От больших нагрузок, у него даже появился на плече шрам от ожога. Переборщили, немного! Это ничего! – констатировал Светило, осмотрев больного. Нагрузка большая, нормально! Ничего! – согласился я с ним. Ну, и Дед всем своим видом показывал, что ничего – потерпит!

Время шло незаметно. Подошел к концу и второй курс лечения. Переполненный благодарностью, я решил навестить Светило, и выразить ему, так сказать, свое почтение. Ну, и Деда прихватил с собой, вроде как, для очередного осмотра. Светило, с молодой помощницей, сидел в своем

кабинете, и со скромным видом приготовился выслушать мою речь. А, и то – его триумф казался вполне заслуженным! По крайней мере, время мы выгадали. Вы позволите, в знак благодарности, преподнести Вам свой текст? – скромно обратился я к корифею, доставая заранее приготовленный журнал “Сибирские Огни”. Корифей великодушно кивнул. Молодая особа, косив глазки, соизволила мельком взглянуть на издание. Эх, жаль, что второго экземпляра нет, вот бы, ей подарить, как было бы кстати! – не по делу, отметил я про себя, посмотрев на ее коленки. Затем, не теряя времени даром, быстро сделал дарственную надпись, и со смиренным видом вручил ему свое творение. Все – теперь можно было, и уходить, с чистой совестью.

Нам пора, отец! – поддерживая старика под локоть, я направился к выходу и, обернувшись, с улыбкой, кивнул головой благодетелю, опять, поневоле, скользнув взглядом по коленкам молодой докторши. Напоследок, как и положено, поднялись к кабинету Зинаиды Ильиничны. Ветеран войны, пройдет без очереди! – заученно объявил я, подталкивая старика на порог. Снимай рубашку! – привычно поторопил Деда.

Ну, что сказал доктор? – как бы, равнодушно поинтересовалась она. Сказал, что все в порядке! – с довольным видом подтвердил я результаты лечения. Зинаида Ильинична задумчиво посмотрела на плечо старика, потрогала его. Будете теперь делать операцию? – как бы, между делом, еще более равнодушно поинтересовалась она. - Операцию? Я покосился на голое плечо старика. Опухоль теперь казалась такой маленькой, к тому же, ее перекрывал глубокий след от ожога. Какая операция! Зачем! Нет, конечно! Зачем теперь терзать старика – пусть отдохнет, немного, а там посмотрим. На лицо такие успехи! Успехи! Многие мне было тогда непонятно, увы! Стоп! В тот момент я допустил грубейшую ошибку. Конечно, она мне простительна, ведь, не врач я, не мог же предвидеть последствия поспешного решения! А, все-таки, виню себя за тот ответ. Знать бы, заранее! Знал бы, соломки бы постелил! Ну, нет, так нет! – врач быстро сделала запись в карте старика, закрыла ее и объявила – все! Тогда, до свидания! Часто я думал потом о том, что если бы она разъяснила мне ситуацию, рассказала бы о последствиях, то я бы, конечно, переменил свое решение. Но, Зинаида Ильинична ничего не объяснила. Не обязана, наверное, была делать этого. Мой старик ведь, был не единственный пациент в этом огромном центре, и ветеранов войны там, наверное, хватало. Как стало позже известно, на все высотное здание лечебного центра на Каширке приходилось всего пятьдесят коек в операционном отделении! Много это, или мало? Контингент, который там лечился, я потом увидел.

А тогда, тогда бодро попрощавшись с Зинаидой Ильиничной, я осторожно повел старика к нашей машине, стоящей на улице в плотном ряду среди других машин посетителей центра. Одиноким милиционер, увидев, что я веду старика, не стал придирается за стоянку в непопознанном месте. Отвернулся. Свою ошибку я понял очень скоро. Не прошло и месяца, как опухоль на плече у старика стала быстро разрастаться, и достигла чудовищных размеров. Стало ясно, что лечение лишь, замедлило ее развитие. Левая рука его опухла и безжизненно повисла вдоль тела. Это была катастрофа! Теперь, старик с трудом двигался по комнате, тяжело опираясь здоровой рукой на палку, и прислоняясь плечом к стене.

В отчаянии, я снова рванулся к Зинаиде Ильиничне и, по ее направлению, совершил со стариком уже знакомый круг по отделениям. Дед, с моей помощью, привычно шагал по бесконечным коридорам. Везде мы получили категорический отказ. Всюду слышали один ответ – дальнейшее лечение противопоказано!

Больше всех огорчил Светило. Тот день, когда мы с Дедом к нему попали, был его последним рабочим днем, перед отпуском, и ему стало уже не до нас. С трудом, он завершил разговор по телефону фразой, - я заеду к тебе сейчас и мы выпьем хорошего коньяка! Затем, повернулся к нам. Нет, больше лечения не будет! – сказал, как отрезал он, едва осмотрев Деда и, дождаввшись нашего ухода, отправился отмечать начало долгожданного отпуска. Тогда мы ушли ни с чем, но через пару недель, я снова навесил Зинаиду Ильиничну. Поскольку, Деду становилось все хуже, то и действовал более решительно. Наверное, придется навесить самого главного человека в вашем уважаемом заведении! – издали, начал я разговор. Попробуйте еще раз поговорить с заведующим отделением лучевой терапии! – предложила она. Еще раз! Зачем? – искренне, удивился я. Он же отказал категорически, да и в отпуск, вроде как, собирался. Он уже на работе! – ответила врач. В тот раз, к Светиле я отправился без Деда. Незачем, лишний раз беспокоить старика!

Столкнулись мы в коридоре, недалеко от его кабинета. Я к Вам! – обрадовал я корифея. Подождите, пожалуйста, две минуты, и заходите! – сделал он странное предложение. Впрочем, ничего странного. Наверное, звонил кому-то по телефону, а может быть, диктофон приготовил, на всякий пожарный случай. Бог ведает! Ровно через две минуты я зашел в его кабинет. Садитесь! – предложил он, но задерживаться в его кабинете я не собирался, а потому, стоя, сразу перешел к делу. Откровенно говоря, в исходе нашей беседы я не сомневался. Хотелось только понять, почему человек, так много сделавший для старика, вдруг, отказался от

дальнейшего лечения. Что помешало? Статистику, что ли, побоялся испортить?

Не теряй времени – запись идет! – поторопил я себя, усмехнувшись. Итак! - Везде висят плакаты о том, что вы помогли тысячам людей! Где же помощь? Почему отказались от старика? – начал я вступительную речь. Светило, заикаясь, и почему-то очень тихо, попытался аргументировать отказ, но получилось у него не очень убедительно. Дальнейшее лечение противопоказано! – вот, и весь ответ. Идите к хирургу! – почти шепотом, подсказывал он. К хирургу! - Поздно уже, к хирургу. Опухоль больших размеров. У вас, у медиков, есть термин – забыл его! Это, когда больному дают пустышки, как лекарства, и ему становится легче! Психологический фактор работает! Используйте этот метод, проведите курс щадящего лечения! Ну, такой ерундой мы не занимаемся! – отверг Светило мое заманчивое предложение. Оно и понятно! – усмехнулся я, припомнив космические аппараты. Через три минуты, не солоно хлебавши, мне пришлось покинуть кабинет корифея. Еще и текст ему свой подарил! – ругался я, про себя. Одно утешает – выкинул он его давно, наверное.

Не получается ничего, Зинаида Ильинична! – обратился я к лечащему врачу. Что делать на этот раз? Делать резких движений мне не хотелось. Я понимал, что невольно, могу сделать опрометчивые шаги, о которых буду потом сожалеть, а потому переложил на нее принятие окончательного решения. Надо отдать ей должное – она, видимо, исчерпала все свои возможности. Откровенно говоря, мне тоже не нравится ситуация, при которой все отказались проводить дальнейшее лечение Вашего старика! – поддержала меня она. – И, что же будем делать? Будем выносить вопрос на консилиум, и настаивать на дальнейшем лечении! – Консилиум – это хорошо! Само слово “консилиум” мне очень понравилось! Появилась цель, а значит – надежда! Когда соберется консилиум? – Перезвоните мне через день, и я назову дату! На этом, наш разговор и завершился.

Как-то незаметно, за мелочными заботами, наступил и назначенный день. Это оказался действительно, весьма серьезный консилиум. Такого количества врачей в одном помещении мне раньше не доводилось видеть. В просторной аудитории собралось, наверное, около сорока врачей, и все, конечно, в белых халатах. Среди них мелькнуло знакомое испуганное лицо молодой докторши, подручной Светила. Самого корифея почему-то не было видно. Из толпы сразу выделился солидный крупный мужчина средних лет, в очках. Типичный профессор! Он уверенно раздавал коллегам ценные указания, и приглашал их высказывать свое мнение. Ну же, решайтесь, ребята! – мысленно подбадривал их я.

Раздетый до пояса старик одиноко сидел на стуле посередине аудитории. Время от времени, врачи подходили к нему, осматривали и

ощупывали его плечо, шею и грудь. Пока было непонятно, куда склонится чаша весов. Долго совещались. Наконец, крупный мужчина поднялся. Зал замер. Дальнейшее лечение противопоказано! – объявил он в мою сторону, покачивая головой. Отступить больше было некуда. Добавив в голос металла, я стал наседать на него. Ветеран войны нуждается, даже не столько в лечении, сколько в участии, в уходе, - начал я, хотя и твердо, но тихо. А, без вашего участия он почувствует себя брошенным, никому не нужным. Я не в счет! Старик лечился с большой охотой, выполнял все ваши указания, - напомнил я крупному мужчине, сожалея, что в аудитории нет корифея. Нет, нельзя! – покачал он головой. На плече и так образовался большой рубец.

Отступить так просто не хотелось. Искал новые доводы. Нашел. Если вы успешно провели два курса лечения, то почему бы не провести еще и третий? – немного повысив голос, озвучил свою мысль. А, рубец не считается, Дед даже не жаловался на него! Обращался я только к солидному мужчине в очках, лишь, мельком взглянув на Зинаиду Ильиничну. Его решение будет определяющим! Полемика, между тем, продолжалась. Да Вы поймите, что лечение проводилось правильно, и консилиум подтвердил это, но дальнейшее вмешательство может, лишь, нанести вред пациенту! – огласил окончательный приговор крупный мужчина. Теперь он будет отстаивать свою позицию до конца. Хотя бы т потому, чтобы не ударить в грязь лицом перед коллегами. Но, и я еще не сдался.

Прекрасно понимаю, что вы не боги! – еще более повысив голос, продолжил я правильную речь, и обвел взглядом аудиторию. Сорок человек в белых халатах, в основном, женщины, кто, стоя, кто, сидя, молча, слушали выступление. Обводя взглядом людей, я задерживал взгляд на их лицах. Казалось важным понять, как они воспринимают все действие, ведь, вопрос стоял о жизни старика, а значит, о нравственном выборе. То, что старику недолго осталось жить на белом свете – так это, понятно и неспециалисту, но вот то, какими будут его последние дни, во много зависит от вас, врачей, находящихся в этой аудитории. Последовала длительная пауза. Большинство людей смотрело в пол, или в сторону, и все до одного выглядели озабоченными.

Эх, сил у меня маловато! – трезво оценил я положение, припомнив пациентов из хирургического отделения. Затем, продолжил. Старик надеется на вас, верит в нашу медицину, и если вы от него откажетесь – на что ему тогда надеяться? А, ведь он – заслуженный человек! Ветеран войны, юнгой, воевал на корабле, в Севастополе, в отряде траления, доктор педагогических наук, между прочим! Немного уже, настоящих ветеранов осталось на белом свете! Аудитория молчала. Говорить правильные речи я

научился еще в те времена, когда выступал на партсобраниях, но тогда я не подбираю слова – просто озвучивал то, что думал.

Старик не принимал участия в диспуте. Он по-прежнему одиноко сидел на стуле. Сделав еще одну паузу, я напряженно наблюдал за тем, как он, неумело, одной рукой, пытается накинуть на себя рубашку. Одна из женщин подошла к нему, помогла одеться и застегнула пуговицы. Наконец, поднялся крупный мужчина. Нет, не можем больше ничего сделать! – решительно объявил он. Консилиум вынес окончательное решение! Снова воцарилось молчание, никто не спешил расходиться. Почувствовалась глубокая тоска. Беззащитный старик понадеялся на меня, а я не оправдал доверия. Обидно!

И что, больше не будете заниматься стариком, даже, с обезболивающими лекарствами не поможете? – вроде как, беспечно обратился я к собеседнику. – Ну, почему же! С обезболивающей терапией мы, конечно, вам поможем! – охотно согласился крупный мужчина, как мне показалось, весьма довольный тем, что на него больше не насаждают. Не с ним ли Светило пил коньяк? – равнодушно подумалось мне тогда. Екатерина Никитична! – громко обратился мужчина к одной из женщин в белом халате. Объясните, как им пройти, а лучше, проводите их, пожалуйста! Все! На этом консилиум действительно закончился. Подождав немного, для порядка, врачи стали потихоньку расходиться. Может быть, действовали они и по инструкции, но приговор старику был вынесен. Почувствовалась глубокая тоска. Беззащитный старик понадеялся на меня, а я не оправдал его ожидания! Обидно!

Тем временем, женщина в белом халате, терпеливо дожидаясь отстающего старика, проводила нас к одному из кабинетов в отдаленное крыло здания. Там показалось тихо и безлюдно, и никаких плакатов с обнадеживающими надписями больше не висело. Не понравилось мне это отделение. Совсем не понравилось! Не осознавая еще полностью, лишь догадками, я понимал, что это последняя ступень, на которую мы ступаем в этом передовом медицинском учреждении.

Пригласили в кабинет. И, кабинет любезной женщины, доктора медицинских наук, тоже не понравился. В углу стояло несколько больших икон – совсем не к месту, на мой взгляд, в медицинском помещении! Лампадку бы, еще зажгли! – поморщился я тогда. Под молчаливым наблюдением, женщина долго и терпеливо беседовала со стариком, довольным тем, что ему уделено столько внимания. Я, лишь мрачнел, глядя на эту картину, и вспоминал недавний консилиум. Через полчаса, устав от общения, врач протянула листок с перечнем лекарств и схемой их применения.

Что такое обезболивающая терапия – стало понятно на второй день после ее применения. С большим удивлением я наблюдал за тем, как старик, на глазах терял дееспособность. Он стал падать, разбил, в кровь нос, и оставить его одного, больше, чем на час, теперь не представлялось возможным.

По-обыкновенно запаниковав раньше времени, я поднял на ноги всех знакомых узбеков, трудившихся дворниками в нашем дворе, и попросил их найти подходящую сиделку. На следующее утро раздался звонок, и меня, для уточнения условий, пригласили во двор. Но, делового разговора с узбеками не получилось. Круглолицый невысокий мужчина по имени Асот, не последний из диаспоры, предложил поселить его с женой у нас в квартире. Тогда они обеспечат присмотр за стариком, разумеется, в то время, когда не будут заняты на основной работе. От такого заманчивого предложения пришлось отказаться.

Что же делать? Опять охватила тоска. Какой я бедненький и несчастненький! Не смогу отойти от Деда ни на шаг! Прощай творчество, не видать, ни славы, ни успеха! Словом, себя было очень жалко. С трудом, но удалось взять себя в руки. После неудачных переговоров я устроился там же, во дворе, на детских качелях, рядом с песочницей, и предался глубокому размышлению. Как же так? – недоумевал я. Еще недавно Дед казался относительно дееспособным, и жили мы относительно спокойно, вдруг – на, тебе! Не мог же он сломаться так быстро! Что-то здесь не так! Не поторопился ли я пичкать его обезболивающими лекарствами? Похоже, что поторопился. Простую догадку подтвердила его лечащий врач из академической поликлиники, к которой я, не мудрствуя лукаво, обратился за помощью. Конечно, эти лекарства превращают старика в растение! – уверенно разъяснила она. Боли, на время исчезают, но старики падают, ломают себе кости, а это гораздо хуже! К тому же, идет привыкание, и дозы постоянно приходится увеличивать. Значит, советуется отказаться от обезболивающих лекарств? – без затей, поинтересовался я. Да, пока терпит, откажитесь, - посоветовала врач.

Я так и сделал. Вскоре, к великой радости, старик вернулся в привычное состояние и, хотя и продолжал жаловаться на боли в плече, но как-то не очень настойчиво. Потерпит! – решил я тогда. Опять взял на себя ответственность за здоровье старика! Тогда, невольно обратил внимание на то, что сам стал принимать окончательное решение. Да, советовался с врачами, прислушивался к ним, но окончательное решение оставалось за мной. Не много ли, себе позволяю? – сомнения, если и овладевали мной, то ненадолго.

На какое-то время воцарилось спокойствие. На короткий срок я смог вернуться к своим занятиям. Удивительно, как успевал еще, и писать, и

переводить тогда! Закалка! От учеников, вот, только, пришлось отказаться. Но, как известно, пришла беда – отворяй ворота! Мало того, что приходилось бороться с болезнью, так и проблемы на работе у отца росли, как снежный ком. Доставляла их его начальница – Назарова. Теперь и четверть ставки старика ее не устраивала, ей захотелось совсем избавиться от ставшего беспомощным сотрудника. Звонивший несколько раз приятель отца – Вадим Сергеевич, передавал, что дела совсем плохи. Он рассказал, что Назарова перестала вести на него табель, а значит, зарплаты у Деда не будет. Не напиши он заявление, не возникло бы такой проблемы!

Поскольку, защитить себя старик не мог, потребовалось мое вмешательство, и я вмешался довольно решительно. Так и поступаю, когда принимаю окончательное решение. Это, до его принятия еще могу колебаться. Но уж, когда принял.... Это раньше я сомневался – надо ли бить воров? Но, все сомнения давно отброшены. Впрочем, это так, к слову. До меня и раньше доходили слухи о том, что старых, заслуженных работников, тем более, докторов наук, из Академии не увольняют. Им дают спокойно дожить свой век, привлекая, конечно, время от времени, к различным мероприятиям.

Выяснив телефон директора института, академика, я связался с ним и обрисовал ситуацию. Рассказал, что в богатой библиотеке Деда надолго хватит материала для плодотворной работы! Мы быстро нашли общий язык. Рассчитываю на Ваше участие! – красивой фразой, закончил беседу. Конечно, конечно! – подтвердил академик. Передавайте большой привет своему отцу! Надеюсь, он помнит меня! Помнит, конечно! – успокоил я его. Результаты нашей беседы не заставили себя долго ждать. Надо понимать, что Назарова получила хороший нагоняй от директора института, поскольку, буквально на следующий день позвонил Вадим Сергеевич и передал, что она готова возобновить сотрудничество, и ждет новых наработок. Подъезжайте, подберем что-нибудь! – последовало простое приглашение. Вадим Сергеевич заехал, но подготовить к его приезду мы ничего не успели. Приятели даже не доиграли в шахматы, чего никогда раньше не случалось. Старик устал.

Работа теперь мало интересовала Деда. Не бери у нее деньги! – сказал, только. Не возьму! – усмехнулся я. Нужны нам ее деньги! Старик же слабел с каждым днем. Скоро он слег совсем, и поднимался уже лишь, затем, чтобы дойти до туалета и до стола на кухне. Двигаться ему становилось все труднее, но он неизменно отвергал мои попытки помочь ему. Я сам! – твердо говорил он и шел, опираясь на стену и с трудом переставляя ноги. В то время пришлось призвать на помощь узбечку. Шарифа и раньше приходила убираться к нам но, всего лишь, раз в неделю. Теперь она стала приходить каждый день и, хотя работала ни шатко, ни

валко, все же, совместными усилиями, относительную чистоту в доме удавалось наводить. Желая поддержать отца и разнообразить его быт, я подключил кабельное телевидение, записался в библиотеку и стал приносить интересные детективы. А еще, старался побаловать его чем-нибудь вкусненьким. В нашем холодильнике появилась икра, красная рыба, маринованные грибочки с рынка, прочие деликатесы. Но, было поздно. Раньше, надо было об этом думать. Опоздал я, с деликатесами. На глазах, Дед терял интерес к яствам, стал молчалив, углубился в свои мысли. Пшенная каша на завтрак, да на обед – две, три ложки бульона – старик вполне довольствовался этим. Гречневый продел еще уважал – на нем и держался! Минералку уважал холодненькую, из холодильника. А, телевизор стал ему неинтересен и, прочитав несколько страниц детектива, он откладывал книгу в сторону.

Когда снова поедем к врачам? – спросил он, как-то. Задумавшись, на минуту, я лишь, тяжело вздохнул. Затем, придвинул стул и устроился рядом со стариком, у изголовья его кровати. Выдержав паузу, начал непростой разговор. Говорил без прикрас, как и положено, говорить с настоящим мужчиной, пусть и, тяжелобольным.

Дед, надеяться больше нам не на кого, врачи твердят одно и то же – дальнейшее лечение противопоказано! Тебе предстоит самому бороться с болезнью. А я, как смогу – помогу. По моему твердому убеждению – человек живет на свете столько, сколько отмеряет себе сам. Так что – постарайся, отец! Речь не предполагала ответа, но старик кивнул, - я постараюсь! – Постарайся! До Олимпиады в Лондоне осталось не так уж, много времени. Ты ведь, любишь смотреть женский волейбол? Да, действительно, старик не пропускал выступления волейболисток, особенно, ему нравилась их прима, Гамова. Будешь смотреть женский волейбол? – спросил я, напрямую. Буду! – кивнул он, в ответ. Вот, и ладненько! А там – и до сентября рукой подать будет. Восемьдесят три года тебе исполнится! Восемьдесят три года – серьезный возраст, не шутка! Старик едва улыбнулся и кивнул, в ответ. Вот, и поговорили, разъяснил ситуацию! На какое-то время воцарилось спокойствие, но коварная болезнь продолжала делать свое черное дело. Опухоль не уменьшалась.

Пришлось задуматься, в очередной раз. Ненадолго. Простое решение пришло само собой. Надо поднять большую волну, привлечь как можно больше специалистов, пусть они, теперь, приходят к нам, окружают старика заботой и вниманием. Ветеран войны, все-таки! Решив использовать все возможности, я обратился к участковому врачу с просьбой прислать районного онколога. Приехавшая, по вызову, женщина внимательно выслушала меня, осмотрела старика и объявила, что нужно срочно

поставить его на учет, в Хоспис. Вам помогут, возможно, что его положат на лечение, и Вам станет значительно легче – подумайте! – подытожила разговор она. Я принял ее предложение, и бюрократическая машина заработала! Хоспис! – какое значимое слово! Это ведь, финишная прямая! Все иллюзии и надежды теперь остались позади.

В те дни, по какому-то делу, я вывел старика на улицу. Кажется, это был последний раз, когда он передвигался еще самостоятельно. Тогда выдался погожий день, ярко светило солнце, березы слегка покачивали густыми кронами, по небу плыли редкие облака, весело щебетали птицы. Двор, почему-то, оказался пустой. До машины всего было, тридцать шагов. Медленно идя впереди, я задерживал шаг и, оборачиваясь, озабоченно наблюдал за стариком. Отец часто останавливался и, подняв голову, подолгу смотрел на бездонное небо, на плывущие по нему облака. Против обыкновения, я не торопил его. Пусть, смотрит. Понимал, что ему надо подкрепиться живительной силой родной природы. Легкий ветерок ласково играл с седыми волосами старика.

В те же дни, по настоянию отца, я набрал номер брата и передал ему трубку. Подъезжай, хочу тебя увидеть! – попросил его отец. Было слышно, как Данила ответил – заеду! Но, он так и не приехал, дела, наверное! Зато, появился мой двоюродный брат – Олег, племянник отца, которому я позвонил уже сам. Он был немного старше меня, профессор, преподавал в педагогическом институте и занимался спортом, а потому выглядел моложаво. Втроем, мы ненадолго присели за стол, открыли коньяк, но Дед скоро попросил разрешения оставить нас – утомился. Можно, я провожу его до кровати? – забеспокоился Олег. Я кивнул головой и, с печальной улыбкой наблюдал за тем, как старик, поддерживаемый Олегом, с трудом переставляя ноги, покидал кухню. Вскоре Олег вернулся. Такие, вот дела! – произнес я. Сам все видел – не пропадай, надолго! Звони сразу, если будут какие-то изменения! – ответил он. – Позвоню! Будь здоров! – Буду! Результаты моих усилий не пропали даром. В доме стал регулярно появляться врач-онколог, крупный мужчина, армянин. Конечно, он уже не мог вылечить старика, но душевные раны врачевал умело. Приезжала и медсестра – обрабатывала плечо, меняла повязки. Само собой, навещала врач и из академической поликлиники, забегала участковый врач.

Стало чуть, легче. В быту же существенную помощь оказала социальный работник Галя. Именно Галя, а не Галина. Так она представилась, и так просила ее, и называть, в дальнейшем, хотя было ей, наверное, лет пятьдесят пять, не меньше. Худенькая и невысокого роста, с прямыми соломенными волосами, со спины она выглядела подростком. И, как только, справлялась с Дедом! Впрочем, и Дед похудел к тому времени основательно. Поначалу, она мне не понравилась. Не спеша, Галя

протерла полы, заменила белье Деду. А мебель, сегодня, протирать не будете? – придиричиво поинтересовался я, припомнив, что за час до нее уже убиралась Шарифа. Успею еще! – беспечно парировала она. Ну, и ну! Такая же работница, как и Шарифа! Каюсь, грешным делом, чуть было, не отправил ее восвояси. Хорошо, что не отправил. Вот бы, прогадал!

Галя стала приходить регулярно. Очень скоро от первого, негативного впечатления не осталось и следа. Незаметно, но твердой рукой эта худенькая женщина стала наводить порядок в доме. Ненавязчиво подсказывала, что нас ожидает в ближайшем будущем, и как следует поступить в дальнейшем. Со знанием дела, она взяла старика в оборот. Мыла его, брила, постригала ногти, меняла белье и вообще, безропотно и без подсказок выполняла черновую работу, до которой у меня не скоро дошли бы руки. Старик преобразился - он стал выглядеть чистым и опрятным. Помощь я получил существенную, и сразу почувствовалось некоторое облегчение. И, отец заметно оживился. С нетерпением, он ждал ее прихода – в его положении это стало значимым событием. И, хотя общалась она с Дедом панибратски, но это не раздражало. Напротив, так, видимо, и следовало общаться с тяжелобольным человеком. Вскоре я попросил приходить ее почаще, и она без колебаний согласилась.

Не верю в безгрешных людей, как говорится – сам, грешен! Но, денег она не брала. Старик, как-то, сунул ей смятую тысячерублевую купюру, так она, без слов, вернула ее мне обратно. Что еще можно сделать для облегчения участи старика? – обратился я за советом. Настаивайте на том, чтобы его положили в Хоспис! – предложила Галя. Там капельницы, уколы, уход – все это поддержит старика, да и Вам полегче станет! Полегче! – о себе я уже и не думал. Поторопитесь, только! – посоветовала она. Очередь большая – пока еще оформят документы! – Даже, для ветерана войны? – Там все ветераны! – просто, ответила она. А, на весь округ – всего тридцать коек! Прислушавшись к совету, я стал торопить врача-онколога. Он пошел навстречу, но все равно, на оформление потребовалось время. До долгожданной Олимпиады оставались считанные дни, а отец таял на глазах. Наконец, все документы были оформлены, и подошла наша очередь.

Но, я рано радовался. Неожиданно, возникла новая проблема. Старик стал категорически отказываться от госпитализации, и никакие доводы на него не действовали. На носу был назначенный день, а уговорить его так и не удалось. Не соглашался, ни в какую! Выручила, как всегда, Галя. Накануне, в который раз, я обратился к ней с вопросом – что будем делать? Старик не соглашается, ни за какие коврижки! Завтра утром придет машина, а я все еще не уломал его! Поговорим с ним, вдвоем, сейчас? Ни в

коем случае! – уверенно ответила она. Стариков надо ставить перед фактом, тогда они быстрее соглашаются. Завтра подъедет еще и медсестра, втроем, как-нибудь справимся! – Ой, ли? – Да! Сегодня четверг, выходные дни на носу, надо успеть. Проблема в другом. – В чем же? Как довести его до машины? Одному, Вам уже не справиться! Призову на помощь узбека! – быстро нашелся я. Этот вопрос, как раз, волновал меньше всего. А, напрасно, кстати. На следующий день, в пятницу, вышло все так, как и предсказывала Галя. Тем утром Деду стало совсем плохо. Почему ты не подходишь, я кричу, зову тебя? – укорил он меня, когда я подошел к его кровати. Звал? Кричал? То, что отец считал криком, на самом деле был еле различимый шепот! Сними люстру! – попросил он. – Зачем? – Сними! Взяв широкий охотничий нож, я резким движением перерубил провода и снял люстру с того места, где она провисела последние двадцать лет.

Появилась Галя. Так, быстренько собирайтесь, машина за вами уже вышла! – поторопила она. Старик, попробовал, было возразить, - не поеду! - но она его быстро успокоила. - Я поеду с вами и буду Вас регулярно навещать! Всего на недельку! Быстренько! Вдвоем, мы одели старика и усадили его на кровать. Скорее бы пришла машина, пока отец не передумал! Тем утром я, так некстати потянул поясницу, и острая боль разлилась по всему телу. Вовремя, как всегда! Как поведу старика? Хорошо, что вызванный мной узбек – Бахрум, уже терпеливо дожидался во дворе. Подошла санитарная машина – белая Волга, фургон. Поднялась медсестра. Как поведем старика? – обратился я к ним. Сажайте его на стул, и несите вниз, со своим помощником! – уверенно распоряжалась Галя. Вдвоем, с Бахрумом, мы взялись за стул, и острая боль отозвалась в пояснице. Пришла беда – отворяй ворота! – успокоил я себя. Кое-как, донесли старика до лифта. Женщины спустились раньше.

Накануне, в лифте установили зеркала, и отец удивленно рассматривал себя в большое зеркало. Красавец! – прокомментировал я действие. Как же медленно мы спускались! Наконец, лифт остановился на первом этаже и двери его открылись. Мельком, бросив взгляд на пол, я застыл в изумлении. На пол обильно капала кровь, и уже образовалось большое пятно. Кровь продолжала капать и капать крупными каплями. Не понимая, что происходит, я удивленно посмотрел на своего помощника, и даже покосился через открытые двери в коридор. Может быть, невидимый мне снайпер подстрелил трудолюбивого узбека? Но, Бахрум, также недоуменно, смотрел на меня. Это была не его кровь, она лилась из раны на плече Деда. Потревожили, значит, когда переносили. Поняв это, я рванул к карете скорой помощи, благо, она стояла у подъезда, и через десять секунд мы, с медсестрой, бегом вернулись на место. Она, в отличие

от меня, сразу же разобралась, в чем дело. Перевязывать будем здесь, на месте, в лифте! – уверенно скомандовала она.

Подошла Галя, и молча, принялась нам помогать. Со старика стянули красную от крови майку, и наложили тугую повязку. Вот, жильцов-то, напугаем! – равнодушно отметил я про себя, но никто так и не появился. Через пару минут все было закончено. Несите! – последовали предложение. Закусив, губу от боли, я снова взялся за стул, и вдвоем с Бахрумом мы вынесли старика на улицу и поставили стул рядом с белой машиной с красным крестом на борту. Едва перевел дух. Водитель торопливо открыл заднюю дверцу и вытащил носилки. Поднимусь, возьму новую майку! – обратился я ко всем. Требовалась передышка, боль мешала двигаться. Через минуту спустился вниз.

Старик неподвижно лежал уже на носилках, и безучастно смотрел на небо. Легкий ветерок играл его белыми волосами. На фоне черного асфальта их белизна бросалась в глаза. Прохожих, почему-то, не было видно. Отнесу стул наверх! – не без труда, объявил я. Сильная боль уже не давала возможности наклониться. Майку захватите! – видимо, поняв, в чем дело, Галя передала старую, всю в крови майку старика. Бросив стул перед закрытой дверью – не украдут! – я снова спустился вниз. Деда уже погрузили в машину, и открытая боковая дверь ждала меня. Все в порядке – поехали! – кивнул я медсестре, тревожно смотревшей на меня. Для Гали места в машине не нашлось.

Неплохая машина Волга, сам езжу на ней, да вот, некомфортная! Она подпрыгивала на каждом ухабе, и боль отдавалась на лице старика. Про себя, я уже и не говорю. Тоже, несладко приходилось. По московским меркам ехали недолго, но старика мы привезли уже без сознания. Сразу за кольцевой дорогой, машина заехала на небольшую, но ухоженную территорию. Нас встретила интеллигентного вида женщина средних лет, в очках, больше похожая на учительницу, чем на врача. Я заведующая отделением, но я же, и лечащий врач, буду вести Вашего отца, зовут меня Нина Юрьевна! – представилась она. – Очень приятно! – я назвал себя. Мне показалось, что срочно должны начаться реабилитационные мероприятия, что познакомиться можно будет и потом, но пока, никто не торопился. Вы должны написать расписку о том, что согласны на вскрытие тела, если пациент уйдет из жизни, – объявила новая знакомая, протягивая небольшой листок с набранным текстом. Хорошенькое начало! – отметил я про себя и сходу, почти не глядя, подмахнул бумагу. Ветераном займитесь! – напомнил я ей. Им сейчас займутся! – успокоила она.

Появился такого же интеллигентного вида санитар, молодой еще, парень. Как позже узнал, помимо медицинского училища, он закончил еще и технический ВУЗ. Программист. Такие вот, дела. Ничего удивительного!

Санитар увез на каталке отца, санитарная машина отъехала, а врач пригласила меня в приемное отделение, для оформления медицинской карты. Мы устроились в небольшом кабинете, за столом, и заведующая отделением приступила к заполнению листка. Последовали дежурные вопросы, я отвечал, а она записывала. Есть еще родственники? – Нету! – я удивился категоричности ответа. Вернее, есть еще брат, но он в отъезде. Вдаваться в подробности не хотелось. Как часто Вы планируете навещать своего отца? – задала она последний вопрос, не прерывая записи. Ну, наверное, раз в неделю! – неуверенно ответил я. Не был готов к такому вопросу. Врач презрительно посмотрела на меня, но ничего не сказала. Не понимал я еще тогда, что время для меня приняло уже другое измерение.

С трудом, но с чистой совестью, добрался до дома. За старика взялись и проводили все необходимые мероприятия. Но, тем, же вечером мне пришлось выдержать еще бурю эмоций. На мобильный телефон позвонила моя новая знакомая, и решительно потребовала приехать и забрать старика обратно. Как это, так? – растерялся я, поначалу. Но, скоро уяснил ситуацию. Отец в сознании? – первое, что спросил я. Да, ему поставили капельницу, он почувствовал себя лучше и поднял на ноги все отделение. Говорит, что привезли его обманом, и требует срочно отвезти его обратно, домой. А-а! – успокоился я. Узнаю Деда! Значит, действительно, полегчало ему. – Вы еще не знаете, какой погром он учинил в приемном отделении шестьдесят четвертой больницы пару лет назад! Ничего, успокоился! Приезжайте, и забирайте! – настаивала врач. Меня не интересует, что произошло в шестьдесят четвертой больнице! Может быть, и заберу, раз такое дело! – раздраженно ответил я, и отключил телефон. Надо подумать. Вот, вздорный старик! Специалисты тоже хороши – вкололи бы, успокоительное лекарство!

Включив телефон, я набрал номер Гали. Благо, она задержалась на работе. Обрисовав ситуацию, попросил ее выяснить все, на месте. Перезвоню через пятнадцать минут! – как всегда, безапелляционно ответила она. Галя перезвонила и объявила, что старик успокоился, и что нет необходимости приезжать за ним. Старики частенько буянят первые дни, требуют вернуть их обратно! – бесстрастно разъяснила она. Буду посматривать за ним, позвоню, если что. Ну, и ладненько! – успокоился я. Спасибо! Несмотря на боль, я был готов поехать и забрать Деда, но, слава богу, обошлось.

Всю субботу и воскресенье я поглядывал на телефон. Не зазвонит ли, он, не потребуется ли мне срочно ехать за Дедом. Но, телефон, слава богу, молчал. В понедельник, не дожидаясь приглашения, я направился в Хоспис, к заведующей отделением. Предстоял серьезный разговор. Проходите! – хмуро и недружелюбно пригласила она.

Присаживайтесь! Итак! – подняв глаза, я терпеливо ждал, когда врач закончит длинную запись в своем журнале. Она закончила, и в ответ, поверх очков, внимательно посмотрела на меня. - Приступим! Не сразу, но мы нашли общий язык. Для начала, в двух словах я описал события последних двух месяцев, рассказал, как нелегко приходилось старику. Собеседница внимательно слушала, не перебивая. Время от времени, я и сам прислушивался к себе. Очередная правильная речь текла, как ручей с чистой водой. Отец очень хочет жить, он любит жизнь, и наша задача помочь ему в этом. Вот, тесть скончался почти три года назад, - продолжил я повествование. Так он, устал от жизни и не цеплялся за нее. Кажется, так оно и было. Упал он, дома, сломал кость шейки бедра. Но, ведь это, же не смертельная болезнь! Совсем не смертельная! – уверенно подтвердила врач. Так вот, я заглянул тогда в его глаза – в них была пустота! Да, действительно! Помню, что я еще поразился его взгляду. В его глазах не отражалась даже боль – одна бесчувственность! Отжил свое – и, слава богу! – так можно было понять его взгляд. Не пролежав, в больнице и месяца, тесть тихо ушел из жизни. Но, с моим стариком совсем другой случай!

Ваш отец сказал, что у него есть еще и младший сын – Данила, он что, разве, не приедет? – перебила меня она. Последовало молчание. Похоже, что не приедет, - нехотя, ответил я врачу, после паузы. Если бы хотел, то давно бы приехал, и никакого особого приглашения тут не нужно. Диагноз ему хорошо известен! Почему так? – не поняла собеседница. Не знаю точно! – ответил я.

Наверное, потому, что год назад взял он у старика взаймы крупную сумму, триста тысяч рублей, под расписку, на два месяца. За ста тысячами приехал сам, а за остальной суммой сына взрослого прислал – Гришу. Оба расписки и написали. Вот, с тех пор, и пропал. Ни слуху от него, ни духу. Нина Юрьевна удивленно вскинула брови, но ничего не сказала. Помолчав, я продолжил объяснение. Не столько для нее, сколько для себя – пришла пора назвать вещи своими именами. - Кстати, у брата есть обширное поместье по Новорижскому шоссе, бывший пионерлагерь, размером с десять футбольных полей. При всем уважении к Вашему учреждению, за городом старику было бы не хуже. А, действительно – почему не приехал? Забрал бы, отца, посадил бы, его в коляску, да катал бы, по обустроенным дорожкам, среди аллей! Не взял, не нужен, значит!

Врач продолжала внимательно слушать, и было, похоже, что ее первоначальное недоумение сменилось глубокой задумчивостью. От нее во многом зависело состояние отца, и я продолжил повествование. Жена у него там обосновалась, прочно. Бывшая медсестра, кстати, недолго проработала, правда. Потом, секретаршей его стала, женился он на ней. Как Лучано Паваротти, тот тоже, на секретаршах женился! – и в кабинете

раздался веселый смех. Но, Нина Юрьевна, почему-то не поделила моего веселья, и я продолжил. Двадцать лет она не работает – ему же, ее кормить надо! А, родня этой приживалки для него теперь дороже отца родного! Тут я не удержался, и скривился. Потому и не появляется – сказать-то, нечего! Как он старику в глаза просмотрит! Отцу, конечно, было обидно. Просил, иногда, принести расписки и подолгу смотрел на них, без слов. Переживал, сильно! – тут мой взгляд, на мгновение стал жестким, но я тут, же обозначил мягкую улыбку. Да и, фамилию брат переменял. Данила Дефье теперь называется.

Ну, да бог с ним, с Данилой. Он всего лишь, один из носителей той идеологии, которую я не приемлю. - Идеологии? Какой идеологии? - Да, будет Вам! Вы, как будто, на облаке живете! – вырвался невольный упрек. Нет, конечно! Заведующая отделением жила не на облаке, и это было понятно. Просто, наверное, ей хотелось понять – что за человек сидит в ее кабинете? Ведь, от поддержки родственников во многом зависело состояние пациента. Интересовалась, так сказать, с медицинской точки зрения.

- Какой идеологии? Воровской идеологии, вернее, идеологии воров! И, не секрет, что нашлось немало людей, поддавшихся их пагубному влиянию. Тут, легкая усмешка пробежала по губам заведующей отделением. Воодушевленный, я продолжил. - С ней, и борюсь, как писатель. Привлекаю внимание общества к злободневным проблемам. Как говорится – слово за собой полки ведет! Доходит отклик. Есть публикации, зарубежные, в том числе. Умолчать о своих скромных заслугах в борьбе с вселенским злом я, понятное дело, не смог. А, Вы не пробовали поговорить с Вашим братом? – поинтересовалась, напоследок собеседница. – Поговорить? О чем? – тут, я искренне удивился. Пристыдить, что красть нехорошо? Они знают! Разговор с носителями этой идеологии, на мой взгляд, возможен только один! – и последовал характерный жест рукой, показывающий, какой именно разговор я намерен вести с ними в дальнейшем. Что-то резок я стал в суждениях! – охладил свой пыл. А вот, не дрогнет ли рука, когда придет время?

Не знаю – признала ли заведующая отделением во мне великого писателя, или нет, но после того разговора отношение ко мне в корне изменилось. На меня более не смотрели так недружелюбно, как поначалу. Прекратились напоминания о том, что больше недели пациентов здесь не держат – очередь большая! Конечно, так оно и было! За короткий промежуток времени в палате отца поменялось два соседа. А, про то, что пора бы выписывать и моего старика, казалось, забыли. Ну, и я передвигался по коридорам тихонько, стараясь, лишней раз не напоминать о себе.

Незаметно втянулся в новый режим. Начались регулярные хождения в Хоспис. По утрам, примерно в одно и то же время, следовал звонок Нине Юрьевне, и я справлялся о здоровье старика. Естественно, что потом связывался и с Галей, и выслушивал информацию уже от нее. Для полноты картины, так сказать. Она говорила то же, что и заведующая отделением, но уже простым языком, проще и понятнее. Примерно через день, или через два, я приезжал в Хоспис, и смотрел на все своими глазами. Вскоре, ко мне привыкли, и воспринимали визиты, как должное. Хоспис оказался небольшой, и я быстро перезнакомился со всем персоналом. Нелегко давались эти визиты. Боль и страдание, буквально, висели в воздухе и, проходя к палате отца, я чувствовал, что раздвигаю их руками.

Мимо, с озабоченным видом, сновали врачи, буфетчицы разносили аппетитную еду, дежурные медсестры сидели за пультами мониторов, и непрерывно наблюдали за тем, что происходило в палатах, изредка, появлялись родственники в бахилах. На тридцать коек персонала, казалось достаточно, и должный уход, несомненно, они обеспечивали. Так, незаметно, минула первая неделя, наступила вторая, а меня, пока, не торопили с выпиской. Пришла пора немного перевести дух, подвести первые итоги. Состояние Деда, без сомнения улучшилось, но он оставался еще очень слабым. Шла Олимпиада, но смотреть соревнования старик уже не мог, без посторонней помощи ему трудно было поднять голову. По настоятельной просьбе, железную кровать отца стали выкатывать во двор, на прогулку, так сказать.

В один из дней, присев на лавочку во дворе Хосписа, я задержал взгляд на ухоженных клумбах, обильно усаженных розами. Красота! Чистое, ухоженное место. Маленькое, только. Солнечные лучи уходящего лета грели так ласково, что я охотно скинул обувь, и наслаждался желанным теплом. Старик тихо дремал рядом, на кровати. Вокруг казалось безмятежно и спокойно, и только изредка, рев несущихся мотоциклов напоминал о том, что поодаль проходила оживленная трасса. Дыхание большого города не давало-таки расслабиться полностью.

Опять этим летом к любимому Черному морю не съездил! – равнодушно отметил я про себя, нисколько не жалея об упущенной возможности. Не жалел потому, что по привычке, успел неплохо загореть и на московских прудах. Ладно, бог с ним, с морем – здоровье старика дороже!

Мимо, несколько раз прошли симпатичные медсестры, с любопытством поглядывая на нас, да еще одинокая пожилая женщина, тяжело ступая, выбралась из палаты и устроилась поодаль, в тенечке. Может быть, подлатают немного старика, протянет еще? Уход у них, определенно, хороший! Это я отметил, как бы, между делом, хотя,

безусловно, на тот момент это была главная мысль, беспокоившая меня. Вместе с тем, не вызывало сомнения и то, что лучше старику уже не будет. Правильно ли я сделал, что привез его сюда? Хорошо ли ему здесь? Вроде как, успокоился он за последнее время, но домой все равно просится! Долго ли продержат его в Хосписе? Что думает себе Нина Юрьевна?

Все эти глубокие размышления закончились привычным для живущих на Руси людей выводом – авось, вынесет, нелегкая! И еще – бог не выдаст, свинья не съест! Сколько протянет еще Дед на белом свете? – без затей, обратился я к Гале, во время планового обсуждения дел. Это может произойти сегодня, завтра или послезавтра, – спокойно ответила она, бесстрастно, как робот. – А, сколько его еще продержат? Вот, тут, она отвечала уклончиво. Не знаю – будет день, и будет пища! Пища! Старик стал, очень мало есть. Поел нулевой бульон! – такой ответ приходилось слышать за последнее время. Что такое нулевой бульон – понятно было и без разъяснения. Увы, лучше старику уже не становилось.

Врачи облегчили его страдания, может быть, даже замедлили болезнь, но остановить ее они были уже не в состоянии. Держался старик, как всегда молодцом, ни на что не жаловался, но вот, какого ему приходилось на самом деле? Понятно, что несладко! Интересно, что скажет Нина Юрьевна на этот раз? – думал я, в очередной раз, направляясь в Хоспис. Зайдя на территорию, я замедлил шаг. Обычно опрятная дорожка, на сей раз, оказалась почему-то обильно посыпана лепестками роз. Живые розы, растущие на клумбах, спокойно покачивались на ветру. Тихо играла приятная музыка. Странно! Ласково грели последние солнечные лучи уходящего лета. Но, любоваться природой, не было времени – скорее, к старику! Соседа у старика поменяли, и рядом, на кровати, сидела сухонькая старушка – жена нового постояльца. Поздоровались.

Состояние отца поразило меня. Он казался, спокоен, но как-то нехорошо спокоен. Почему-то, заволновался я тогда, глядя на него. Напиши обо мне! – тихо попросил отец. Я насторожился еще больше. Это, что-то новенькое! Никогда Дед раньше не просил прославить себя. Он вообще, редко обращался с просьбами. Не иначе, как психолог основательно поработал с ним! Тем не менее, нашлось, чем порадовать Деда. Уже написал! – оживленно кивнул я в ответ. Рассказ называется “Три смятых конверта”. Помнишь? Отец едва улыбнулся в ответ. Понял, значит, о чем шла речь. Уже широко опубликовали, легко найти в Интернете! – добавил я, но старика уже утомила наша беседа, и он закрыл глаза, показывая, что хочет отдохнуть.

Выходил я от него в глубокой задумчивости. Уже не оставалось сомнения в том – что время коротко! Не хотелось думать о том, как буду жить дальше, хотя вопрос о квартире, безусловно, вызывал беспокойство.

Братец цепко вцепился в свою долю! Да, ладно! Я пытался понять – что еще можно сделать для того, чтобы продлить жизнь старика. Вот, только – надолго ли? Минуло еще две недели. Как обычно, я направился по знакомому маршруту. В тот день, в Хоспис приехали телевизионщики, и в холле толпились молодые бородатые мужчины, на полу лежала аппаратура. Я надевал бахилы, когда рядом присела молодая симпатичная женщина. Здравствуйте! – обратилась она. – Здравствуйте! – Вы навещаете своего родственника? – Да. – А, как его фамилия, и сколько ему лет? Последовал ответ. Показалось, что ответ не заинтересовал ее. Женщина встала и ушла. Ну, и бог с ней! Пройдя через холл, я открыл дверь в коридор, ведущий к палатам. Но, не успел сделать и шага, как прямо в лицо уткнулась большая камера на плече у бородатого оператора.

Здравствуйте! – поздоровался я с камерой и с пятившимися назад оператором. Он не ответил. Обойдя его, я поспешил в палату, к Деду. Отец узнал меня, чуть, улыбнулся уставшими губами. По обыкновению, правой рукой я взял старика за его здоровую, правую руку. И, вздрогнул! Какой же холодной показалась его рука! Черт побери! – эмоции перехлестывали через край. Все! – тихо произнес старик, еле шевеля губами. Теперь – все! Я печально усмехнулся. Вспомнил, что отец предупреждал, что когда почувствует конец, то скажет – все! – Только не вздумай сам уходить! Понял? Когда придут за тобой – тогда, только. Не раньше! Понял? – еще раз, повторил я настойчиво. Отец глазами показал, что понял.

Ничего, Дед, перейдешь в другое измерение! – продолжил речь. Будешь оттуда, сверху, наблюдать за нами. Тут я сделал медленный жест левой рукой, показывая в потолок. Старик едва усмехнулся. Твой разум, твоя душа не исчезнут совсем. Они оставили свой след на Земле! Кстати, я искренне верил в это, и продолжаю верить сейчас. Тут, я продолжил осторожный жест левой рукой и, описав полукруг, остановил ладонь перед белым лбом старика. Черт побери! – еще раз, повторил я про себя. Теперь время – совсем коротко! Чем бы, побаловать старика? Попьешь, водички? – предложил я ему. Отец, чуть, кивнул. Отпустив его руку, я рванулся к холодильнику, и достал бутылку минеральной воды. Холодненькая! То, что надо. Хочет пить – И, слава богу! С трудом, сделав пару глотков, отец обессилено откинул голову и закрыл глаза. Устал, значит. Поставив бутылку на столик, я стол рядом с кроватью старика и не торопился уходить. Все смотрел на его белое лицо.

Идите, идите, я посмотрю за ним! – привычно кивнула медсестра, заходя в палату. Перед уходом, я зашел попрощаться к Нине Юрьевне. Ваш брат так и не приедет? – сухо и официально осведомилась она. Наверное, она обязана была задать этот вопрос. Ответил я так же, сухо и официально. Три месяца назад, по просьбе старика, я звонил ему. Отец говорил с ним,

просил его приехать. Он обещал. Так, до сих пор едет! Мы не можем больше держать Вашего отца, готовьтесь к выписке! – продолжила заведующая отделением. Хорошо! – последовал ответ. Когда? – На той неделе, не позже среды! А, была пятница. Я кивнул, сухо поблагодарил врача и покинул ее кабинет.

На улице, по-прежнему, ярко светило солнце, но настроение было так себе. Что же, подлечили старика, маленько – и, хватит! На автобусной остановке в сторону метро, я увидел Галю и, обрадовавшись, расплылся в широкой улыбке. Хорошо! Сейчас станет понятно, как надо жить дальше! Ну вот, только что объявили, что в среду старика выписывают! – доложил я, но тут, же понял, что она знает об этом и без меня. Никак не отреагировала. Только, по привычке, чуть наклонила голову набок. И, что же будет дальше? – поторопил я ее с ответом. – Что дальше – дальше, его перевезут в другой Хоспис, и будут держать там! У нас всегда так поступают с отказниками, – как обычно, безапелляционно, и главное, вовремя, подсказала социальный работник.

Слово “отказники” прозвучало резко и осуждающе. Нет-нет! – заволновался я. Никакого отказа не будет! Передайте там, – и, я махнул рукой в сторону Хосписа, – передайте там, что я обязательно заберу старика! Ну, и правильно! – одобрила Галя. Впервые она дала оценку. Обычно, просто констатировала факты. И, правильно! А то, в другом Хосписе отношение к нему будет уже другое! У нас он, свой человек! Объяснила! По большому счету, в другом Хосписе старику вряд ли было бы хуже, чем дома. Там, все-таки, врачи, медсестры. Но, тут уже в дело вступали другие, нравственные принципы. Никакого отказа не будет! – повторил я твердо. Заберу старика! Да поняла я, поняла! – улыбнулась Галя. Передам! Компанейский, все-таки, она была человек! – Ничего, полежит дома, как-нибудь, справимся. А, через три дня снова сюда, на лечение! Через три дня не получится, не раньше, чем через неделю! – последовал ответ. – Эх, возить только, туда-сюда! Ну, пусть будет неделя, продержимся! Попрошу Вас, только, приходите к нам каждый день. Без Вас – не справится! Посмотрим, что будет завтра, – уклончиво ответила Галя.

Так, за разговорами, мы сели в автобус, доехали до метро и, попрощавшись, разошлись в разные стороны. Минули выходные, наступил понедельник. Против обыкновения, я не поехал навещать старика. Куда торопиться – через день, его все равно выпишут. Увидимся! Неправильно я поступил, неправильно! Во вторник, как обычно, я позвонил в Хоспис, пообщаться с заведующей отделением, а заодно и узнать – во сколько приедет машина с моим стариком? С узбеками, еще собирался договориться, чтобы помогли его поднять. Накануне, Шарифа, под бдительным присмотром, навела относительный порядок, все вроде, было

готово. Ничего, недельку продержимся, потом – снова в Хоспис. Как-нибудь! – утешал я себя.

Почему-то, в то утро я никак не мог дозвониться до Нины Юрьевны, хотя обычно, в это время она брала трубку. Но, в тот раз отвечал незнакомый женский голос. – Ее нет, она на обходе! Перезвоните через десять минут, только перезвоните обязательно. Слово “обязательно” резануло слух. Я насторожился. Вдруг, они подумали, что я отказываюсь от старика? Нехорошо! Я перезвонил через десять минут, через пятнадцать, а все никак не мог переговорить с Ниной Юрьевной. Наконец, она взяла трубку.

Как там мой Дед? – задал я дежурный вопрос, намереваясь, дальше, узнать – во сколько завтра ждать Деда? Примите мои соболезнования, Ваш отец скончался! – после короткой заминки, ответила она. Что-что? – переспросил я, хотя отлично все слышал. Примите мои соболезнования, Ваш отец скончался! – повторила она, чуть громче. Что теперь следует предпринять, какие мои дальнейшие действия? – спросил я, после короткой паузы. Вам следует сегодня же подъехать к нам, и мы на месте все расскажем, – последовал ответ. Паспорт, пожалуйста, не забудьте! – Не забуду!

В тот, последний раз, я не торопился к Хоспису. Некуда, больше было спешить. Медленным шагом я подходил к знакомому зданию, оставляя в памяти его ухоженную территорию. Открыл калитку. Негромкая, но душевная музыка играла и на этот раз, и лепестки роз, также лежали на дорожке. Похоже, что музыку включали тогда, когда уходил пациент! – осенило меня. Припомнилось, что когда-то давно, во время былых поездок по Венгрии, я навещал знакомого старого венгра в госпитале для ветеранов. Так он, тогда рассказал, что, когда уходил ветеран, над госпиталем взвивался национальный флаг с траурной лентой. Хорошая традиция! Похоже, что и здесь держали марку.

Охранник – сама любезность, проводил меня к заведующей отделением, но не в ее кабинет, а в небольшую часовню внутри здания. Нина Юрьевна ждала там. Присаживайтесь! – она показала на кресло, повернутое к алтарю. Я послушно опустил в кресло, и она присела рядом, напротив меня. Интересно, сюда, наверное, и бабушка приходит? Жаль, для меня не пригласили! Не дожидаясь выражения соболезнований, я сам перешел к делу.

Прежде всего, хочу, уважаемая Нина Юрьевна, выразить Вам глубокую благодарность! – обратился я к врачу. Вам, и всему персоналу Хосписа! За заботу, за то, что так долго держали старика, облегчили его страдания. Прекрасно понимаю, что Вы проявили большую любезность, поскольку, на округ с миллионом жителей приходится всего тридцать

коек! Не сказать, чтобы много! Совсем немного! – подтвердила она. Мы сделали все, что было в наших силах. Ваш отец был очень мужественным человеком, ни на что не жаловался! Он никогда ни на что не жаловался! – кивнул я головой. Что послужило причиной смерти? – Интоксикация. – Легко ли он ушел, не мучился? Легко! – подтвердила она. Во сне. Еще в понедельник он был в сознании, но во вторник ему стало хуже, и в сознание он уже не вернулся. Тут, я укорил себя за то, что не навестил отца в последний понедельник его жизни. Все выгадывал, со временем. Прогодал, в итоге.

Затем, перешли к организационным вопросам. В наших силах сделать так, чтобы обошлось без вскрытия – хотите? – предложила заведующая отделением. – Конечно! Зачем терзать старика после смерти, хлебнул он, при жизни, через край! Врач передала бланк. – Пишите! “По настоятельной просьбе родственников...”, - записал я, под ее диктовку. Не было ли у него ценных вещей? – собеседница покосилась в сторону сумки, стоящей на полу, у кресла. Нет, никаких ценных вещей у него не было, - задумчиво ответил я, не прикасаясь к сумке. Брата своего, обязательно предупредите! – напомнила она. – Обязательно! Отправлю ему сообщение – захочет, придет. Данила давно уже обращался ко мне посредством сообщений. Ну, и я отвечал ему тем же. Душевно попрощался с Ниной Юрьевой.

Дальнейшие хлопоты по организации похорон полностью поглотили мое внимание. Оно, и к лучшему – некогда, было печалиться! Отправил сообщение Даниле. Он тут же перезвонил, и сказал, что придет. – Обязательно! Деньги у тебя есть? – Есть! Но, не дам! – захотелось еще, добавить. Переговорил и с двоюродным братом – Олегом. Позвонил старому приятелю отца – Вадиму Сергеевичу, пригласил и его. Если кто-то из сослуживцев захочет прийти, проститься – милости просим! – напомнил ему. Про себя же решил, что даже, если появится и Назарова, бывшая начальница старика, то возражать не буду. “Пусть расцветают все цветы!”, - совсем некстати, пришло на ум известное изречение Мао Дзе Дуна. Ближе к вечеру с работы перезвонили, и незнакомый мужчина – он, конечно, представился, долго расспрашивал – куда следует приезжать, да во сколько начало церемонии? Я объяснил. Ваш отец, ведь, в Ленинграде воевал? – Нет, в Севастополе. Мужчина задал еще несколько вопросов, похоже, писал некролог и, закончив, поблагодарил за ответы. Попрощались. На ходу, улучив минутку, дозвонился и до Гали, и пригласил ее. Она что-то благожелательно ответила, я не разобрал что – за рулем сидел. Кажется, поблагодарила. Прощаться с Дедом она не пришла. Конечно, таких стариков, как мой, у нее было пруд пруди, это надо понимать!

Пока я созывал гостей, жена занималась подготовкой стола. Ты знаешь, дорогая! – обратился я к ней. Похоже, что подъедут еще и сослуживцы отца. Хватит ли, на всех угощения? Пожалуй, закажу еще и осетинские пироги! – забеспокоилась она. Мы, недавно, их на работе так хорошо поели! Насчет пирогов охватили большие сомнения – надо, ли? Пожалуй, нет – не заказывай! Но, она настояла на своем – закажу, обязательно! Ну, жена у меня очень мудрая женщина, знает все наперед, а потому спорить с ней я не стал. А, напрасно. Изредка, можно и поспорить.

Хлопоты, хлопоты! Но, наконец, кажется, все было готово. В назначенный день – наступила пятница, я усадил жену с дочерью и ее старшим сыном в нашу старую Волгу, и мы направились к ритуальному залу шестьдесят четвертой больницы. Чуть, не опоздали, но все-таки, подъехали вовремя. Данила и Олег уже нетерпеливо прохаживались недалеко от входа в зал. Хорошая погода стояла в тот день! Солнечная! Красота! Сухо поздоровались. А, племянник-то, Гриша, не приехал проститься со стариком! – отметил я про себя. А, когда деньги нужны были – явился, не запылелся! Ну, и бог с ним!

Иди скорее – тебя уже спрашивали несколько раз! – Олег, слегка подтолкнул к закрытой двери ритуального зала. Подойдя к двери, я нажал кнопку звонка. Открыл здоровенный дядька с перебитым носом, – проходите! Зайдя в небольшой по размеру зал, я увидел второго мужчину, таких же габаритов, и тоже с перебитым носом. Крепкие ребята! Не иначе, как боксеры, бывшие. Осторожно перевел взгляд на гроб с телом отца. Так спокойно покоился в нем старик! Казалось, что все боли и мучения, наконец-то оставили его. Впрочем, так оно и было. Скромное убранство, простой черный костюм. В этом одеянии старик навсегда покидал наш мир. Тапочки, вот, положили, все тут! – один из мужчин, с виноватым видом, приподнял тапочки, и тут же положил их обратно. Отошел.

Не отводя взгляда, я смотрел на неподвижное лицо своего отца. Громилы, молча, стояли рядом и терпеливо ждали. Через минуту я, как бы, очнулся. – Да, все в порядке! Можно начинать. – Тогда подпишите, вот здесь! Не глядя, небрежно расписался на листочке. – Подождите на улице, сейчас пригласим! Кивнув, я вышел на улицу, и посмотрел на небо, на солнце. Хорошая, все-таки, погода стояла в тот день! Повезло, с погодой! Не спеша, подошел к своим братьям – родному и двоюродному. Жена с детьми стояла поодаль. Подойдите! – подозвал я их. Познакомьтесь! Олега они видели впервые.

Познакомились. Однако, где же сослуживцы? Что-то, никого не видно! В легком недоумении, я осмотрелся вокруг. До этого момента я думал, что мало чему могу удивиться в наше время, но я ошибался. И, выяснилось это очень скоро. Поодаль, скромно переминаясь с ноги на ногу,

стояли два пожилых мужчины, и с ними женщина. В руках они держали по две красных гвоздики. То, что Вадима Сергеевича не будет – я знал заранее. Он позвонил накануне, извинился, сослался на плохое самочувствие. Так, может быть – они? Приблизившись, я поинтересовался, – вы, не с нами? Нет, не с вами, – сразу же отказались они. – Извините! Я вернулся к братьям. Помолчали. Чуть, подняв голову и прищурившись, снова посмотрел на солнышко. Стало понятно, что сослуживцев не будет.

Отметил про себя очередной наглядный знак подлых правил новейшего времени. Заслуженного человека, сорок лет проработавшего в институте, доктора педагогических наук, ветерана – орденоносца, автора пяти учебников и сотен научных статей, не пришел проводить ни один сотрудник из его родной Академии Образования. Видимо те, кто хорошо знал его – сами глубокие старики, которые еле ноги переставляли, просто не смогли прийти, а молодежь, так и не приучили еще к почтению к старшим. Тогда, чему удивляться? Это объяснение, может быть, и подходило для меня самого, но никак не оправдывало его сослуживцев. Может быть, Татьяны испугались? Где будет эта Назарова через пару лет! Пришли на ум слова из песни Володи Высоцкого, – “...я отменяю воинский салют, не надо мне гражданской панихиды...”. Как раз, про моего Деда! Усмехнулся сравнению. Ничего – время собирать камни, и время разбрасывать камни! – напомнил я себе.

Тем временем, двери ритуального зала широко распахнулись. Проходите! – пригласил один из бугаев с перебитым носом. Зашли в зал. Встали с той стороны, где подсказал смотритель. Помолчали. Возложили цветы и, немного постояв, вышли наружу. На улице, ко мне осторожно приблизился водитель автобуса – крупный мужчина с красным мясистым лицом. Вы не будете возражать, если я подскажу весь ритуал, и помогу, где надо? – обратился он с вполне понятным предложением. Подскажите! – согласился я, и переместился к братьям. Покурим? Никто из нас не курил, но предложение было понятно. Братья закивали головами. Помолчали. К нам осторожно приблизился один из бугаев с перебитым носом. Поезжайте! – предложил он. Пока вы не отъедете, следующая процессия не сможет начать процедуру прощания. Действительно, в стороне уже толпились люди, с цветами. Не торопясь с ответом, я посмотрел на открытые двери нашего старенького автобуса, на краснолицего водителя, переминавшегося с ноги на ногу. – Сейчас поедем! Пять минут покурим, и поедем! – вежливо ответил я ему. Я вообще, очень вежливый мужчина! Нет, никто из нас не курил. Мы просто стояли и грелись на солнышке.

Да, вот какое дело! – раздался голос Олега. Расскажи про последние дни старика – ты ведь, положил его в Хоспис? Тут он, аккуратно взял меня под локоть, и сделал попытку отвести в сторону, очевидно зная, про

непростые отношения с Данилой. Но я, осторожно высвободился и остался на месте. Пусть, брат послушает, получит информацию из первых рук. В двух словах описал последние дни старика, не забыв упомянуть и о том, как ему приходилось тяжело и как все отдавали дань его мужеству. Отчего он умер? – спросил Данила. – Интоксикация! Видя недоуменные лица братьев, я пояснил. Интоксикация – отравление организма продуктами распада. Они закивали головами.

Ладно! – свернул я беседу. Сейчас автобус поедет в храм на Нахимовском проспекте, на отпевание, а оттуда уже – в крематорий. Потом прошу всех к столу, на поминки. Это я произнес уже для Данилы. Я еду с вами! – воскликнул он. – Конечно! Мы вошли в автобус, и расселись по местам. Гроб с телом отца уже погрузили. – Поехали! Ехать было недалеко, и вскоре показались сверкающие на солнце золотые купола. Это была одна из тех церквей, которые ускоренными темпами возводили в Москве за последние годы. Красиво, надо признать, возвели, и место выбрали подходящее – на пригорке, у старого пруда. Внутри с убранством было закончено. В этом я убедился накануне, когда договаривался о службе, а вот, снаружи, еще оставались недоделки. Когда автобус подъехал, рабочие в оранжевых спецовках, азиаты, конечно, как раз обустроивали территорию – мостили дорожки плиткой, устанавливали черный забор из узорчатых решеток. Ну, ничего! Москва, тоже, не сразу строилась, и к шуму работ нам не привыкать.

Мы вышли из автобуса, размяли ноги. Поодаль, заработал отбойный молоток, и сразу стало шумно и некомфортно. Появился служитель, и предложил занести усопшего в храм. Здесь будете проводить ритуал прощания, или в крематории? – спросил он. Здесь! – ответил я после секундной паузы. Как звали усопшего? – задал он, еще вопрос. – Альфред! Мы с братом, Олег да водитель, взялись за гроб, и занесли его внутрь храма. Служитель показывал дорогу. Внутри храм выглядел довольно богато. Блестящий мраморный пол, с узорами, соответствовал торжественной обстановке. Выносная икона, перед которой установили гроб, поражала богатым окладом. Алтарь весь сверкал золотом, золотая же люстра висела под сводами.

Несколько женщин в платках встали перед подставкой для нот, служитель храма переставлял подсвечники и еще какие-то предметы. Краснолицый водитель автобуса устроился на лавочке, у стены, рядом с какой-то древней старушкой. Внутри храма воцарилась тишина. Все ждали батюшку. Еще раз обвел глазами убранство храма. Напротив, по ту сторону открытого гроба, в котором покоился отец, стояли два моих брата – родной, и двоюродный. Оба крепкие, солидные мужчины. Профессор и землевладелец. Со мной, писателем, стояла жена врач, дочь школьница, и

старший сын жены – студент. Возникла пауза. Я пристально смотрел вокруг – такие картины запоминаются на всю жизнь. Изредка, бросал взгляд на белое и такое спокойное лицо отца. Пройдет немного времени, и больше я его никогда не увижу! Нас, молча, обошел служитель, и раздал каждому по свечке, с нанизанным на нее клочком бумаги. Пауза затягивалась. На улице по-прежнему бойко стучал отбойный молоток, и стало неприятно слушать производимый им шум. Я снова, с беспокойством, посмотрел на белое лицо отца – выйти, что ли, и настоятельно попросить рабочих прекратить работу? Но, моего вмешательства не потребовалось. Распахнулась дверь, и в храм быстрыми шагами вошел батюшка. Полы его черного одеяния развивались на ходу. Стоило только ему появиться, как шум на улице, как по команде, разом стих. Кивнув служителю, он встал у изголовья гроба.

Хор женщин тихо запел красивую песню, церемония отпевания началась. Батюшка оказался довольно молодым человеком, лет тридцати пяти, не старше, худощавый, и немного выше среднего роста. Зажгли лампадку. Хор, на время замолчал. Откуда-то сбоку, выступила женщина в платке и, чуть повысив голос, четко, нараспев произнесла несколько куплетов молитвы. Затем, перекрестилась, и также незаметно отступила вглубь храма. А-а, это, наверное, та самая женщина, которая читает поминальную молитву – Сорокоуст! – осенило меня. Накануне я заказал поминальную молитву. Неплохое вступление! Безмолвной тенью, нас обошел служитель, и раздал каждому по свечке, с нанизанным на нее листочком бумаги.

Снова зазвучал хор. Пели хорошо, то повышая, то понижая голоса, и мелодичные напевы брали за душу всех присутствующих. Об этом легко было судить по сосредоточенным лицам. Служитель снова обошел нас с зажженной свечкой, и помог зажечь те свечи, что мы держали в руках. Поравнявшись со мной, тихо спросил, - какое имя следует записать? Имени Альфред нет в святках. Есть имя Альфий. Откровенно говоря, куда следует записать, и зачем, мне не было известно, зато сразу стало понятно, что от ответа зависит очень многое, может быть, даже то, как встретят Деда там, на небесах. Я вопросительно посмотрел на жену, но она не подсказала, оставила решение за мной. Альфред! – шепнул я уверенно. При жизни он был Альфредом, пусть им и останется! Кивнув, служитель отошел. Батюшка, несколько заикаясь, начал вступительную речь. Впрочем, заикался он только поначалу, но быстро взял себя в руки, и все пошло, как по маслу, как и положено в православном храме. Говорил он правильные слова, может быть, слишком налегал на слово “прощение”, но так, наверное, и должно было быть. Я прислушался к словам батюшки. Вы прощаетесь сейчас только с телом, но душа усопшего находится среди вас,

и смотрит на вас, и оценивает ваши поступки! – тихим голосом говорил он. При этих словах я, чуть было, не закивал головой. Настолько созвучны они оказались моим мыслям!

Вещал он простые, вроде слова, но они, вне сомнения, отзывались в душе каждого из присутствующих в храме людей. Даже водитель автобуса, сидевший у стены и, несомненно, немало повидавший на своем веку, поднялся с лавочки и, сделав несколько шагов к центру зала, остановился, сложил руки на груди и, со смиренным видом внимал монологу. Пение, с перерывами, продолжалось. Время от времени, к стройному женскому хору подключался и бог весть, откуда взявшийся мужской голос, и вместе они звучали, весьма душевно. Я все боялся, что такая торжественная церемония закончится раньше времени, но батюшка не спешил, уверенно вел отпевание, давая возможность каждому заглянуть в свою душу. Свечи в наших руках все таяли.

Подойдите, и попрощайтесь с усопшим! – предложил, наконец, священник. Первым к гробу шагнул, естественно, я. Иконку поцелуйте! – подсказал батюшка после того, как я коснулся губами бумажки на лбу у старика. Протянув руку, я намерился взять иконку. – Нет-нет! Надо поклониться! – снова последовала подсказка. Наклонившись, дотронулся губами до иконки, и вернулся на место. Подобное действие повторили все люди, стоящие у гроба. Закрыли крышку. Взялись за гроб и, обогнув выносную икону, вслед за батюшкой вышли на белый свет, во двор храма. Погрузили в автобус. Процедура была закончена.

Священник быстрыми шагами направился к храму. Спасибо, батюшка! – поблагодарил я его на ходу, и вернулся к автобусу. Краснолицый водитель старательно обозначал работу, постукивая молотком по крышке гроба. Пару гвоздей вогнал – не больше! – машинально отметил я по себя. У автобуса стояли два моих брата, родной и двоюродный, Данила и Олег. Жена с детьми прогуливалась поодаль. Рабочих вокруг не было видно, и лишь, оставленный ими прямо на земле инструмент свидетельствовал о том, что они где-то рядом, недалеко. Здесь мы простимся, дальше я не поеду с вами! – объявил Данила, когда я приблизился. У меня деловая встреча! – добавил он, поспешно. Олег удивился и, хотел было, возразить, но движением руки я остановил его. – Поезжай, конечно! Дела важнее всего! попрощаться с ним по-людски? Да! попрощайтесь, Данила уходит! – позвал я свою семью. Приблизившись, они попрощались с братом. Резко повернувшись и, поигрывая ключами от машины, Данила быстрыми шагами зашагал прочь от автобуса. Навсегда попрощались! – четко отметил я про себя. Отец был последней связующей нитью. Впрочем, объявится еще, прибежит делить квартиру. Хотя, там уже адвокаты будут работать. Большого сожаления от ухода брата я не

испытывал. Поведение его было предсказуемо, и другого я и не ожидал. Данила давно уже выбрал свою дорогу. Хорошо, хоть, до церкви доехал!

Его уход был настолько стремительный, что он даже забыл взять фотографии из архива, которые ему подготовил по его же просьбе. Фотографии забыл, догони, пожалуйста, передай! – обратился я к Олегу. Олег, подхватив сумку, бросился выполнять просьбу. Через минуту он вернулся. Догнал. - Я ему говорю – куда же ты? А, он, как вскипел! – мне ехать надо! – доложил Олег. Пусть едет! – последовал ответ. Как-нибудь, без него управимся. Нам тоже пора! Водитель уже завел автобус и нетерпеливо поглядывал в нашу сторону. Дети, вы с нами не поедете! – это уже, решительно, потребовал я.

Старший сын жены, молодой человек двадцати трех лет, охотно откликнулся на слово “дети”. Дочь, попробовала было, возразить, но я решительно перебил ее, - домой! Дальше сами справимся, а вы стол накрывайте. Стол, конечно, был уже давно накрыт. Поехали! При посадке в автобус Олег, чуть, придержал меня и, не спрашивая, сунул в карман рубашки сложенную пятитысячную купюру, - возьми, пригодиться! Я, с благодарностью, кивнул в ответ. Деньги оказались очень кстати! Как всегда, впрочем. А, Данила так и не передал денег? – поинтересовался он. Забыл, торопился очень! – усмехнувшись, ответил я ему. А, сам подумал, - не дал! Хорошо, что не взял! Подняв голову, я бросил благодарный взгляд на кресты, над золотыми куполами, и сел в автобус. Автобус тронулся с места. Дальнейшее действие выглядело уже совсем не торжественно, и я похвалил себя за то, что отправил детей домой. Автобус долго трясся, сначала по московским дорогам, а затем, и по разбитому асфальту за городом. Периодически попадали в пробки, внутри пахло бензином. Наконец, приехали. На площадке, перед зданием крематория, стояло несколько процессий – люди ждали своей очереди. Едва мы вышли, я обратил внимание на тонкий белый дымок, непрерывно вьющийся над крышей.

Неожиданно, из трубы повалили клубы густого белого дыма. Продолжалось это недолго, не больше минуты. Затем, тонкий белый дымок вновь завился над зданием. Ага, понятно! – взял на карандаш это явление. Водитель ушел договариваться, и позвал меня тогда, когда наступила пора подписывать бумаги. Привычно, подписал. Подошла наша очередь. Водитель привлек двух каких-то парней, и они споро переместили гроб в ритуальный зал.

Он показался довольно большим, но каким-то мрачным, полутемным и совсем не торжественным. Церемония прощания там оказалась весьма короткой. По подсказке женщины, ведущей церемонию, мы дотронулись левой рукой до крышки гроба и затем, наблюдали за тем, как за ним,

навсегда, закрылись маленькие железные ворота. Один из парней, помогавших заносить гроб, стоял рядом и часто, с поклонами крестился. Его суетливые движения смотрелись, скорее, комически. Не вызывало сомнения то, что парень просто обрадовался внезапно полученным деньгам, и стремился честно отработать их. Я похвалил себя за то, что выбрал правильное решение, простившись с отцом там, в храме, на Нахимовском проспекте.

На улице, я отошел в сторону и, задрав голову, наблюдал за тем, как, пыхнув, из трубы повалил густой белый дым, который вскоре иссяк. Все! Земной путь старик завершил окончательно! На обратной дороге нас так трясло, стоял такой сильный запах бензина, что я не чаял, когда доедем. Изредка, посматривал на водителя – как он, бедный, выдерживает такие нагрузки! С трудом, постояв в пробках, доехали, наконец, до дома. За большой накрытый стол мы сели втроем – я, жена и Олег. Чуть позже, к нам присоединились и дети. Пирогов хоть, осетинских, наедемся до отвала! – не сдержался я от замечания. Жена ничего не ответила. Налили коньяк.

Тогда, я поднял рюмку, и обвел взглядом нашу скромную кухню, где еще недавно сидел отец. - За старика, за Альфреда! Помянем достойного человека! – и, резко опрокинув рюмку, выпил ее до дна. Светлая память! – раздались голоса, и жена с Олегом последовали моему примеру. Дальше? Дальше завязался оживленный разговор, и каждый из нас, включая детей, нашел доброе слово для того, чтобы почтить память усопшего. Отец прожил долгую жизнь, почти восемьдесят три года, и ушел из жизни достойно. И, хотя не удалось провести пышных похорон, как он того заслуживал, но проводили его по-людски, как и положено, и его прах теперь спокойно покоится в одной нише рядом с прахом моей матери. Светлая память им обоим! Старик прожил ровно столько, сколько и отвела ему опытный врач из онкологического центра. При самых благоприятных обстоятельствах! – добавила тогда Зинаида Ильинична. Значит, благоприятные обстоятельства я старику, все-таки создал. Эх, Дед, Дед! – иногда, восклицаю я про себя. Пожил бы ты, на Свете, еще хотя бы пару лет! Не знаю, откуда взялась эта цифра, но иногда мне кажется, что прояви я чуть больше внимания и заботы к старику, он смог бы еще протянуть и этот срок. Но, все надо делать вовремя!

Разбирая бумаги Деда, глядя на старые фотографии, я поразился – какой значительный отрезок истории охватила его жизнь! Вот он, совсем еще ребенок, в матросской форме, на корабле. Надпись на бескозырке – “отряд траления Ч.Ф.”. Шла война, и он разделил судьбу тысяч подростков, ставших воспитанниками в воинских частях. Вот он, уже молодой человек, матрос, курсант военного училища, среди таких же молодых и крепких

парней. А, вот - главный тренер по водным видам спорта, тут уже, отец выглядел посolidнее. Дальше - научный сотрудник. Многочисленные конференции, ввод в строй нового спортивного оборудования и спортивных сооружений. Этому отец и посвятил всю оставшуюся жизнь. В последние годы много работал и над своей поэмой - "Кружение".

Ба! - а вот, и Татьяна! На фотографии она выглядела еще молодой, и даже симпатичной женщиной. И, отец - молодец! На снимке запечатлен момент, когда сотрудники лаборатории отмечают какой-то праздник. Радостные, открытые лица! Наверное, делить, особо было нечего. Как не похожа здесь Назарова на ту гадкую старуху, которую довелось видеть мне, в Академии! Проходит образ мира сего! Среди бумаг отца оказалось столько материала, что хватило бы целому институту! Прояви, Татьяна, хоть каплю чуткости и терпения! Ну, да что теперь говорить.

Без преувеличения можно сказать, что Дед разделил судьбу страны, в которой жил. Вместе со всеми, радовался успехам, огорчался неудачам и, несомненно, вносил свой скромный вклад в развитие общества. Конечно, имел и недостатки, но он был порядочным человеком. Подлец, а уж, тем более, вор, очень неуютно чувствовали себя в его присутствии. Пока у него были силы, бил он их, безжалостно. Бил, невзирая на должности и на богатство. Доставалось и ему, конечно. От него я научился тому, что подлецов надо всегда бить. И, если какая-нибудь сволочь, хоть бы, и занимающая высокий пост, продолжает жировать, то лишь, только потому, что я пока не добрался до его поганой глотки, чтобы сомкнуть на ней пальцы железными клещами. Впрочем, гораздо важнее подготовить общество к неприятию сволочных порядков. Но, не буду сильно отвлекаться!

Хотя, разговор о том же! В последние месяцы жизни старику приходилось очень тяжело. Отказывалось слушаться тело, усиливались боли. Но, наряду с физическими страданиями, Дед, несомненно, испытывал страдания и нравственные, поскольку столкнулся с черствостью, равнодушием и откровенным предательством. Но, он не жаловался, и только по его глазам можно было судить о том, как нелегко приходилось старику. С большим мужеством он нес свой крест, беспокоился о том, что будет с нами после его ухода. Об этом были его последние мысли. С его уходом, калейдоскоп людей и событий потускнел. Воцарилось относительное спокойствие, но я знаю, что это спокойствие обманчиво, это - затишье перед бурей!

Розы! Я никогда не видел раньше, чтобы розы так долго стояли! Минуло девять дней, две недели, а цветы по-прежнему смотрелись, как свежесрезанные, притягивали взгляд. Я воспринял это, как добрый знак от Деда, значит, мои усилия, в целом, старик одобрил. И лишь, через две

недели появились первые признаки увядания. Цветы простояли долго, и завяли лишь, после того, как жизнь вошла в более-менее привычное русло. Временами, глядя на портрет отца, стоящий на видном месте, рядом с портретом матери, я ощущаю на себе его пристальный взгляд. Тогда я прислушиваюсь, к тишине, и словно слышу слова, - я в жизни сделал немало, но многого так и не успел сделать! Постарайся, успеть ты, не теряй время попусту! Постараюсь, отец! – мысленно, отвечаю ему тогда. Я постараюсь!

Алексей БУСС

ПОЙДЁМ ЖЕ ПО УЛОЧКАМ ТОПАТЬ...

ПОДВОРОТНИ

Бывалая кошка в парадном
Моё игнорирует «Брысь!».
Твои подворотни, Саратов,
Какие скрывают миры!

Тут пить на балконе прекрасно
Со старым поэтом портвейн,
Где тополь дворовый и рясный,
И пух – сединой в голове.

Тут в сказки нисколько не верят,
Они тут и были всегда,
Здесь странные старые двери
Ведут иногда в никуда...

Какая выходит алкашка
Принцессой босой на крыльцо!
Не страшно, мой милый, не страшно,
Четыреста лет – молодцом!

Щербат, неумыт, непричёсан,
А всё же родной до слезы!
Чуть-чуть по-татарски раскосый,
Слегка по-цыгански глазлив,

Сноровист, нахрапист, азартен,
Наивный ты мой ротозей!
Твои подворотни сказали
Мне больше, чем целый музей.

Ты жареной пахнешь картошкой,
Ты тиною волжской дохнёшь,
Ты голубю хлеба накрошишь,
Ты спрячешь в колдобинах дождь,

И глядя в витрину пекарни,
По-своему шаркнешь ногой:
«А всё же гляжусь я шикарно!
А всё ж я ещё ничего!»

Пойдём же по улочкам топать,
Здесь Разин живёт за углом,
И с чем рифмовалась «Европа»
Здесь шутят с усмешкой незлой.

Здесь грубо, но честно похвалят,
Тут ласково вам нагрубят,
Здесь воображают рояли
Гармошками ночью себя.

Тут проще, когда ты нелепый,
Яснее, когда подшофе,
И носится прошлого пепел
Меж столиков в новом кафе.

Бывалая кошка в парадном:
Поглажу, какое там «Брысь!»...
Твоих мне америк, Саратов,
За целую жизнь не открыть...

ИГРА В СОЛДАТИКИ

Пахнет в апреле бурьянами
Свежими, новыми, рьяными...
«Сашка, уж ты мне заплатишь-то!» –
Слышится в старом дворе.
Круто симбирская улочка
К Волге сбегает, сутулая,
Дети играют в солдатиков:
Есть тут на что посмотреть!

«Вот вам мои гренадёрские –
Сильные, бравые, рослые –
Выйдут в каре с командирами
В травы лихие полки!»
«Ты не бахвалься, Володенька!
Пушка моя за колодою
Прячется непобедимая!
Знаем, видали таких!»

Вот оловянная конница
За фуражирами гонится,
Где-то на флангах застрельщики
Выйдут в герои сейчас!
Крепостью стало корыто им,
В травах солдаты убитые:
Смотрят на небо апрельское
Точки рисованных глаз.

«Сашка, нечестно, неправильно!» –
«Вовка, счета у нас равные!» –
Спорят азартно противники,
Будто Мюрат и Даву.
Батюшка глянет с усмешкою
И на крыльце чуть помешкает,
Скинуть сюртук и ботинки бы –
И к сыновьям на траву!

Дремлет симбирская улица
Волжскою рыбиной снулою,
Квохчет соседская курица,
Пахнет далёкой грозой...
Меж молодыми бурьянами
Братья играют Ульяновы...
Ветер пронёсся над улицей
И распахнул горизонт...

ГЛУХОЗИМЬЕ

*...И Пушкин падает в голубоватый
Колючий снег...*

Э. Багрицкий «О Пушкине»

Февральский снег невесел, обреченный,
уже не ждёт рождественских шутих.
Он строг и сух, суровый и почтенный,
он глухозимье в душах воплотил.

Февральский снег не ведает иллюзий:
за февралём всегда бывает март.
Он нездоров, одышливый и грузный,
он неизбежно – лёд, капель и пар.

На Мойке – грязь, смятение и слёзы,
и конских яблок терпкое амбре...
Зима дряхла, её почтенный возраст –
в кострах всю ночь он продолжал гореть.

На Мойке снег подмётками затоптан,
сюда следы стекаются, бурля.
Они – не речка, их могучий ропот,
он – будто море, не охватит взгляд...

А бег саней неизмеримо лёгок,
а ведь весна была – рукой подать!..
Но Петербург толпу раздвинул строго
и объявил: «Он умер, господа...»

СТАРОМОДНОЕ

Она словам не верит никогда,
и ищет всё каких-то подтверждений.
А у меня в полях – вода, вода,
и для неё венки стихотворений.

Она так смотрит, будто не поймёт,
а тот ли я, каким я ей кажусь-то?
А я ей напридумывал имён
из ветра, моря, нежности и грусти.

Слова, конечно, зыбкий капитал.
Но что имели, то к ногам бросали,
к ногам любимых мы во все века,
и ленты слов вплетали в волоса им.

Слова любви не прячут в темноте,
и мера ей – не золото в талантах,
её хранит покой библиотек,
там фолианты, а не бриллианты.

Так вот и я – богат одним стихом,
черчу строкою острова сокровищ
и их бросаю ей к ногам легко:
всего-то слово, и на всё лишь слово.

РОМАН

Начни меня снова, как книгу, как старый роман,
в страницах моих цветы пересохшие сжаты.
Возьми меня там, где о прошлом вздыхают тома,
среди сувениров, которые выбросить жалко.

В кругу ночника ты на литеры эти взгляни:
они слеповаты и краской давно уж не пахнут.
Но пальчиком ты по странице веди сверху вниз,
тут в строчках моих затаились восторги и страхи.

Впечатаны тут и следы наши в пущах лесных,
и давних дождей заполошные звонкие струи,
и сны о тебе, беспокойные сладкие сны,
и то, как тебя бесконечно и больно люблю я.

Скрипуч корешок и вот-вот отвалиться готов,
неважный издатель меня как попало проклеил,
но этот роман – он пронизан идеей простой:
я только любить тебя в этой Вселенной умею.

Я годы и годы всё ждал тут на полке тебя,
ладоней твоих – чтобы им без сомнений отдаться,
Как старую книгу тревогой полночной губя,
придёт самый главный и самый любимый читатель.

А дальше... Пусть свалка, контейнер, зима...
Пусть в макулатуре я где-то случайно истлею...
Начни меня снова, как книгу, как старый роман.
Я быть для тебя лишь на свете на этом умею.

Марина СТРУКОВА

КОТ УЧЁНЫЙ

Пушок, крошечный чёрный котёнок с ярко-зелёными глазами, сидел на перекрёстке и плакал, точнее – жалобно мяукал, дрожа от холода. Шелковистая шерстка не спасала от пронизывающего осеннего ветра. Пять минут назад Пушка высадили из машины. Семья, которую он считал своей – двое взрослых и их шестилетняя дочка Наташа, – возвращалась с дачи. Мама Наташи велела мужу остановить машину и сказала:

– Котёнка мы оставим здесь.

Её дочь жалобно воскликнула:

– Но он же погибнет!

– Кто-нибудь подберёт, – невозмутимо отчеканила мама.

– Пушок хороший, он на даче всех мышей переловил! И он мой лучший друг! – канючила девочка.

– А в нашей московской квартире мыши не водятся, нечего там делать коту.

Наташа заплакала. Дверца захлопнулась, и машина укатила. Сначала Пушок растерялся, ему показалось, что сейчас хозяева вернутся. Вокруг шумел подмосковный лес. Пушок выбежал на перекрёсток. Мимо то и дело проносились машины. Асфальт был ледяным, таким непохожим на тёплый дачный пол. Вдруг над головой что-то засвистело, Пушок совсем припал к земле и зажмурил глаза, рядом гулко стукнуло. Жёсткие пальцы подняли его за шкурку, и скрипучий голос прошамкал:

– Чёрный кот – к счастью!

Пушок открыл глаза. Его держала рука древней старухи в залатанной одежде и красном платке, замысловато закрученном на голове. Из-под платка торчали седые космы. Сидела она в ступе, в другой руке держала метлу.

– Баба Яга! – испуганно вскрикнул Пушок почему-то человеческим голосом.

Старуха ощерилась в клыкастой улыбке:

– Смышлёный. Откуда знаешь?

– Мы с Наташей, моей хозяйкой, мультфильмы про тебя смотрели! – пискнул котенок.

Старуха сунула Пушка в карман передника и щёлкнула по ушам:

– Сиди смирно. Сейчас полетим.

– Куда? – пропищал Пушок. Яга взмахнула помелом, ступа затряслась и вдруг оторвалась от земли. Пушок свесил голову из кармана и поглядел вниз – в морозной вечерней дымке удалялась дорога, где мерцали фары машин. Ступа поднялась ещё выше, и взгляду котёнка открылось море лесных крон, среди которых порой мелькали крыши домов.

Ступа гулко стукнулась оземь. Яга выпрыгнула из неё и вытряхнула Пушка из кармана. Котёнок огляделся. Посреди поляны, поросшей пожелтевшей осенней травой, стояла избушка на двух высоких столбах. Вдруг столбы зашатались. Пушок разглядел в траве две большие когтистые лапы. Избушка на курьих ножках! И её котёнок видел по телевизору, когда смотрел мультики с хозяйкой Наташей.

– Повернись к лесу задом, ко мне передом, – пробормотал Пушок.

Избушка закрутилась на месте. Яга стукнула её метлой и огрызнулась на котёнка:

– Не хозяйничай! Ещё молоко на усах не обсохло.

Дверь распахнулась с многоголосым скрипом, словно хором заплакали несколько капризных детишек. Яга забросила котёнка в избушку и поднялась по лесенке. В единственной комнате было сумрачно. У маленького окна стояли стол и скамья. Напротив, у стены – сундук. Справа большая печь и кровать с пышными подушками и пёстрым одеялом. На печи кто-то сидел и тарачился жёлтыми круглыми глазами, не мигая.

Яга достала из печи чугунок и стала прямо из него хватать кашу обгрызенной деревянной ложкой.

– Бабушка, я тоже есть хочу! – выпалил котёнок. Яга щёлкнула пальцами, и на стол бухнулась картонная коробка – такие приносили из магазина Наташа и ее мама. Яга раскрыла её, налила в миску молока и поставила на пол перед котёнком.

– Заклинание знаю, – пояснила Яга. – Что хочу – из магазина перетащу. Жаль, что сила заклинания невелика – недалеко действует. Только на три версты.

– Что такое верста?

– Чуть больше километра. Старое слово, – буркнула Яга. – Знать больше хочешь? Это хорошо. Ведь быть тебе Учёным Котом!

Она хлопнула в ладоши. Сундук распахнулся.

– Книжки, сюда! – крикнула бабка. И из сундука сами вылетели книжки в пёстрых обложках, помахивая страницами, окружили Пушка и наперебой зашелестели:

– Я про леса дремучие, – сказала первая.

– Я про поля широкие, – сказала вторая.

- Я про моря глубокие, – сказала третья.
- Я про небеса высокие, – сказала четвёртая.

Пушок насторожился.

- Запоминай, – сказала первая книжка. – Когда ищешь дорогу в лесу, мох на деревьях и муравейниках всегда с северной стороны. Бояться надо волка, медведя, змею, филина. Вот они, на картинках. А филин кричит: «Ух-ух!»

- Ух! – донеслось с печки. Котёнок распушился и зашипел.

- Это филин, – жалобно сказал он книжке.

- Да. Ты учись, учись.

- Но его же надо бояться. – Котёнок не знал, куда прятаться. Наверное, под кровать. Он туда и бросился. А под кроватью мусора полно – и старые сапоги, и облезлая шапка, и блюдце с яблоком, и коврик дырявый. Но книжки полезли следом и снова котёнка окружили.

Вторая говорит:

- О полях расскажу. Летом там хорошо. Можно выспаться, в хлебах спрятавшись, мышку поймать. Живёт там дед Полевик с бородой из колосьев, посевы охраняет.

Третья говорит:

- Я про моря, если не забыл. Правит морями царь Нептун. При нём свита – нимфы, тритоны. Живёт в море Рыба-Кит, у неё на спине целая деревня поместится. Есть там Золотая рыбка, которая желания исполняет. А на дне жемчуга таятся, янтари, но это тебе, коту, ни к чему. А если о речках и озёрах речь вести, то там тоже русалки есть, водяные и кикиморы.

- По небу можно летать на ковре, в чугуне, на метле... – начала рассказывать четвёртая книжка.

- А ещё в настоящем самолёте и на вертолёте, – добавил котёнок.

- Не знаю таких, – книжка говорит. – На ковре надёжнее, главное – выучить созвездия, чтобы с пути не сбиться да с чужим ковром не столкнуться.

Много книжки котёнку рассказали: какие лечебные травы и где растут, как спрятаться от врагов, кого можно поймать, что нельзя есть, как не попасть в капкан, как перейти дорогу...

Яга в это время жевала сушеный гриб и вязала из серых ниток носок, такой широкий да длинный, что в нём и сама бабка поместилась бы.

- Это на зиму для курьих ножек, чтоб не мёрзли, – пояснила бабка. – Я не со всеми злая. Ко мне лет двести назад поэт забредал, так не съела я его, даже дорогу показала. Очень он моей ступе дивился. Так потом и сочинил:

- Там ступа с Бабою Ягой

Идёт, бредёт сама собой...

А направлялся поэт в Лукоморье за сказками.

Потом Яга взяла корзинку и говорит:

– Сейчас за грибами пойдём, на зиму запас делать. Не люблю я грибы магазинные, да там и нет нужных мне.

Вылезла из избы, котёнок – следом, боялся рядом с филином оставаться. Яга зашаркала сапожищами по листве и хриплым голосом запела:

– Эх, если бы да кабы
Найти вкусные грибы...
Красные, с горошками,
С тоненькими ножками.
Не нужны опята мне,
Не нужны маслята мне –
Только бело-красные,
Для людей опасные.

А котёнок поточил коготки о ствол дерева, поиграл с листвой. Вернулись они домой. Поставила Яга корзинку у порога и ушла за водой к роднику, а котёнок решил поглядеть, что за грибы она собрала.

– Это ж мухоморы ядовитые! – испугался Пушок за бабуку. Конечно, неласковая она, слова доброго не скажет, но заботится о нём. И чтобы жизнь ей спасти, он корзинку лапками в траву оттолкнул и листвой забросал. Вернулась Яга – а грибов и нет.

– Кто взял мои мухоморы? Какие воры?! – затопала Яга ногами и зубами заскрипела. – Разорву, растопчу, грибов с кашей хочу!

Тут избушка куриной своей лапой корзинку выгребла из травы и на котёнка когтистым пальцем указала. Схватила Яга Пушка за шиворот:

– Шутить вздумал?!

– Бабушка, ты ими отравишься! – пищит Пушок.

– Ладно, прощаю тебя, дитя неразумное. – Бабка посадила Пушка на порог. – Мухоморы мне не повредят. У меня всё не как у людей: и изба ходячая, и одежда наизнанку, и правый сапог на левой ноге. И чёрный кот мне дорогу переходит – к счастью. Так что переходи почаще...

И стала Яга ядовитую кашу варить да нахваливать. А котёнка снова книжки окружили. Но тут котёнок понял, что лень ему учиться, надоело. И решил улизнуть. Упёрся лапками в дверь, приоткрыл и на улицу выскользнул. Вдохнул свежего воздуха. Но книжки следом за ним бросились и снова окружили, своё тараторят. Котёнок юркнул в кусты, книги запутались в ветвях и отстали. Бежит Пушок по лесу, вспоминает свою прежнюю хозяйку – девочку Наташу. Как та привязывала фантик на нитку и с Пушком играла, а он ловил. Было на даче свежо, не пахло дымом, как в избушке Яги, и страшный филин на печи не сидел.

Тут выскочили из-за дерева две зеленые девчонки – волосы длинные, как трава, и носы острые:

– Здравствуй, неведомая зверюшка! – говорят Пушку.

Тот обиделся:

– Я Учёный Кот.

– Фу ты, ну ты, какой важный! Хочешь с нами пойти на болото? Мы тебе трясины покажем.

– Про трясины я ещё не читал.

– Лучше один раз увидеть. – И зелёные девчонки стали показывать Пушку дорогу.

Пушок и не заметил, как забрёл в грязь – ни шагу вперёд, ни шагу назад. Увяз. Жалобно замыкал. А вредные девчонки смеются.

– Вот это и есть трясына. Кого хочешь затынет.

– Куда? – дрожит Пушок.

– Сами не знаем. Никто не возвращался. А увязнуть не можем, потому что кикиморы болотные.

Совсем было отчаялся Пушок, но тут над его головой что-то зашумело, котёнка подхватили сильные лапы и выдернули из трясины. Оглянулся Пушок, а это филин. Вынес котёнка на полянку и опустил возле избушки.

– Спасибо, – робко сказал Пушок. И пошёл свои книжки вырывать, которые в ветках запутались. Выручил все, устал. Сидит на пороге, умывается. Лапку полижет, щёчки оботрёт.

«Гостей намываю, – думает. – С гостями веселей будет. Только вот в мультиках к Яге порой и Змей Горыныч прилетает, и Леший приходит...»

Тут что-то в траве зашелестело и вылез оттуда безобидный зайка в белой шубке.

– Привет! – мяукнул Пушок.

– Здравствуйте, – пропищал зайка. – А вы правда Учёный Кот?

Пушок вспомнил, как увяз в болоте, – рано умом хвастаться – и грустно сказал:

– Пока я только котёнок-недоучка.

– А скоро снег выпадет?

– Не знаю.

– Смотри, у меня шубка белая, а снега нет. И все зайцы побелели. Меня легко теперь заметить и волку, и лисе, и псу охотничьему. Видели мы, как подходят к лесу снеговые тучи, но они исчезли бесследно. И деревьям холодно – нечем укрыться-укутаться, и земле...

– Хорошо, постараюсь узнать, что происходит, – пообещал Пушок, хотя не знал, где искать пропажу.

Вот ночью забрался Пушок на печку. Филина уже не боится. Ждёт, когда Яга печь затопит и тепло станет. А та вдруг сама в печь полезла. Ну что за хозяйка! То мухоморы ест, то в печь лезет... Только сажа сверху

посыпалась. Думает Пушок: «Если не днём, а ночью Яга это проделала, значит, хочет, чтобы не заметили».

Набрался смелости и вышел на улицу. Там уже мороз, трава в инее. В небе луна яркая-яркая, к ней тучка подплывает, кудрявится, клубится и тихо напевает:

– Будет всё бело в лесу,
Много снега я несу,
Мягкого и чистого,
Нежного, искристого.
Ведь в такие холода
Всем без снега никуда.
Им деревья греются.
На меня надеются.
Им укроется земля,
А растает – пьют поля
Воду снеговую,
Талую, живую...

И вдруг Баба Яга схватила тучку корявыми ручищами и потащила за собой в трубу. Котёнок сразу в избу вбежал, следит за бабкой. А та тучку встряхнула, что-то пробормотала – и тучка превратилась в пышную перину. Яга тут же её на постель постелила. Тут котёнок увидел, что на постели уже несколько таких перин, синими снежинками вышитых. Хорошо спится Яге на облаках. Наутро собралась бабка куда-то. Вышла, свистнула ступе, та подскочила. Яга влезла, метлой отмахнулась. Ступа взлетела и исчезла за верхушками деревьев. Не знает котёнок, что делать. Вышел и зовёт:

– Зайка! Зайка!
Прибежал зайчонок.
– Облака Яга крадёт, в перины превращает.
– А ты их обратно преврати. Ты же Учёный Кот!

Стал котёнок книги листать. Видит – нарисовано облако и написаны странные слова. Он и прочёл их. Тут перины распушились и стали облаками – избушку заполнили. Всё в тумане! Филин крыльями замахал, облака выгнал, радостно поднялись они вверх. А навстречу – Яга, хочет поймать. Но тут снег пошёл, да что там пошёл – хлопьями повалил, густой, Яга рукой махнула, ступа бухнулась на поляну.

– Кто мои перины загубил? Не дали старые косточки понежить! – Затопала ногами, расшумелась. А избушка опять когтистой лапой на Пушка показывает. Затолкала Яга котёнка под крыльцо метлой. – Неслух! Отдам Кощею на перевоспитание! На хлеб и воду!

Ушла в избу, а Пушка оставила на улице. Выпал снег, уплыли тучки. Сугробы намело огромные, все ёлки, берёзки, осинки стоят в искристых шубках, друг перед другом красой похваляются.

Пушок дрожит на крыльце. Но тут выбежали на поляну зайцы, кричат:

– Слава Учёному Коту! Пойдём с нами в прятки играть.

И все попрятались, вроде рядом где-то, а незаметно их, потому что белые на белом снегу. Пока Пушок бегал и разыскивал их, согрелся. Тут и Яга дверь открыла, кричит басом:

– Кыс! Кыс! Кыс!

Пушок даже сначала не понял, что его зовут, потому что Наташа звала нежным голоском: «Кис! Кис! Кис!»

Вернулся домой, Яга перед ним миску с молоком поставила. Помирились.

Как-то полезла Яга под кровать и достала золотое блюдце с серебряным яблочком. Говорит:

– Покатись, золотое яблочко, по серебряному блюдечку, покажи мне хулигана Васю и умницу Настеньку.

– А кто это? – спрашивает котёнок.

– Это мои пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-правнуки, – отвечает Яга. – Даже в гости ко мне приходят...

Очень интересно стало котёнку, какие у Яги внуки? Должно быть, как она, клыкастые да сердитые.

– Что-то ничего мне блюдце не показывает. Надо разбить его! – Яга говорит.

Котёнок посмотрел на блюдце и спрашивает:

– А помыть не пробовала? Оно же пыльное.

– Вот что значит – Кот Учёный! – Восхитилась Яга. Блюдце вытерла фартуком, и оно засветилось. Смотрят котёнок и Яга – а на дне блюда два симпатичные мордашки показались: мальчик и девочка, оба рыженькие, кудрявые.

– Ну, как у вас дела? – Яга спрашивает.

– Бабка, а ты мне денег дашь на новый смартфон? – спрашивает мальчик. – За то, что я в школе окно разбил! И маму с папой каждый день обманываю! Учителям грублю, двойки получаю и курить начал!

– Ах ты, сокровище, наследник мой ненаглядный! Всё для тебя сделаю. Очень мне нравятся такие детишки – злые и непослушные...

Яга даже прослезилась. А потом у девочки спрашивает:

– А ты как поживаешь, Настенька?

Девочка отвечает:

– Я на олимпиаде по математике первое место заняла. Маме помогаю готовить. В шахматы научилась играть. Наша собака лапу поранила, а я её вылечила – мазью.

– Фу! Фу! – сморщилась Яга. – Чересчур ты правильная. Не нравятся мне такие детишки – добрые и послушные. Сколько я ждала, что станешь ты, как братец твой Вася, хулиганкой, на меня, Ягу, похожей. Видеть тебя не желаю. А что касается слишком умных, так мне моего Учёного кота хватает. И того скоро в Лукоморье сбуду.

– А я тебя всё равно люблю, бабушка, – Настя вздохнула.

Яга блюдце спрятала и пошла на улицу за водой босиком по снегу.

– Валенки обуи! – котёнок кричит. Яга только зашипела в ответ. Вернулась и давай чихать и кашлять, да так громко, что даже избушка вздрагивает. Потом залезла на печь и говорит:

– Ох, что-то жарко мне, ох, тошнёхонько! Простудилась я.

Котёнок говорит:

– В книгах написано, что нужно чай с малиновым вареньем и мёдом пить, а если сильно простудился, то и таблетки.

Яга в него рукавицей кинула и снова охает. Котёнок видит, что дело плохо – совсем Яга себя уморит. Вытащил он блюдце и говорит:

– Покатись, золотое яблочко, по серебряному блюдечку, покажи мне хулигана Васю и умницу Настеньку.

На дне блюдца показались две мордашки. Мальчик спрашивает:

– Ну чего тебе, котёнок?

– Ваша пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-прабабушка Яга заболела. Привезите ей таблеток из города.

Хулиган Вася говорит:

– А мне всё равно. Пусть болеет. Не поеду я в мороз за город и не буду по лесу избушку искать.

Яга с печи свесилась и говорит:

– Ах вот как! Я тебе всю пенсию на шоколадки отдаю, а тебе меня не жалко...

– Ты сама говорила, чтобы я только о себе думал, – отвечает Вася. – И теперь я решил никому никогда не помогать. Моя хата с краю.

Яга захныкала и под тулуп залезла с головой. Обидно стало старушке.

Но тут на дне блюдца показалось изображение Настеньки. Девочка спрашивает:

– Котёнок, что с бабушкой Ягой случилось?

– Простудилась.

– Сейчас я приеду, – говорит Настенька.

– Я тебя у станции встречу! – помахал ей лапкой котенок. Выбежал из избушки и большими прыжками помчался по сугробам к станции. Он издали слышал, где поезда гудят.

Вот пробежал на обледенелую платформу. Остановилась электричка. Вышли люди, и среди них девочка лет десяти, в красном костюме и красной шапочке, в руках – лыжи.

Котёнок замахал ей лапкой. Настенька пошла к нему. За спиной у неё был рюкзачок. Она посадила туда Пушка, спустилась с платформы, зашла в лес, встала на лыжи и быстро помчалась к избушке Бабы Яги. Котёнок только успевал командовать: «А теперь сверни налево! А теперь прямо – вон до той сосны!»

Настенька не смогла бы быстро найти избушку одна, потому что избушка на своих курьих ножках часто переходила с места на место. Но вместе они вскоре вышли к жилищу Бабы Яги. Дверь сама отворилась, и они оказались в избе. Настенька сразу затопила печку, разожгла самовар, заварила чай с лекарственными травами: шалфеем, липой, зверобоем, чабрецом. Достала из рюкзака банки с медом и малиной, таблетки аспирина, горчичники. А ещё печенье, конфеты, баранки. Яга с печи слезла, стала чай пить. И пока Настенька ей суп варила, Яга съела горчичники. Настенька с ужасом говорит:

– Бабушка, ты что натворила? Кто же горчичники ест? Их на спину прилепляют.

– Ничего! – Яга говорит. – Мне сразу легче стало! Не от лечения, а от доброты твоей, внученька. Вот тебе-то я и отдам деньги на смартфон. Не знаю, что это за игрушка, но порадовать тебя хочется.

– Не надо мне смартфона, – ласково улыбнулась Настенька. – Я и так о тебе заботиться буду.

На станцию Яга Настеньку уже в ступе отвезла – выздоровела бабка.

* * *

Ранним апрельским утром вышла Яга провожать котёнка.

– Ступай, Кот Учёный, в Лукоморье. Будешь там жить, сказки сказывать и песни петь, а они по миру разлетятся. Сказка – ложь, да в ней намёк – добрым молодцам урок.

– Бабушка, а как я Лукоморье найду? – с испугом спрашивает котёнок.

– А ты иди куда глаза глядят. Беда вымучит, беда и выучит.

– Мои глаза на избушку глядят, – говорит котёнок, оглядываясь. Очень не хотелось ему уходить – боязно.

Баба Яга улыбнулась, сверкнув зубом:

– У встречных путь спрашивай – за спрос не бьют в нос. Поспешай, да не торопись.

– До свиданья, бабушка, – грустно сказал Пушок и неохотно затрусил с полянки.

К полудню он вышел на дорогу. На обочине стояло кафе. Возле него под тентом за столиками сидели шофёры. Их машины, огромные, с прицепами, стояли на площадке неподалёку. Котёнок робко подошёл к шофёрам. Ему очень хотелось спросить на человеческом языке: «А вы не знаете, далеко ли Лукоморье?»

Но он боялся.

– Брысь! – крикнул басом один из мужчин с синими татуировками на загорелых руках. Но другой примирительно произнёс:

– Не пугай его, Петрович. – И бросил котёнку кусок шашлыка. Пушок не сдержал довольного урчания, когда впился зубами в мясо. Потом он заметил ещё одно существо, это была белка, она грызла кусочек печенья неподалёку и весело прострекотала:

– Привет! – Белочка была очень милой, в рыжей, искрящейся на солнце шубке, с большими карими глазами и чуткими ушками, на которых были крохотные кисточки.

– А ты что здесь делаешь? – заинтересовался котёнок.

– Живу. Здесь весело и все меня кормят. Ты ведь тоже попрошайничаешь?

– Нет, – гордо сказал Пушок. – Меня угостили, и сейчас я пойду дальше, на работу.

– На работу? А зачем работать? Здесь всегда можно найти ломтик батона или огрызок рыбки...

– А что будет зимой? – серьёзно спросил Пушок. – Ты же дикий зверь. Надо делать запасы, как все белки.

– Что такое зима? Что такое запасы?

– Разве ты не знаешь? – удивился Пушок. – Зимой с неба падает холодная белая крупа, мёрзнут лапки, нельзя найти еду.

– Меня зовут Золотко. И я родилась весной. Мои мама и папа тоже жили здесь. Но однажды их поймали и увезли. Сказали, что забирают в зоопарк. Может быть, скоро и меня заберут в зоопарк. Это будет замечательно!

Пушок усомнился в том, что это везенье – он видел по телевизору зоопарк, и девочка Наташа сказала, что зоопарк как тюрьма. Звери должны жить на свободе.

Пушок доел мясо, умылся и решил, что если уж некому воспитывать юную белочку, то это его долг. Золотко в это время подбирала рассыпанные кем-то в пыли чипсы. Ей точно требовался воспитатель. Пушок приосанился и произнёс:

– Ты, наверное, не догадываешься, кто я?

– Какой-то котёнок. – Золотко обнюхивала сигаретный окурочок.

– Нет. Я Кот Учёный.

– Учёный? И чем ты отличаешься от обычных? – поинтересовалась белочка насмешливо.

– Я знаю будущее, – загадочно прищурил Пушок зелёные глаза. – И твоё будущее ужасно...

– Расскажи! – Белочка метнулась к нему и села напротив.

– Скоро настанет осень. С деревьев листья облетят, из-под навеса столы занесут в кафе. Больше не будет вокруг ни хрустящих чипсов, ни сухариков, ни прочих вкусностей, которые тебе бросают люди. Они перестанут есть на улице. Ты будешь голодать и дрожать, сидя на ветке, грызть горькую кору...

На глазах белочки выступили слёзы:

– Что же мне делать, Учёный Кот? – Золотко умоляюще прижала к груди лапки.

– Тебе нужно найти домик и собрать запасы.

– Домик? – удивленно вскинула лапки белочка.

– Дупло в каком-нибудь дереве, – пояснил котенок.

Пушок пошёл в лес, Золотко попрыгала за ним. Котёнок указал лапкой на высокий клён:

– Например, там.

Золотко поднялась вверх по стволу и заглянула в дупло:

– Там пыльно и жёстко.

– Собери листья и сухую траву, сделай гнездо, – учил котёнок.

Золотко стала таскать листву в своё новое жилище.

– А потом собери туда на зиму орехи, жёлуди, засуши грибы на веточках, нарви спелого шиповника.

Золотко заметалась по полянке и вдруг нашла большой орех:

– Ура! – закричала она. – Это так интересно! Ты и правда Учёный Кот!

Пушок с облегчением вздохнул. Может быть, теперь Золотко хоть как-то подготовится к грядущим холодам.

Котёнок побежал дальше. Вскоре он увидел дачный посёлок. «Отдохну здесь», – решил он.

Присел на крыльцо какого-то дома, но тут же вздрогнул от лая. Не раздумывая, Пушок взлетел вверх по стволу ближайшей ёлки. Но, как оказалось, лаяли не на него. С колючей ветки котёнок увидел внизу двух псов, набрасывающихся друг на друга. Они были одинакового роста, но один – белый, другой – рыжий, довольно большие, с короткой шерстью.

– Я главный в посёлке! – лаял рыжий.

– Нет, я главный! Ступай откуда пришёл! – отзывался белый.

– А в чём дело? – робко спросил Пушок. Тут только псы заметили его.

– Я лабрадор Белячок, – отозвался один.

– А я стафф Рыжик, – ответил другой. – Дело вот в чём. Я здесь новый, и Белячок прогоняет меня. А ведь его самого подобрали!

– Терпеть не могу, когда хозяин гладит его и хвалит, – огрызнулся Белячок. – У нас с этим рыжим дураком, к сожалению, один владелец.

– Но я сторожу дом, а ты убегаешь гулять в лесу, – обиделся Рыжик.

Хотя стаффы – это бойцовская порода собак, Рыжик казался более миролюбивым.

– Ссориться глупо, – сказал Пушок. – Можно соревноваться и не в драке.

– Кто ты такой, чтобы мы слушались тебя? – буркнул Белячок.

Пушок строго произнёс:

– Я Кот Учёный.

– Ха! – сказали оба пса. – Малявка. Мы разберёмся без тебя. Что за соревнование без драки ты можешь предложить?

– Вы могли бы побежать наперегонки. И тот, кто добежит первым до финиша, будет считаться главным целый год. А через год соревнование можно повторить.

– Глупости! Мы разберёмся здесь и сейчас. Я просто покусая Рыжика! – угрожающе прорычал белый лабрадор.

– А я – Белячка! – не остался в долгу рыжий стаффордширский терьер.

И псы снова стали готовиться к драке.

– Но хозяин посадит нас на цепь, – заметил Рыжик.

– Хорошо, побежим наперегонки, – неохотно согласился Белячок. И псы потрусили по дороге. Пушок направился следом. Они вышли на лесную тропинку. В лесу было сумрачно.

– Думаю, вам нужно пробежаться во-он до той сосны, – сказал Пушок.

– Раз! Два! Три! Мяу!

И псы бросились наперегонки.

Сначала отставал Рыжик, но потом он поднажал, и псы пришли к финишу одновременно. Такого Пушок не ожидал. Старые враги снова оскалились, собираясь выяснять, кто тут главный. В это время на поляну вышел волк. Он был гораздо больше Рыжика и Белячка. Матёрый, с широкой грудью и мощными лапами. Волк оскалил острые клыки и прорычал:

– Какие откормленные собачки. Сегодня я поужинаю вами.

Белячок быстро гавкнул:

– Съешь лучше вот этого рыжего задиру.

– Сам ты задира! – огрызнулся Рыжик. – Пусть волк съест тебя.

Волк ухмыльнулся:

– Я съем вас обоих. А закушу вот этим крошечным котёнком.

Как назло, Пушок взобрался на слишком тонкую ветку, на которой не мог даже шелохнуться, она и скрипела, и качалась, казалось, что вот-вот переломится... И тогда он упадёт прямо на нос волку.

– Белячок, Рыжик, – крикнул котёнок. – Я вас спасу. Вы вместе сильнее этого волка.

– Вместе? Мы никогда ничего не делали вместе, – воскликнул Белячок.

– А теперь сделаем! – сказал Рыжик, подбежал к нему и встал рядом. – Эй, волчище, теперь мы вдвоём против тебя!

Белячок не стал протестовать. Он тоже громко залаял.

Волк оглядел их жёлтыми злыми глазами, неохотно повернулся и потрусил в лес.

– Вот это да! – удивился Белячок. – Оказывается, когда мы не ссоримся, мы сильнее.

– Я давно думал об этом, – сказал Рыжик. – Если хочешь, ты будешь главным в посёлке.

– Я уступаю тебе, – ответил Белячок дружелюбно.

– Может быть, просто не нужно это обсуждать? – тихо спросил котёнок и наконец свалился с дерева, но, к счастью, на мягкую траву, а не в волчью пасть.

– Ты и правда Учёный Кот! – воскликнули Белячок и Рыжик. – Пойдём в посёлок, мы дадим тебе мяса.

Пушок продолжал свой путь. Он ломал голову над тем, где находится Лукоморье. Ум хорошо, а два – лучше. Он решил спрашивать у встречных. Навстречу по тропинке трусил медвежонок, Пушок посторонился и крикнул:

– Не знаешь, где Лукоморье?

Медвежонок притормозил, глядя на Пушка блестящими чёрными глазками:

– Не знаю. Дальше не ходи! – Он махнул лапой на тёмную чашу. – Там что-то страшное!

– А какое оно? – насторожился Пушок.

– Не знаю, должно быть, огромное и зубастое. Так громко кричит. Пойду спрячусь.

И медвежонок скрылся в кустах малины.

Тут же Пушку навстречу попался взъерошенный ёжик, который, пыхтя, спешил пройти мимо. Но Пушок поинтересовался:

– Не знаешь, где Лукоморье?

– Не знаю, только вот дальше не суйся. Там что-то страшное!

И ещё кабан и волк попались Пушку навстречу, тоже ужасно напуганные. Пушок задумался, а не пойти ли ему обратно. Но решил, что как Учёный Кот должен непременно проверить, что такое скрывается в чаще. Он решил сойти с тропинки и пробираться в траве вдоль неё, тихо-тихо...

Он так и сделал. Через некоторое время заметил, как по тропинке идёт лось. И тут же откуда-то сверху послышался зловещий хохот: «Охо-хо-о! Ах-аха-а!»

Лось вздрогнул и бросился бежать. Пушок посмотрел вверх – на дубу кто-то сидел. Котёнок полез на дерево. Взобравшись, оказался за спиной таинственного существа и громко замяукал прямо над ухом. Существо вздрогнуло и свалилось вниз, в бурьян, забилося под большой лопух, выкрикнуло хриплым баском:

– Эй, кто тут хулиганит? Ты зачем меня пугаешь?

– А разве ты не пугаешь тех, кто по тропинке проходит? – строго спросил Пушок.

– Я шучу! Это игра, – пояснил, выбираясь из-под лопуха, маленький мужичонка с рыжей бородой.

– Вот и я пошутил, – сказал Пушок. – Как аукнется, так и откликнется. Видишь, не так-то это приятно, когда тебя пугают.

– Мне и положено пугать! Я Леший! А то скучно ведь, – зевая, отвечал Леший, – сию, сию один. А все бегут, бегут мимо.

– Леший должен лес охранять. А шутки шутить, когда всё в порядке, – строго сказал начитанный Пушок. – Делу – время, потехе – час. Вот у тебя в лесу разве всё хорошо?

– А то нет? – беспечно бросил Леший и тут же превратился в большой гриб-моховик.

– А что за шум на поляне?

– Это туристы, – сообщил Леший и вдруг превратился в трухлявый пенёк.

– И ты не хочешь посмотреть, что они делают?

– Ох, надоел, приставала! – Леший снова стал рыжебородым мужичонкой. – Ну, пошли.

Пушок и Леший приблизились к поляне. Туристы уже убрали вещи в машину. Вся поляна была забросана пустыми стеклянными и пластиковыми бутылками, клочками бумаги, полиэтиленовыми пакетами и прочим пёстрым мусором, тлел костёр. Леший от возмущения всплеснул руками, от его беспечности и следа не осталось. Он вдруг начал расти и превратился в высокий клён.

И когда машина туристов стала выезжать с поляны, ломясь через кусты малинника, то её схватили могучие кленовые ветки. Машина забуксовала. А ветви стали поднимать её в воздух, немного подержав, отпустили. Машина встала на землю, туристы в панике выскочили, устали на шевелящееся дерево. А клён указал на поляну.

– Живое дерево! – Туристы бросились врассыпную. Но тут и другие деревья зашевелились и стали загоразивать им дорогу.

– Что им нужно? Что происходит? – наперебой кричали женщины и мужчины. Клён снова указал на поляну.

Пушок не выдержал и пискнул:

– Просто уберите мусор и погасите костёр.

Люди уставились на него.

– Говорящий кот!

Одна женщина упала в обморок. Пушок не думал, что его могут бояться. Но туристы наконец сообразили, чего хотят от них деревья и кот. Они стали поспешно собирать мусор в пакеты и складывать их в багажник. Женщина, которой стало дурно, очнулась. Тут Пушок узнал в ней Наташину маму – ту самую даму, которая оставила его на обочине. Она сидела на траве в синих джинсах и розовой куртке и тарасила глупые, кукольно накрашенные глаза. Её муж в это время заливал из пластиковой бутылки костёр.

Пушок подошёл к испуганной туристке и строго произнёс:

– А где Наташа?

Женщина долго смотрела на него, приоткрыв рот. Потом проямлила:

– Дома.

– Вы её одну оставили?

– Да! – ошарашенно выпалила женщина, хлопая от удивления ресницами.

Пушок не выдержал и зашипел:

– А если с ней что-то случилось? Она совсем маленькая! Немедленно в город!

Женщина вскочила и бросилась к машине.

Туристы навели порядок и уехали. Леший снова превратился в мужичка-лесовичка и радостно спросил:

– Ну, как я их напугал?

– Молодец! – одобрил Пушок. Леший колесом прошёлся по поляне и вдруг обернулся машинным колесом, покатился куда-то...

Пушок подошёл к воде и услышал плеск. Неподалёку в камыше билась щука, запутавшаяся в сети. Щука была старой. На её позеленевшей спине рос мох, а зубы в раскрытой пасти пожелтели, но были ещё острые. Она покосилась на котёнка оранжевым глазом.

– Вам помочь или не мешать? – вежливо мяукнул Пушок. – Только не кусайтесь...

Он попробовал лапками распутать сеть, но не смог.

– Раньше я шама вшем помогала, – прошамкала щука.

– Как это? – удивился Пушок.

– Хорошо, пошлeдний раш помогу ни за што ни про што. Шкажи: «По щучьему велению, по моему хотению» и назови швоё желание. Только одно. Оно тут же ишполнится.

Пушок задумался – только одно желание. А ведь ему хотелось бы вернуться к девочке Наташе и увидеть Лукоморье... Щука тяжело дышала, широко раскрывая пасть, и котёнка осенило:

– По щучьему велению, по моему хотению – пусть щука освободится из сетей!

Тут же сеть лопнула и щука, подпрыгнув, нырнула в воду. Через минуту она высунула голову из воды:

– Большое шпашибо! Шама я не могла себе ничего пожелать!

Пушок без надежды спросил:

– А вы не знаете, где Лукоморье? – Ведь он помнил, что его единственное желание израсходовано. Но щука, к его удивлению, ответила:

– Тут.

– Но я вижу только озеро.

Пушок наклонился к воде и замер – на него смотрел не котёнок, а взрослый кот – крупный, с круглой щекастой мордочкой. У кота были крепкие лапы и смелый взгляд. А уши, раньше казавшиеся слишком большими, теперь стали маленькими и аккуратными. Шубка была шелковистой и густой. «Неужели это я?» – изумился Пух. Только цвет шерсти остался прежним – чёрным.

Пух поплакал холодной воды и поднял голову. Всё вдруг изменилось – у озера исчез противоположный берег, листья на деревьях стали зелёными, тучи исчезли, ярко засветило солнце. В Лукоморье вечное лето – вспомнил Пух. И тут он увидел вдалеке огромный дуб. Ствол этого дерева можно было бы обойти разве что за полдня. Пух побежал по берегу.

Русалка, сидевшая на дубовой ветке, радостно захлопала в ладоши и крикнула:

– Учёный Кот идёт!

На берегу расположилось множество русалок, они расчёсывали длинные золотистые волосы и о чём-то шумно болтали.

Пушок даже остановился. Он никогда не видел людей с рыбьими хвостами.

– Не бойся, котик – пушистый животик! – Русалки тянулись к нему, но Пушок осторожно обходил их – всё-таки помнил – в книжках было написано: эти приветливые девицы могут защекотать.

И на дубу сидела русалка.

Дуб опоясывала толстенная золотая цепь. Та самая, по которой Пушок должен был ходить: «Идёт направо – песнь заводит, налево – сказку говорит».

Он осторожно взобрался на цепь, она была тёплой, уютной для его лапок. Все русалки обернулись к нему, словно чего-то ждали. Пушок направился по цепи. Дуб был большой, Пушок шёл-шёл, но никак не мог ничего придумать.

И вдруг наткнулся на другого кота – серого, в красивую полоску. Тот просто спал на золотой цепи, свернувшись в пышный узорчатый клубок.

– Два учёных кота?! А зачем же я шёл сюда? – возмутился Пушок. Шерсть его встала дыбом, он поднял распушившийся хвост и угрожающе завыл, как воют взрослые коты, вызывая соперника на бой. Дуб и золотая цепь были его территорией – Пушок привык к этой мысли, к тому, что будет здесь жить-поживать и добра наживать.

Серый узорчатый кот вскочил и тоже распушился. Он был удивлён появлением незнакомца, но не робел и завыл в ответ даже басовитей и громче, чем Пушок. Этот кот казался сильнее и старше, но Пушок не думал уступать. Русалки на берегу смеялись и показывали на них пальцами, это разозлило Пушка ещё больше. Он с размаху ударил лапой серого незнакомца, выпуская когти. Удар пришелся по лбу, Пушок вырвал несколько шерстинок из замысловатых полосок врага. Тот тоже бросился на Пушка, они свалились с цепи и покатались по песку, яростно царапая друг друга. Наконец на миг отскочили друг от друга и остановились, шипя. Тут Пушку вспомнились два пса в дачном посёлке, которых он мирил, они так же набрасывались друг на друга. И вот он – Кот Учёный – поступает так же, как эти псы – то есть совершенно глупо. Пушок отряхнулся от песка и спросил у серого кота:

– Ты кто такой?

Серый перестал шипеть и прижимать уши, перевёл дыхание и мяукнул басом:

– Я Кот Баюн.

– Почему ты на моём дереве?

– А ты кто такой? – в свою очередь поинтересовался серый.

– Я Кот Учёный.

– Тогда нам делить нечего, – сказал Баюн, успокаиваясь. – Моё время – ночь, а твоё – день. Я sny сочиняю. А ты идёшь направо – песнь заводишь, налево – сказку говоришь.

– А какую сказку? – спросил Пушок и смутился, потому что ни одной сказки не знал.

– Каждый кот сочиняет сказки сам! – назидательно заметил Баюн. – А они разлетаются по свету. Ну, я пойду спать, вечером проснусь бодрым и отправлю детям много красивых снов.

И полосатый улёгся в тени под деревом.

Пушок уже боялся вспрыгнуть на цепь – ведь он должен был там сказки сказывать или песни петь. Русалки исчезли в воде. Солнце опускалось всё ниже.

Пух направился по цепи и начал рассказ:

– Пушок – крошечный чёрный котёнок с ярко-зелёными глазами, сидел на перекрёстке и плакал, точнее – жалобно мяукал, дрожа от холода. Шелковистая шерстка не спасала от пронизывающего осеннего ветра. Пять минут назад люди высадили его из машины...

Кот решил рассказать историю своего печального детства. Но ведь в сказке всё должно закончиться хорошо. Поэтому Пух решил завершить её иначе... И в конце произнёс:

– Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец!

Тут проснувшийся Кот Баюн вскочил и закричал:

– Ты что натворил? Нельзя про себя сказки сказывать! Они сбываются!

Дуб зелёный зашумел, синее море заволновалось. Всё вдруг подёрнулось туманным маревом и исчезло, а Пушок очутился на обочине дороги. Холодный осенний ветер нёс пёструю листву по асфальту. Вдруг проезжавшая мимо легковая машина затормозила.

Водитель обернулся к сидящим на заднем сиденье женщине и девочке:

– Посмотрите – чёрный кот. И будто ждёт кого-то.

– Мама, здесь мы когда-то оставили Пушка! – жалобно произнесла девочка. – Может быть, это он?

– Боже мой, как я устала от твоих упреков! Бери этого кота, только успокойся.

Машина остановилась. Наш пушистый герой сразу узнал Наташу, хотя за год она выросла. Девочка быстрыми шагами направилась к нему и вопросительно произнесла:

– Пушок?

– Да, да, это я! – закричал Пух, но почему-то вместо слов у него вырвалось торжествующее: «Мяу!!!»

Он побежал навстречу своей маленькой хозяйке, только вот на руки не позволил себя взять – отвык от этого, чувствовал себя слишком самостоятельным и взрослым. Вместе с Наташей он пошел к машине и сам прыгнул на сиденье.

– Посмотрите, какой учёный! – заметил отец Наташи.

– Мурр! – важно ответил Пух.

Владимир КВАШНИН*ОТРЫДАЛИ НАД ТУНДРОЙ МЕТЕЛИ...*

Говорят, что тенором России
Был и будет курский соловей -
Золотоголосый и красивый....
Только не Окраины моей.

Что поделать, не живется парню
По низовьям северным Оби,
Но зато любой морозной ранью
Согревают душу воробьи.

То берёз облепят белый локон,
Не поймёшь - целуют ли, едят,
А покормишь, так весь день у окон,
Дотемна, родимые, сидят....

Милые, простые воробьишки,
Чем же вы «берете», не пойму...
Не певцы и серые, как мышки,
А увижу – варежку сниму.

И мороз-то давит, что аж речка
В прорубях туманит у мостка,
А вот сядут рядом на крылечко
И погладить тянется рука...

Чем, скажи, не похож на Мороза?
Посох, шуба, мешок за спиной,
Нос краснющий, как от передоза...
Да-а, пора, видно, паря, домой.

От рассвета до самых потёмок
По распадкам своим и ключам
Ходишь-бродишь, а толку с кулёмок? -
Боль в спине да ремонт по ночам.

Ягод нет и ушёл соболишка,
Только ронжи в ловушках - завал.
Слава Богу уснул нынче мишка,
А не то бы давно заломал.

И сегодня оттопал прилично,
А что добыл, не скажешь без слёз -
Все капканы пусты, как обычно...
День под горку. Крепчает мороз.

Всё - последний. Да пуст, видно, тоже.
Только лыжу вперёд на шажок,
И тут вижу - ни сбежки, ни ронжи,
Цепь - под корень... Попался, дружок!

А как глянул под низ корневища,
Ё-моё! Там, подобно огню,
Вот такущий сидит соболище!
Наконец-то прибыток в семью!

Ох, подарочек к Новому году -
Кряж тобольский и сорт - само то!
Прикуплю запчастей к снегоходу,
Ксюше - туфельки, Свете - пальто!...

И тут жалость иголкой старой:
"Сделай чудо, ведь ты ж Дед Мороз..."
Эх, да... ладно! Беги, дикошарый!
Два прыжка - и исчез меж берёз.

Вот стою, улыбаюсь устало,
Лёд сдираю с усов не спеша...
По уму - столь деньжищ убежало,
А по сердцу - живая душа.

Я нашел его чисто случайно
За распадком во время пурги,
Под сосною, в кровище, отчаянно
Рвал стальную удавку с ноги.

Браконьеру, какие законы -
Это с виду улыбчив и мил -
Зол и жаден, он даже патроны,
Экономя, на трос заменил.

Олененок. Полгода, не больше.
Эк тебя угораздило, друг.
Весь измученный, клочьями кожа,
Боль во взгляде сменяет испуг...

Ничего, кости, главное, целы,
Ну а мясо само нарастёт...
А парнишка-то вовсе уж квелый,
Чуть промедли - и точно помрёт.

Взгромоздил пацанёнка на плечи,
Как донёс, и не помню теперь...
Лишь одно, - как в зимовье под вечер
Колотился в пристывшую дверь.

Еле выходил. Сердце кричало.
Мази, травы варил с корешком,
Только малость ему полегчало,
И уже – почечи за ушком.

То – за лайкой без всякой опаски,
То – устроят в снегу кутерьму,...
Так представь – стал рассказывать сказки
Перед сном каждый вечер ему.

Так и жили всю зиму: две лайки,
Лопоухий найденыйш и я.
Как ни странно, но даже собаки
Понимали, что это семья...

Отрыдали над тундрой метели,
Распахнули озёра глаза,
Ели лапы свои отогрели,
Май черёмух надул паруса.

Я оттягивал время разлуки,
Вел ночами бессонными спор,
И, устав, от терзающей муки
Сам повёл его к ленточке гор.

Где-то пели на сопках олени.
Погоди, ты успеешь к своим...
Оглянувшись, всего на мгновенье,
Он шагнул в дикий мир. Перед ним

Раскрывали объятия берёзы,
Обнимали ладошки пихты...
И душа улыбалась сквозь слёзы,
Не стесняясь своей доброты.

Дмитрий ИГНАТОВ

ПОСЛЕ НИХ БЫЛ ПОТОП

Марк медленно двигался между заковыристых, но совершенно бесполезных на вид предметов мебели. Его мощное тело, плавно покачиваясь, с лёгкостью преодолеvalo эти баррикады, а конечности ощупывали каждый встречавшийся на пути предмет с такой нежностью и трепетом, на какие способен только прирождённый историк, археолог и архивист. Да, безусловно, было очевидно, почему он всегда нравился слабому полу. Образцовый самец. Впрочем, злые языки поговаривают, что он намазывал свои присоски чем-то раздражающим, отчего те становились более красными и припухлыми. Поведение, не очень-то достойное. Но разве самочки будут разбираться? Чувствуя, что уже чернеет от зависти, Лука отогнал от себя эти мысли и только повыше поднял фонарь, чтобы помочь своему другу, а заодно и самому получше осмотреться.

Пространство вокруг явно не возникло естественным путём, как какая-нибудь пещера или скальный разлом. Не было тут и следов привычной деятельности строительных моллюсков, широко использовавшихся для создания всевозможных стен и укрытий. Ни плавных изгибов, ни округлых форм — лишь прямые поверхности, напоминавшие камень, резко сомкнутые друг с другом по прямым линиям.

Прежде такие места считались запретными, даже гибельными. Что, в общем-то, было объяснимо. Фитопланктон и водоросли не могут обитать в отсутствии солнечного света. Столетиями концентрация углекислого газа здесь только росла, сделав всё внутри безжизненным. Лишь дыхательные губки, закреплённые на лицах Марка и Луки позволяли им некоторое время работать в таких условиях. Возможные риски не останавливали их, ведь, как хорошо известно, все но главы от природы обладают сильнейшим любопытством.

Тем временем, углубляясь всё дальше внутрь прямоугольного помещения, Марк осторожными движениями смахивал слой осевшего ила и мусора с каждой встречавшейся ему горизонтальной поверхности, и пристально осматривал её своим левым глазом. Вдруг он замер, мгновенно выказав волнение, приобретя на секунду иссиня фиолетовый окрас. Так, что Лука сразу же поспешил приблизиться. В тусклом свете банки с

люминесцентным крилем на желтоватой плите с разводами поблёскивала стопка тонких пластин с рисунками и надписями. Марк любовно провёл по ним своими щупальцами и аккуратно перевернул несколько.

Раньше уже обнаруживались подобные изображения в разной степени сохранности. И это было огромным везением, ведь они оказались ключом к массе других загадочных находок, упавших сверху, а потому считавшимися подарками богов. Теперь же такие суеверные заблуждения необразованных предков вызывали у Марка и Луки лишь иронический смех, от которого их серо-коричневые тела покрывались зелёными пятнами.

Существа, жившие сверху, разумеется, не были никакими богами, хотя и выглядели очень странно. Современная наука уже смогла дать объяснения некоторым из этих странностей. Например, по понятным причинам, лишённые поддержки плотной окружающей среды, эти существа сформировали внутри себя прочные кальциевые каркасы, сродни тому, как моллюски окружают себя раковиной снаружи. Это точно. Такие каркасы в более или менее полном виде ещё можно найти кое-где. Глядя на них становится очевидно, что эти существа не были приспособлены для жизни в воде. Их тяжелая жизнь проходила где-то высоко — на обзвоненных возвышенностях. Естественно, что иметь даже шесть, восемь, а тем более десять ног, было для них непозволительной роскошью. Попробуйте-ка нарастить кальциевый каркас на каждую из них! На такое способны относительно небольшие крабы, но никак не массивные наземные существа. Кроме того, на суше невозможно находиться в подвешенном состоянии, ведь приходится опираться минимум на одну ногу. Наземным существам пришлось дифференцировать свои и без того немногочисленные конечности на те, что используются исключительно для перемещения и те, что предназначены для более сложных действий. Так им удалось оснастить каждую десятком сочленённых отростков, при помощи которых явно получалось не только передвигаться, но и манипулировать объектами, обрабатывая и комбинируя их для разных целей.

И судя по всему, получалось это довольно ловко, потому что, помимо всех прочих технологических достижений, надводные существа сумели развить разнообразную письменность. Даже по тем сохранившимся текстам, которые попали в щупальца учёных, можно было сделать вывод, что письменность изобреталась несколько десятков раз.

Исходя из текстов, которые смог расшифровать Марк, письменности эти были настолько обособленными, что даже слово, обозначающее самих надводных существ, записывалось по-разному да ещё и различными наборами символов. Из этого смелый на гипотезы друг Луки сделал вывод,

что обезвоженные высокогорные районы населялись сразу несколькими видами двуногих существ. На основании лексикологического анализа он выделил две основные группы – «маны» и «человеки» с рядом нескольких промежуточных смешанных категорий. Если первые были весьма преуспевающими в промышленном производстве — надписи на языке манов в изобилии были представлены на предметах различного вида и назначения. То вторые, по всей видимости, делали акцент на нематериальном производстве — большая часть объёмных и развёрнутых текстов художественного содержания оказалась записана языком человека.

Сам же Лука, как специалист по материальной культуре, придерживался куда более радикальной точки зрения. И в своих извечных спорах с самодовольным Марком отстаивал её до тех пор, пока оба не покрывались красными пятнами. Лично перелопатив тонны ила и изучив сотни находок, Лука пришёл к твёрдому убеждению, что различия между людьми носили исключительно внешне-видовую природу. Существование в скудных условиях обезвоженного мира, вынудило их постоянно расселяться в поисках пропитания. Отдельные популяции не просто теряли взаимосвязи и развивались изолированно, но впоследствии и конкурировали друг с другом за ресурсы и территорию. Такая практика неизбежно закреплялась в культуре. И в итоге привела к нерационально сложной общественной организации, когда вид уже не воспринимал себя, как единое целое при сохранении способности скрещиваться.

К своему удивлению, по такой позиции Лука получил неожиданную поддержку от Хава. Эта экстравагантная самка, нелюдимая даже по меркам ноглавогов, большую часть времени проводила в ярко освещённых районах возвышенностей. Отказавшись от собственной репродукции, она занималась там генетическими изысканиями. Не будучи обременёнными вечной борьбой с силой тяжести и поисками пропитания, предки Луки и Марка освоили секвенирование ДНК и горизонтальный перенос генов раньше, чем изобрели колесо. Хава достигла в этом особого мастерства. И строительные кораллы, и яркий люминесцентный криль, и длинные высокопрочные водоросли — вот, кто были её настоящими детьми.

Натолкнувшись однажды на странные вытянутые скелеты с двумя парами неодинаковых конечностей, Хава, естественно, не могла остановиться, пока не докопалась до истины. При большом внешнем разнообразии размеров и пропорций генетически все они почти не отличались и бесспорно принадлежали к одному виду.

Теперь, когда Лука вдруг выбирался к ней на мелководье, Хава подолгу держала его за щупальце и увлечённо рассказывала о своих открытиях и умозаключениях. Глядя на проблему исчезнувших манов-

человеков со своих точек, оба, тем не менее, приходили к выводу, что основной проблемой этих загадочных существ была недостаточная сенсорная чувствительность.

— Всё у них ограничивалось довольно развитым зрением и, вероятно, слухом. Совсем другое дело наша способность передавать сотни символов в минуту через простое прикосновение, через многочисленные тактильные бугорки и рецепторы на щупальцах. Конечно, никакие жесты костистых конечностей не могли сравниться с этим. А уж невозможность выразить простейшие эмоции изменением цвета кожи и вовсе выглядит ущербной. Страшно представить, к каким конфликтам может привести банальное незнание эмоций твоего визави. Дикость! Посредственная дикость! — так рассуждала Хава, видя, как Лука медленно синееет, выражая своё полнейшее согласие, но постепенно теряя интерес.

Да, очевидно, визуальная составляющая была основой человеческой культуры, практически не использовавшей тактильного письма. Большая часть найденных текстов и изображений, совершенно плоские и не дают возможности получить информацию без использования глаз. Словно в очередной раз мысленно соглашаясь с Хавой, Лука покачал большой округлой головой.

Впрочем маны-человеки постепенно расширяли границы своей убогой анатомии посредством различных технических решений и приспособлений. Например, они научились сохранять то, что видят, чтобы потом показывать это своим соплеменникам. Такой способ передачи информации, разумеется, превосходил многие из доступных в живой природе. Секреты этой технологии ещё придётся разгадывать. Но именно с её помощью появились все эти картинки, которые сейчас в квадратной тёмной пещере рассматривали Марк и Лука. И именно из человеческой банки с закручивающейся крышкой, куда Хава спрятала своих рачков-светлячков, был сделан фонарь в щупальце Луки. Кто знает, какие ещё изобретения ноглавы смогут поставить на службу своему обществу? Не исключено, что они снова свалятся буквально сверху.

— Просто поставь сюда,— коротко велел Марк, чуть пихнув Луку, и тот молча поставил банку рядом с приятелем.

И пока Марк продолжал изучать свои цветные таблички, рассеянный взгляд Луки блуждал по помещению. Вскоре его внимание привлекла конструкция, закреплённая на потолке. Четыре плоские и длинные пластины, лучами, словно щупальца актинии, расходившиеся в разные стороны от центра. Лука задумался, протянул к одной из пластин свой щупалец и, толкнув её, сразу же проверил свою гипотезу. Да, конструкция вращалась. Слетевший ил, мелкими хлопьями стал падать вниз. На секунду

оторвавшись от картинок, Марк недовольно посмотрел на своего напарника, который по его мнению снова занимался какой-то ерундой.

Однажды открыв вращение, мань-человеки регулярно использовали этот принцип в своих механизмах, где одни части крутились вокруг других. И это было явным признаком их технической культуры. Ведь по понятным причинам создать свободно вращающийся сустав на биологической основе довольно затруднительно. На такое способны лишь примитивные жгутиковые, крутящие своими маленькими хвостиками, как заведённые. Более же крупным существам всегда нужно соединять свои члены связками, сосудами и нервами.

Для чего использовалась эта искусственная крутилка под потолком, Луке оставалось только гадать. Возможно, для перемешивания окружающей среды или чего-то подобного. Но однажды он уже видел такую штуку, хотя тогда и не сразу поверил, что имеет дело с созданием человеческих рук. Сооружение это было поистине огромным. Может поэтому, а может, потому, что со всех сторон покрывалось коричневатыми нитками глубоководных водорослей и раковинами моллюсков, оно уже не выглядело, как сконструированный кем-то механизм. Только на расстоянии удавалось распознать большой, как гора, и вытянутый, как туловище гигантского кита, продолговатый силуэт. Сверху он ощетинивался широкой башней, напоминавшей акулий плавник. А сзади красовалась пара массивных лучистых крутилок, наподобие той, что Лука неосмотрительно тронул своим щупальцем. Впечатляющее зрелище. Впрочем, внутри этого левиафана обитало чудище, возможно, более страшное.

Каждое утро на башне-плавнике поворачивалась круглая ручка, открывалась плотная крышка и наружу из тёмных внутренностей вылезал семиногий Максимилиан. Это был очень старый и очень крупный ноглав, хорошо известный своим плохим характером. Послужил этому то ли его почтенный возраст, то ли трагическая потеря щупальца, но соплеменники избегали общения с Максимилианом. А в случае, если таковое и случалось, старались называть его просто Мак, дабы избежать опасного созвучия.

Лука был одним из немногих, кто навещался к семиногому Маку. Сначала наблюдал, как тот обходил свою крепость, бережно очищая стены и отколупывая надоедливые раковины. А уж потом осмеливался подойти, хотя и не говорил ничего, а только смотрел за действиями старшего сородича. Мак явно замечал присутствие Луки, но не подавал вида, продолжая заниматься своим странным утренним моционом, а после так же безмолвно удалялся внутрь.

Вскоре методичность действий старого ноглава всё-таки дала о себе знать. Большая часть вытянутой громадины оказалась освобождена от

мусора и отложений и показала свой тёмный с небольшими коричневыми пятнами бок. В очередной раз наведавшись к Маку, Лука обнаружил того, зачарованно смотрящим на символы, проступившие на стене его убежища. Луке они были хорошо известны, поэтому поборов страх, он подполз к старику и, схватив его за щупальце, прочитал вслух:

— Язь Арский.

Мак нисколько не вздрогнул. Казалось, что он и сам ожидал от Луки этого не очень-то тактичного жеста. Он даже не изменил своей окраски, а только отчётливо спросил:

— Ты умеешь читать?

— Да!— воодушевлённо подтвердил Лука.— Тут надпись на языке человека. Я изучаю их культуру.

— И что же она значит?— в вопросе семиногого Мак слышалась издёвка.

— Не знаю,— сразу поник юный собеседник.

— Это имя,— многозначительно произнёс Мак, выдержав паузу, как делают все старики, желая продемонстрировать свою мудрость и важность.

— Какое имя?

— Имя этого корабля.

— Корабля?— удивился Лука.

— Какой ты глупый,— без лишних сантиментов заключил Мак.— Ты изучаешь человека, но даже не знаешь, что у них были корабли. Да будет тебе известно, что люди строили разные машины.

— Это мне известно,— перебил старика Лука, но сразу же замолчал.

— Они двигались под водой, по воде и даже выше — над водой. Крутились внутри и снаружи, отталкиваясь от окружающей среды за счёт...— Мак задумался, подбирая слово, чтобы выразить свою мысль,— внутреннего тепла. И если бы вы, исследователи, были чуточку посмелее и спускались в холодные низины, то тогда увидели... Там лежит очень много человеческих машин. Настоящие кладбища.

Слово «исследователи» старик произнёс с особым пренебрежением, поэтому Лука снова решил возразить.

— Мы не такие большие как ты, Мак... Среда в низинах может раздавить.

— Это верно,— он самодовольно усмехнулся.— Моя мамаша отметала меня и братьев прямо внутри этой штуки. Тогда ей казалось, что это хорошее место. Внутри было так тихо, безопасно и в воду словно сочилось какое-то уютное тепло. Думаю, дело в нём. В этом внутреннем тепле.

— А другие твои братья? Они такие же большие?— поинтересовался Лука.

— В живых остался только я.

Лука предполагал, что после его неловкого вопроса разговор уже не продолжится, но Мак вдруг сам предложил то, о чём его юный собеседник не осмелился бы попросить.

— Хочешь посмотреть, как эта машина выглядит изнутри? Там тоже есть слова из букв.

Безусловно Лука сразу же согласился. В тот день он узнал очень много. Конечно, никакого загадочного внутреннего тепла в корабле не обнаружилось. По словам Мака оно иссякло уже очень давно. Растворилось в пространстве. Но зато всё внутри было набито различными предметами, картинками и надписями. Новые сведения лавиной обрушились на круглую голову Луки. Маны-человеки, оказывается, не просто строили машины, наполняли их обезвоженными пузырями и могли перемещаться в водной стихии. Они ещё и изучили весь окружающий мир, сделав его подробные изображения. И хотя часто случалось так, что машины падали вниз, их вид долгое время безраздельно господствовал, подчиняя себе все виды сред.

Широко раскрыв глаза и рот, Лука с восторгом смотрел всё, что сохранилось внутри удивительного корабля, слушал увлекательные объяснения Мака. Но сам старик не разделял этих восторгов. Похоже, он был уже слишком уставшим и злым, чтобы по достоинству оценить те богатства, которыми обладал. По мере разговора он всё больше ворчал, а в его словах всё отчётливее звучала язвительная желчность и горькая никому невысказанная обида. Мак, по его же словам, давно избавился от восхищения перед человеками. В его глазах из благодетелей они превратились в расточительных и недалёковидных существ, развивших фантастические возможности, но не способных оценить последствия своих действий. Лука не был согласен, но не спорил со стариком, только заморожено слушал его истории, боясь лишь того, что тот замолчит. Под конец Мак и сам раскрыл тайну своего недовольства. В очередной раз немного помолчав, он вдруг спросил:

— А знаешь, как я стал семиногим?

— Нет,— ответил Лука, хотя имел на этот счёт несколько слухов и собственных версий: от нападения дикого хищника до неожиданного обрушения скалы.

— Я таким родился,— ответил Мак и, не прощаясь, бесцеремонно выпихнул маленького исследователя из своего убежища.

Лука не сразу понял смысл этой последней фразы. Уже значительно позже, обсудив всё с Хавой, он пришёл к выводу, что, возможно,

семиногодь семиноного Максимилиана, как и его большой размер, была вызвана тем внутренним теплом, когда-то разлитым внутри подводного человеческого корабля. Похоже, эта особенность сделала старика изгоем. Или он сам так думал. Но даже потеря щупальца не казалась Луке слишком уж высокой ценой за возможность спускаться в тёмные глубины, черпая оттуда тайны и знания. Ещё несколько ночей после разговора с Маком ему снились величественные кладбища машин, колоссальные механизмы, бороздящие просторы и сидящие внутри них мань-человеки, которых он никогда не видел.

Однажды, пробудившись от одного из таких ярких снов, Лука вдруг осознал идею, которой непременно должен был с кем-нибудь поделиться. Рассказав всё Марку и не получив в ответ ничего, кроме раздражённого фиолетового скепсиса, он вынужден был вновь поползти к отшельничающей Хава. Впрочем, идея по своей дерзости и правда граничила с безумием. Пока Лука поднимался по залитому солнцем склону, он и сам почти что отказался от своей задумки. Поэтому, когда дело дошло до разговора, решил начать с вопроса:

— А что если они ещё живы? Там наверху?

— Почти исключено,— после недолгих раздумий ответила Хава.— Все кости, с которыми мне доводилось работать, были такими древними. Да и этих ваших плавающих машин никто не видел. Думаю, все мань-человеки вымерли много веков назад, когда пришла большая вода.

— Но я смотрел карты... Изображения безводного мира. Очертания отличаются, но не похоже, чтобы средой было поглощено всё. Там, за границами мелководья должно что-то находиться. Какие-то следы. Предметы...— увлечённо возразил Лука.

— Должно,— согласилась Хава.— Но как туда попасть? Безводная среда мгновенно убьёт тебя.

— А если взять с собой дыхательный аппарат вроде кислородных губок? Крабы выползают на сушу, им там вечно что-то нужно.

— Для этого у них есть дыхательные мешки,— Хава стала говорить медленнее, явно задумавшись.— Допустим... Можно попробовать вырастить для тебя из них нечто... Анти-лёгкое, заполненное водой... Нет. Всё равно это сущая ерунда. Твоё тело поддерживает водная среда. Обычно мы по привычке не учитываем её плотность, но, как ты знаешь, в низинах она может тебя раздавить. А там, в обезвоженном мире, ты останешься без поддержки и сможешь только валяться под весом собственного тела, как бестолковая морская звезда.

Неожиданно Лука так крепко сжал щупальце своей подруги, что та даже на мгновение пожелтела от боли.

— Слушай!— затараторил он.— На корабле человеков семиногий Мак показывал мне одну штуку, а рядом небольшую книжку с картинками и текстом. Почти истлевшую, но я понял суть... Это что-то вроде герметичной гибкой раковины. Человеки надевали её, чтобы свободно ходить в нашей среде. Что если бы я залез в такую?

— Ты сохранишь воду, но у тебя всё равно нет костей, чтобы противостоять тяготению. Тебе понадобится экзоскелет, как у членистоногих. С мышцами и оголёнными нервами, чтобы управлять им...- Хава внимательно взглянула на своего собеседника, пытаясь угадать его идею,- Хочешь, чтобы я вырастила для тебя гигантского четырёхногого краба без внутренностей? На это уйдёт целый год...

Несмотря на то, что этот разговор случился почти год назад, Лука помнил его почти дословно. И теперь, когда весь план уже близился к завершению, как же хотелось ему всё рассказать своему другу. Пока тот копается в своих архивах, рядом готовится настоящая высадка в чужой неизведанный мир! Интересно, куда денется весь этот его скепсис? Какой цвет примет его постная физиономия? А что скажет старый зануда Максимилиан, когда узнает, зачем на самом деле Луке понадобился водолазный костюм? Выход на сушу. Новые находки. Технологии. А может даже... Контакт! С ума сойти! Это вам не ползать в глубине среди гор металлолома!

Лука взял Марка за щупальце, чтобы наконец поделиться своими грандиозными замыслами, но вдруг ощутил передающийся по коже страх. На его друге и правда не было лица, а сам он стал весь каким-то светло-серым. Марк всё так же стоял в сгорбленной позе над цветными пластинками и пристально смотрел на изображение. В ярких цветных квадратиках, перемежавшихся фрагментами текста, были запечатлены различные сосуды — широкие, высокие и плоские — наполненные всяческим содержимым. Разноцветные жидкости и кусочки. Зелёные, явно растительные фрагменты, целые листья и небольшие стебли. Коричневые, красные, розовые и белые ломтики чьей-то плоти. По всей видимости, набор диковинных кулинарных блюд. Подобное Марк и Лука уже находили и знали о взыскательности человеков, постоянно придумывающих новые гастрономические сочетания. Но то, что Лука увидел рядом, заставило его содрогнуться. В широкой миске среди листьев салата, политые соусом, торчали щупальца. Такие же, как и у него самого.

— Ты вроде говорил, что мечтал бы с ними встретиться?— преодолев свою дрожь, прошептал Марк.

Лука молчал. Все его возвышенные романтические фантазии о загадочном человеческом мире, приносящем невиданные достижения, сейчас рушились одна за другой перед бездной незнания. Как же в

действительности мало ему было известно об этих существах. Они населяли весь мир. Они меняли его. После них был потоп. И ещё один единственный жестокий и неумолимый факт. Для своих прежних богов ноглавы были всего лишь едой.

— Запомни всё,— так же шёпотом ответил Лука.— А лучше запиши. Но никому не говори! И я запишу. И не скажу. Никому не скажу! Пусть это прочитают... Но потом! Слышишь? Ещё слишком рано.

Валентина ТКАЧЁВА

«КУРСКИЙ СОЛОВЕЙ»

Как-то тёплым майским вечером, во время фотоохоты за соловьями, довелось мне услышать одну историю, связанную с этими певцами. По моему, она стоит того, чтобы поделиться ею с читателями. Впрочем, судите сами.

Тихий вечер. Звонок в дверь. На пороге темнокожий красавец с белозубой улыбкой и дипломатом в руках, это был студенческий однокашник моего друга Ивана, хозяина дома и одного из героев данного рассказа, – сын Африки с длинным и непроизносимым именем, которое студенты когда-то сократили до «Сэм», давно перебрался за океан, в США и теперь гордо именовался афроамериканцем.

По заведённой ещё со студенческих лет привычке он время от времени навещал своих друзей, оставшихся в Советском Союзе. Налетал, как ураган, и так же внезапно исчезал, всегда без предупреждения, «падал, как снег на голову» (по его же собственному выражению). Сэм прилетал из Москвы, которую посещал по делам фирмы, обычно всего на несколько часов. В тот вечер всё было практически так же, за одним исключением. Прибыл гость аж на два дня и с одной-единственной целью – послушать знаменитых на весь мир курских соловьёв. О чём и заявил прямо с порога. Мол, много лет только об этом и мечтал!

Появился американец в конце мая, в самый разгар соловьиных песен: по ивнякам и раkitам солировали выдающиеся артисты, а над Сеймом и Тускарью лился непрерывный «соловьиный благовест». Заокеанский гость сразу от порога рвался к речке, к своей мечте. Только какой же русский дорогого гостичка да вот так сразу из дому выставит?!

Гость с доводами хозяев не соглашался. Вот вынь да положи ему этих соловьёв прямо сейчас, и всё тут! Но совместными усилиями его всё же удалось переубедить. Как будто эти соловьи могут куда-то деться?! Нет, никто не спорит, конечно, их хорошо возле воды слушать. Но ведь лучше всего – на рассвете: тогда они такие рулады выдают, до сорока колен! Недаром за курских соловьёв на Коренной ярмарке звонким золотом платили.

Прибывший восхищённо слушал, а хозяйка торопливо всё, что было в холодильнике, выставляла на стол. Наконец было принято «соломоново решение»: гостя долгожданного накормить, напоить, а на рассвете – к соловьям.

Пока на сковородке шипело и скворчало главное блюдо – глазунья, хозяин сбегал в магазин. Благо их в городе на каждом углу, а «сухой закон» в стране благополучно почил. Русская водочка, брат, она ведь не хуже тех соловьёв на весь мир славится!

Вначале любитель соловьёв упирался, мол, он спиртное «ни-ни». И вообще, как все американцы, ведёт здоровый образ жизни. Мил человек, так кто же против?! Вот за это и выпьем! Еще какое-то время американец держался: закатывал глаза, отрицательным жестом крутил головой и всячески отнекивался. Но хозяин «заливался соловьём», и постепенно «процесс пошёл».

Торопиться было некуда, до рассвета – запланированной встречи с соловьями – далеко. Так по чуть-чуть, по глоточку и «усидели» миленькую. Проверив и убедившись, что супруга уже спокойно поживает, Иван недогнувшей рукой достал из заначки ещё одну. Добавили... Это только первая рюмка колом идёт, вторая уже соколом, а остальные, как в народе говорят, мелкою птахую!

Так под водочку, маринованные грибочки да картошечку с салом и селёдочкой и засиделись за полночь. И так хорошо обоим стало! От заокеанского гостя вроде даже русским духом пахло (а что, на Руси к маврам всегда хорошо относились, а уж их потомок – Александр Сергеевич – на весь мир известен). Даже общаться стало легче. И языковой барьер прямо на глазах рушился. Афроамериканец русские слова выговаривал уже увереннее, для убедительности помогая себе жестами. Так ведь всё и так понятно!

Правда, надолго его не хватило! Хозяин «ни в одном глазу», а гость вскоре совсем осоловел. Да и что с этих американцев взять?! Вон уже третья часть нации в дверь не пролазит, а они всё туда же: талдычат о каком-то здоровом образе жизни! А сами привыкли питаться непонятно чем: то чипсы жуют, то вообще каких-то там «собак горячих». А недавно (Ваня сам по телику видел!) и вовсе решили перейти на мо-ди-фи-ци-рованные продукты. Тьфу ты, и не выговоришь! Не, это ж надо такое удумать: скрестить ген помидора с геном быка. Едят себе квадратные помидоры и радуются. Пока, правда, не мычат. Ну-ну! Именно это Иван уже битый час пытался втолковать товарищу, то подливая тому водочки, то подкладывая селёдочку с картошечкой или хороший шмат сала. А тот «клевал», ну прямо как воробей, смотреть даже жалко. Сразу видно, не привык мужик к нормальной еде!

Когда всё было выпито, за окном уже серел рассвет. Пора было двигать к соловьям. Но темнокожего друга совсем разморило. У него даже лицо как-то посветлело. Он по-совиному моргал глазами, из последних сил стараясь удержать их открытыми. Наконец усталость от дальнего пути, а также разница в часовых поясах всё же взяли своё, и заокеанский гость стал засыпать прямо за столом.

Нет, ну все-таки хилые они, эти американцы! И распили-то всего ничего. Да от такого количества да под хорошую закуску нашего мужика самое на подвиги тянуть начинает: ну там морду соседу набить или еще чего... А этот и пить-то толком не пил, а уже «никакой». Эх, Сэм, Сэм! Иван лишь огорчённо махнул рукой. Похоже, желанная встреча с уникальными певцами из птичьего царства откладывалась... Хозяин под белы ручки отвёл «чуть тепленького» гостя баиньки, пообещав разбудить через пару-тройку часиков.

Но во сне тот ворочался с боку на бок, тяжело стонал и время от времени кого-то по-американски звал тоненьким голосом. Поэтому Ваня бедолагу пожалел и решил не будить: подождут эти соловьи и до обеда. Ничего с ними, небось, за несколько часов не станется. Поют, как оглашённые, и день, и ночь. И с чувством выполненного долга и чистой совестью лег и уснул.

Да только, как известно, хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах. Пока наши друзья пили-ели-спали, звёзды слегка подёрнулись кисеей. А вместо рассвета небо окрасилось в серые цвета разных оттенков, которые к обеду лишь сгустились. Когда Сэм наконец-то проснулся, ситуация за окном выглядела удручающе: казалось, небо придавило землю. При такой погоде «хороший хозяин собаку из дому не выгонит». А тут гость заокеанский! Тем более ко времени запланированного похода на Тускарь небо и вовсе расплакалось мелким дождём.

Видимо, после дальней дороги и всех переживаний у гостя сильно болела голова. Но вначале он пробовал отказаться от «традиционного» русского лечения, не понимая, как это «клин клином вышибают». Но по мере действия лекарства «охи» и «ахи» страдальца становились всё реже, а потом и совсем прекратились. Помогло, значит, лечение! Это ведь только «соловья баснями не кормят», а людей – запросто! Вся мировая история это подтверждает.

За столом беседа велась исключительно о соловьях. Гость сильно переживал, а вдруг невзгода не позволит ему услышать знаменитого курского соловья? Хозяин успокаивал: нашёл, мол, о чём волноваться, да этих певцов у нас тут видимо-невидимо! Даже вон улица на окраине Курска прямо так и называется – Соловьиная. Чистая правда!

Иностранец слушал, затаив дыхание. Но за рассказами хозяин своё дело не забывал, а водочка делала «своё». Разговор постепенно оживился, стал громче и душевнее. И уже не только о соловьях. Правда, поход к ним вновь пришлось отложить, уже до следующего рассвета. Стихия, что поделаешь?!

Но на следующее утро появились тяжёлые, метущие землю растрёпанными бородами тучи, а к полудню за окном и вовсе потемнело. Словно в одно мгновение перепутались времена года, и стоял не конец тёплого мая, а начинался холодный ноябрь. Тучи время от времени то били «провинившуюся» землю крупными тяжелыми каплями, то хлестали «плётками» холодных дождевых струй. К вечеру порывы ветра резко усилились и перешли в штормовые. Шквал ещё больше охладил пострадавшую землю, зато появилась надежда, что он разгонит тучи. Но те так придавили переполненную влагой почву, что, казалось, слились с ней в одно целое. Ветер пытался, но никак не мог найти между ними ни единого просвета.

Вообще-то тёплый майский дождик для соловьёв не помеха, знай себе поют! Лишь время от времени прерываясь, чтобы стряхнуть с перьев влагу. И ещё как поют! Но только не при штормовом ветре: сегодня певцы решили не рисковать и попрятались кто куда, до лучших времён.

Время отъезда неумолимо приближалось, а дождь, как назло, не утихал. Огорченный гость сначала отказался от еды, потом, как загнанный зверь, начал из угла в угол метаться по комнате. На него было жалко смотреть: он как-то даже посерел и сам стал под цвет погоды, вроде та и его умудрилась переокрасить. Ваня аж весь испереживался!

– Ну, надо же какая незадача! – жаловался он другу. – Обычно у нас и ходить никуда не надо, соловьи прямо в городе чуть не на каждой ветке поют. Бывает, за окном так распюются, что уснуть мешают. А тут – на тебе!

Дождь не прекращался, правда, к вечеру стал гораздо мельче и спокойнее – штормовой фронт уходил. Изнервничавшийся от переживаний гость наконец-то задремал. Укрыв его пледом, Иван вышел на балкон и с грустью стал вглядываться в сумерки. Дождь перестал совсем, но было прохладно. Обидно! А ещё его мучили сомнения. У Сэма билеты на самолёт. Только пустят ли рейс при такой-то погоде? А на поезде тот опоздает... Да и имя у фирменного поезда опять же не какое-нибудь, а как нарочно, – «Курский соловей». На тебе! Вот непруха так непруха!

С такими тревожными мыслями он и вошел в спальню. Долго ворочался, не мог уснуть – мешали переживания. А тут ещё за стеклом время от времени слышалась то какая-то возня, то непонятные шорохи и

стуки. Иван с досадой поморщился: коты, что ли? Не разбудили бы и так настрадавшегося гостя.

Лишь под утро усталость взяла своё, и он наконец-то задремал. Во сне его со всех сторон окружали соловьи. Но как бы он их ни уговаривал, даже умолял, петь они не желали. Ни в какую! А потом и вовсе накинудись всем скопом и стали его клевать. Да так ощутимо! Иван аж подскочил на кровати. Тормошит жена: гостю пора было собираться.

Иван тяжело вздохнул, но выхода не было, и он через силу переступил порог комнаты, где провёл ночь невезучий товарищ. Поднял глаза и замер: лицо афроамериканца сияло от радости, как спелый баклажан под августовским солнцем.

– Вань-ю-ша-а! Вань-ю-ша-а! Ва-а-нья! – гость со всех ног кинулся к оторопевшему хозяину, который никак не мог уяснить для себя причину столь бурного веселья.

– Со-ло-вь-ей! Со-ло-вь-ей! – казалось, от волнения тот растерял весь словарный запас. – Всю ночь не спль-ять! Не спль-ять! – Сэм, как ребенок, хлопал в ладоши и показывал на окно. – Со-ло-вь-ей! Топ-топ! Кар-кар!

Александр ГОЛОЗУБОВ*ВЕСНОЮ ЛЬЁТСЯ БОЖИЙ СВЕТ...***СИНЕОКИЙ КРАЙ**

Над Курском солнечный рассвет
Сияет в небе синеоком.
Весною льётся Божий свет
На Землю - матушку потоком.

Он белоснежные сады
Лелеет тёплыми лучами,
И желтоклювые дрозды
Поют задорно вечерами.

А ночью звёздную вдали,
Когда округа мглой одета,
За речкой Сеймом соловьи
Звонят оркестром до рассвета.

И лягушиный сводный хор
Им подпевает голосисто,
И с небосвода лунный взор
В росе сверкает серебристо.

МОЛЬБА

О, дай мне, Господи, терпенья,
Чтоб раньше срока не уйти,
За все бывлые прегрешенья
Меня помилуй и прости.

Прости, к кому я был нечуток,
Кого отверг словами зря,
Прости, когда не ради шуток
Своих родных обидел я.

Прости, что в молодости бурной
Не знал я истины, Господь.
Сквозь дивный лик иконы чудной
Я вижу кровь Твою и плоть.

И вижу явно те невзгоды,
Как сатанинскою толпой
Тебя вели, лишив свободы,
На кручу каменной тропой.

Распяли подло и жестоко
На том кресте, что тяжким был.
В мученьях умер одиноко,
Но род людской не позабыл.

СОН ПРО ОТЦА

Снится мне ночью, что в красном углу
Кто - то стоит перед Ним на полу.
Истово крестит он плечи и лоб,
Просит: «Молитву прими мою, Бог!».

Шёпотом хриплым слова говорит,
Сам на иконы с любовью глядит.
Голову низко склоняет на грудь:
- Боже всевышний, детей не забудь!

Сразу узнал я того старика.
Это отцова крестилась рука.
Тайно явился с небес в отчий кров,
Чтоб повидать повзрослевших сынов.

С радостью бросился в ноги отца.
Вдруг я проснулся - на мне нет лица.
Вижу, что сам на коленях стою
И на божницу святую смотрю.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЫНА С ВОЙНЫ

В белой роще пела птица.
В мае ночь была тепла.
Сладко спит уже станица.
Над землёй луна взошла.

Лишь в одной избе не спится.
Свет струится вдоль стены.
Мама ждёт, что возвратится
Сын единственный с войны.

Сон приснился ей однажды,
Как пошёл в атаку он.
Но под Курском пал отважно
Весь стрелковый батальон...

Тихо молится старуха
Пред иконой в поздний час.
Каплют слёзы на пол глухо
Из печальных женских глаз.

Режет сердце боль тупая:
- Где ты, Коленька родной?
Бабья доля непростая
Сына ждать с войны домой.

Вдруг сквозь слёзы Валентина
Стук слышала в окне.
- Мама! Мама! - голос сына -
- Я живой! Откройте мне!

Жанна ГЛАДЧЕНКО

НЕБО НАД РОССИЕЙ, КАК ПЛАТОЧЕК СИНИЙ...

НЕБО НАД РОССИЕЙ

Небо над Россией, как платочек синий.
Стройные березки – нежная краса.
Эхо отзовется песней журавлиной.
Чистые озёра – девичья слеза.

Праведная сила – светлая Россия.
Главное богатство – Матушка-земля.
Божией рукою бережно хранима.
Трепетное сердце чище хрустала.

Многое сносила сильная Россия.
На пути встречала друга и врага.
Многое дарила, многое простила.
Хоть была порою доля нелегка.

Как на русской воле радуга над полем –
Радуеться сердце – солнце впереди.
А коль затоскует да душой горюет –
То омоют землю грозные дожди.

Как сама стихия крепкая Россия –
Величава поступь, сила велика...
То плывет лебёдкой нежной и красивой,
То луга украсит цветом василька.

Как на ратном поле да по вражьей воле
Тихие могилы крепких сыновей...
С болью горевала, но всегда вставала
За любовь и правду, за своих детей.

Небо над Россией, как платочек синий.
Не налюбоваться и не разлюбить.
Светлая Россия, нежная Россия,
Сильная Россия... Будем, будем жить!

ТАМ, ГДЕ ВОДЯТ ХОРОВОДЫ

В изумрудных разнотравьях луга, –
Только ты себе вообрази, –
Крепко взявши за руки друг друга,
Хоровод водили на Руси.

Позади оставив все заботы,
Песней завершали трудный день.
Пчёлы наполняли медом соты,
И закат ложился на плетень.

Там земля дышала из-под плуга,
Бирюзой светили облака,
Угощала детвора друг друга
Кринкою парного молока.

Чистая рубашечка льняная –
Самый главный праздничный наряд.
Нет глазам милей родного края
И они надеждою горят.

Там, где предки водят хороводы,
До сих пор не разнимая рук,
Их венки с собой уносят воды,
И рождает Солнце новый круг.

В нас живет единство наших предков.
Душу русскую да разве кто поймет?
Ведь, за руки взяв друг друга крепко,
На Руси водили хоровод.

Рожь сверкнула золотом над нивой.
Я в своей любви не удержусь:
Кто зовёт Россию несчастливой,
Тот не знает, что такое – Русь.

Дом мой святой, Господом хранимый.
От тебя вовек не отрекись!
Кто зовёт Россию нелюбимой,
Тот не знает, что такое – Русь.

Блещет луг, росой напоённый.
Не солгу я, коли поклянусь:
Кто мечтает видеть покорённой,
Тот не знает, что такое – Русь.

Брошен вызов всем «друзьям» заклЯтым.
Я от лжи их сердцем содрогнусь.
Кто зовёт Россию виноватой,
Тот не знает, что такое – Русь.

Край, колоколами пробуждённый,
Я твоим величием горжусь!
Кто сочтет Россию побеждённой,
Тот узнает, что такое – Русь!

Юрий БУДЯНСКИЙ*ЭТИ СЕРЁЖКИ – НОСИТЬ БЫ ПРИНЦЕССАМ...*

* * *

В глухозимье снег валил
Плотно, густо, смело.
У окна щека твоя
Шпанкой розовела.

Одевался в небо сад,
Крепко нахлобучив
На макушки крепких слив
Снеговые тучи.

Шорох в воздухе снежин -
Как Шопен мазурку
Начал. И снежины все
Заиграли в жмурки.

А на яблоне, крепясь,
Отголоском лета
Мерзло яблочко одно
В беленьком берете.

Не сорвать его, не сбить,
В шорохах утонешь.
Хрустом вскрикнут по нему
Теплые ладони.

* * *

Раннее-раннее утро июля.
Небо с востока горит.
Сад у реки, и строенья, и ульи...
Сторож под яблоней спит.

Я пробираюсь сквозь старый малинник,
Крупной забрызган росой.
Вязы, берёзы, дубы и рябины
Дом обступили стеной.

В доме с глухой стороны все цветные
Стёкла веранды твоей,
В нише крылечка перила витые,
Стайка лесных голубей.

Тихо ступени скрипят под ногами,
Я захожу на крыльцо
В белой рубашке, с письмом и цветами,
Пряча в букете лицо.

Вижу сквозь стёкла тебя голубую,
Красную, жёлтую... Спишь
Ты на диване ещё непробудно.
В доме - потёмки и тишь.

Ты - именинница. Вспыхнут пятнадцать
Свечек сегодня твоих.
Каждая будет гореть и смеяться
Блеском огней золотых.

На подоконнике розы в кувшине
Я оставляю с письмом,
И исчезаю в посадке крушины
С первым лучом.

БЕРЁЗА

Крепкая кроною, сильная телом,
Словно России неведомый код,
Словно кусочек белейшего мела
Кто-то поставил меж сёл и слобод.

Как ты сияла под кистью Куинджи !
Боготворил твои краски Юон.
Смысл твоих чёрных отметинok высший -
Белое выделить в свете дневном.

Белой коры чистота - как святыня
В гулких хорах урочищ земных.
Рощи берёзы бывают густыми,
Но никогда не бывают темны.

Кто ты, красава степных перелесков,
Символ отечества, песен мотив?
Не покоряет орех меня грецкий,
Сердце не тянется к скопищам слив,

Не пробирают шелковица, туя.
Чувства захлопнуты, вкупе молчат,
Лишь привечаю берёзку простую,
Ствол у которой кряжист, суковат.

Эти серёжки - носить бы принцессам !
Ветви - как взмах отлетающих птиц.
Кто ты, берёза, какого замеса,
Крыша для филина, дятла, синиц?

Ты как белица, сбежавшая в поле
От послушаний игуменьи в ночь.
В ветках запутались звёзды, как пчёлы.
Или Велеса ты скромная дочь?

Стелется поле, зарю поджидая,
Шастают где-то в траве мураши.
Полнятся слухи войной и враждами,
К бою готовятся латы и щит.

Копья повиты и вскормлены с копий
Воины, предков отвагу храня.
В пропасть атак из окружий окопов
Ты поведешь их, берёза моя!

Галина ХМЕЛЕВСКАЯ*Я РОСОЙ УМОЮСЬ, СОЛНЦУ ПОКЛОНЮСЬ...***ВОСПОМИНАНИЯ О БАБУШКЕ**

В той глухой деревне
Пыль столбом летит,
В детстве мы играли
Среди двух ракич.

Там жила мудрейшая
Бабушка Елена,
Спали мы в сарае,
На душистом сене.

Детство босоное
На меня глядит
Из кустов малины,
Из-за двух ракич.

Шли года, вернулись мы
На усадьбу к ней,
Встретил сад цветущий
Дорогих гостей.

Только слезы капали
На зеленый луг-
Всё родное, близкое ,
Было нам вокруг....

МИРЮСЬ С СУДЬБОЙ

Жду опять сегодня –
Вряд ли он придет,
Выйду в ночь глухую,
Стану у ворот.

Отворю калитку,
Вдаль опять смотрю,
На дороге лунной
Встречу я зарю.

Я росой умоюсь,
Солнцу поклонюсь,
Видишь, я не плачу,
Я с судьбой мирюсь...

ПАМЯТЬ

На могилу сына
Мать несет цветы,
Тонкая рябина
Будет вновь цвести.

Рок – погиб сынишка:
Был один в семье.
В черной рамке фото
В спальне на окне.

Схоронила сына-
Больше не вернуть,
Слезы каждый вечер
Не дают заснуть.

В тишине квартиры
Не найти покоя,
Сединой покрыло
Словно снегом горе.

Никуда не скрыться,
Никуда не деться,
Жжет и убивает
Память ее сердце.

Мать приходит часто,
Шелестит рябина,
Обнимает дерево,
Как родного сына

Ольга КОРОВИНА

ГЕНИЙ И ЕГО ЦЕНЗОР

А.С. Пушкин на страницах дневника А.В. Никитенко

Текущий год является юбилейным годом жизни А.С. Пушкина. 6 июня исполнится 225 лет со дня рождения поэта. Наверное, нет в мире такого уголка, где бы не знали Пушкина, не читали его, где не было бы памятных мест, посвящённых ему и героям его произведений, которые переведены на более чем 210 языков мира. Памятники Пушкину существуют в более чем сорока странах: в Мексике и Корее, Молдавии и Болгарии, в Китае и на Кипре, в Италии и Испании, и даже в Эфиопии, где по одной из версий родился известный предок Александра Сергеевича – Абрам Петрович Ганнибал.

Не побывав на территории современной Белгородчины, Пушкин, тем не менее связан с нашим краем многими нитями и тропинками, среди которых родственные, дружеские и творческие линии. Одна из «белгородских тропинок к Пушкину» ведёт от уроженца села Удеровки (ныне – Мухоудеровка Алексеевского района Белгородской области) Александра Васильевича Никитенко, 220-летие которого также отмечается в этом году.

Пушкин и Никитенко познакомились в 1827 году в одном из светских салонов. Для Александра Васильевича это знакомство было связано с охлаждением к нему Анны Петровны Керн, в чувствах к которой Никитенко признавался в своём дневнике. Приезд давнего друга А.С. Пушкина в Петербург очень обрадовал Анну Петровну, много времени она проводит в разговорах с поэтом, забывая о юном поклоннике Никитенко. Познакомившись с Пушкиным лично, Александр Васильевич так описывает его внешность: «Это человек небольшого роста, на первый взгляд не представляющий из себя ничего особенного. Если смотреть на его лицо, начиная с подбородка, то тщетно будешь искать в нем до самых глаз выражения поэтического дара. Но глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи - прекрасные, как букет свежих весенних роз, звучные, полные силы и чувства» [2;48]. Через несколько месяцев Никитенко так отзовется о Пушкине-поэте и

человеке: «Никто из русских поэтов не постиг так глубоко тайны нашего языка, никто не может сравниться с ним живостью, блеском, свежестью красок в картинах, созданных его пламенным воображением. Ничьи стихи не услаждают души такой пленительной гармонией. И рядом с этим, говорят, он плохой сын, сомнительный друг. Не верится!.. Во всяком случае, в толках о нем много преувеличений и несообразностей, как всегда случается с людьми, которые, выдвигаясь из толпы и приковывая к себе всеобщее внимание, в одних возбуждают удивление, а в других – зависть» [2;58]. Ещё не раз на страницах дневника Никитенко удостоит поэзию и язык Пушкина в целом, высших похвал.

Пушкин и Никитенко неоднократно встречались в дружеском кружке у Петра Александровича Плетнёва, а также на учредительном собрании первой российской универсальной энциклопедии – «Энциклопедического лексикона» издателя Плюшара. В 1834-1835 годах, уже будучи цензором, А.В. Никитенко выпустил в печать несколько книг А.С. Пушкина. Это – «Поэмы и повести А.С. Пушкина» (ч.1 и ч.2, 1835), «Стихотворения Александра Пушкина» (ч.4, 1835) и стихи Пушкина в журнале «Библиотека для чтения» (1834, 1835гг.). Цензурные исправления, сделанные Никитенко в поэме «Анджело» (по требованию министра народного просвещения С.С. Уварова) и «Сказке о золотом петушке» вызвали резкое недовольство Пушкина (записи в дневнике Пушкина от февраля 1835г. и в дневнике Никитенко от 11 апреля 1834г.). Взаимные отношения Пушкина и Никитенко после этого становятся сдержанно-недоброжелательными.

Гибель А.С. Пушкина Никитенко воспринял как большую потерю для русской культуры. «Мы понесли горестную невознаградимую потерю» [2;194] – пишет Никитенко. «Это были действительно народные похороны. Всё, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге, – всё стеклось к церкви, где отпевали поэта». «Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исаакиевском соборе, – так было означено и на билетах, а между тем тело было из квартиры вынесено ночью, тайком, и поставлено в Конюшенной церкви. В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр, и студенты присутствовали бы на лекциях. Я не удержался и выразил попечителю своё прискорбие по этому поводу. Русские не могут оплакивать своего согражданина, сделавшего им честь своим существованием! Иностранцы приходили поклониться поэту в гробу, а профессорам университета и русскому юношеству это воспрещено. Они тайком, как воры должны были прокрадываться к нему» [2;196].

Сразу же после отпевания Пушкина Никитенко из церкви отправился в университет, где должен был читать учебную лекцию. «Но вместо

очередной лекции, - пишет он, - я читал студентам о заслугах Пушкина. Будь что будет!» [2;196].

«Дня через три после отпевания - пишет Никитенко - Пушкина увезли тайком в его деревню. Жена моя возвращалась из Могилёва и на одной станции неподалёку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом» [2;197].

Никитенко был назначен цензором посмертного собрания сочинений Пушкина. Он единственный выступил против решения цензурного комитета подвергнуть строжайшей цензуре посмертное издание произведений Пушкина, исключив даже те произведения, которые публиковались раньше. Александр Васильевич «держал крепкий бой», по собственному своему выражению, с председателем Санкт-Петербургского цензурного комитета князем М.А. Дондуковым-Корсаковым за то, чтобы сочинения Пушкина изданные ранее не подвергать цензуре заново. На следующий день после разговора с князем Никитенко запишет в дневнике: «В.А. Жуковский мне объявил приятную новость: государь велел напечатать уже изданные сочинения Пушкина без всяких изменений [2;199]».

Почти сорок лет спустя, во время поездки в Швейцарию, куда привела его болезнь, Никитенко встретит убийцу Пушкина. Впечатления от встречи оказались на страницах дневника: «Проходя под колоннадой кургауза, я часто встречаю человека, наружность которого меня постоянно поражает своей крайней непривлекательностью. Во всей фигуре его что-то наглое и высокомерное. На днях, когда мы гуляли с нашей милой знакомой М.А.С. и этот человек нам снова встретился, она сказала: "Знаете, кто это? Мне вчера его представили, и он сам мне следующим образом отрекомендовался: "Барон Геккерен (Дантес), который убил вашего поэта Пушкина". И если бы вы видели, с каким самодовольством он это сказал, - прибавила М.А.С., - не могу вам передать, до чего он мне противен!" И действительно, трудно себе вообразить что-либо противнее этого, некогда красивого, но теперь сильно помятого лица с оттенком грубых страстей. Геккерен - яркий бонапартист, благодаря чему и своей вообще дурной репутации все здешние французы - а они составляют большинство шинцнахских посетителей - его явно избегают и от него сторонятся. При Наполеоне III он был сенатором, но теперь лишен всякого Значения. О его семейных обстоятельствах говорят очень дурно; поделом коту мука» [3;378-379].

Имя Александра Васильевича Никитенко зачастую остаётся в тени, когда речь идёт о великой русской литературе. Однако, не стоит забывать,

что цензор-Никитенко в «тяжбе политического механизма с искусством» [2;134], делал всё возможное, чтобы оставаться на стороне последнего. Благодаря его либеральным взглядам и умелому взаимодействию с властью, в российской печати появились не только пушкинские творения, но и «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, рассказ «Хорь и Калиныч» молодого И.С. Тургенева и другие произведения отечественных литераторов. А.В. Никитенко относился к той группе современников А.С. Пушкина, которые по достоинству смогли оценить талант великого гения. Свидетельством этому является дневник Александра Васильевича, который не только хранит воспоминания о множестве выдающихся людях и событиях XIX в., но и является ценнейшим источником для изучения жизненного пути, личного становления и мироощущения нашего прославленного земляка Александра Васильевича Никитенко.

Литература:

- 1) Кряженков А.Н. Своё суждение имел: жизнеописание А.В. Никитенко. – Белгород: Константа, 2019. – 340с.
- 2) Никитенко А.В. Дневник в трёх томах. Том 1. Государственное издательство художественной литературы – 1955г. – 538с.
- 3) Никитенко А.В. Дневник в трёх томах. Том 3. Государственное издательство художественной литературы – 1956г. – 581с.

Валентина ПАВЛОВА

А. С. ПУШКИН – С. С. КОСЕНКОВ. «ЦЫГАНЫ»

2024 год ознаменован многими значимыми юбилейными датами: 225-летием со дня рождения великого русского поэта А.С. Пушкина; 200-летием написания им поэмы «Цыганы», 70-летием образования Белгородской области, важным достижением культурной политики которой стало открытие в областном центре Пушкинской библиотеки-музея с её интереснейшей экспозицией «А.С. Пушкин и Белгородчина».

Учреждению немногим более 30 лет, но оно уже богато своей историей.

В 1989 году по инициативе заслуженного художника РСФСР Станислава Степановича Косенкова в Белгороде было создано Пушкинское общество. Днем рождения его стал 10 февраля, день кончины А.С. Пушкина. В этот день Станислав Степанович выступил с программой деятельности общества в Белгородском отделении Всероссийского фонда культуры. Он предложил собрать при Пушкинском обществе постоянную библиотеку с обширной библиографией изобразительной, музыкальной Пушкинианы, а также создать фонд художественных ценностей.

В качестве первого экспоната для будущей библиотеки С.С. Косенков передал свою работу «Соперники в искусстве брани» из цикла иллюстраций к поэме «Руслан и Людмила». Эта идея пришлась по душе участникам первого организационного заседания Белгородского отделения Пушкинского общества, и они единогласно проголосовали за создание под «крылом» общества специализированной Пушкинской библиотеки. Председателем Пушкинского общества был избран инициатор его создания С.С. Косенков. Для вновь образованного общества Станислав Степанович уже в следующем месяце создал экслибрис в технике линогравюры с девизом «Пушкин в сердце каждого». Все эти предметы – достояние библиотеки-музея, представлены в экспозиции.

Пушкинская библиотека была образована 10 февраля 1992 года как специализированный филиал «ЦБС г. Белгорода». Уникальные коллекции и предметы искусства в её фондах позволили в 1997 году получить редкий

статус библиотеки-музея. В 1999 году в год 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина была создана первая постоянная экспозиция музея

В 2007 году после реконструкции в библиотеке-музее была открыта обновлённая экспозиция. В основе научной концепции экспозиции работы известных белгородских краеведов В.И. Щербаченко, А.Н. Крупенкова, профессора А.И. Ильина. В создании произведений живописи, графики (пейзажи, портреты, жанровые композиции), скульптуры, театрально-декорационного и оформительского искусства приняли участие 44 члена Белгородского отделения Союза художников России под руководством его председателя О.А. Поповой.

В юбилейном году в выставочном пространстве библиотеки-музея встретились две бесспорно выдающиеся творческие личности, которые хотели во всём дойти до самой сути.

«Солнце» русской поэзии А.С. Пушкин и заслуженный художник РСФСР С.С. Косенков.

Экспозиция дополнена иллюстрациями С.С. Косенкова к поэме А.С. Пушкина «Цыганы».

История создания поэмы А.С. Пушкина «Цыганы» начинается со ссылки в Кишинев, где он впервые так близко узнал быт цыган и отразил его в своих стихах. Летом 1821 года во время кишиневской ссылки Пушкин несколько недель странствовал с табором бессарабских цыган. Под впечатлением от тех дней он начал писать поэму «Цыганы».

Мысль большого лиро-эпического стихотворения, сопоставляющего мирную вольность полудиких кочевий, величавую в своем смирении, невинную и радостную в первобытной простоте и беспечной нищете своей, но ужасающую «сына городов», который «для себя лишь хочет воли», самую свою безусловностью — с байроническим мятежом своеначальной личности против общественного начала, равно с нею несовместимого в органически бытовых, как и в искусственно осложненных формах общежития, — мысль стихотворения, которое бы музыкально сплело обе эти темы и обострило их противоречие до трагического конфликта «роковых страстей», свободно развивающихся в обеих сферах по присущему каждой из них внутреннему закону, — эта общая идея более или менее смутно или отчетливо предносилась Пушкину, быть может, уже в последнюю пору его пребывания в Бессарабии. Однако твердого основания утверждать, что он покинул Кишинев с готовым замыслом «Цыган» или хотя бы с первыми и отрывочными опытами его осуществления в слове — нет.

Большая часть поэмы «Цыганы» создавалась поэтом в Одессе в начале 1824 года, но совершенно созрела в творческом уединении села Михайловского, где он закончил ее 10 октября 1824 года. Из письма к

князю П. Вяземскому, в котором поэт сообщает другу: «сегодня кончил поэму Цыганы, — только что кончил». Это завершение потребовало еще значительной и пристальной работы, рукопись эта не была трудом только последней редакции. Она включала в себя и не написанные ранее части произведения. Тем не менее поэтический материал, положенный в основу «Цыган», был одним из приобретений кишиневского периода.

Впервые отрывки из поэмы были опубликованы в альманахе «Полярная звезда», затем в «Северных цветах». Познакомиться с полным текстом «Цыган» читатели смогли только в 1827 году, когда произведение вышло отдельным изданием.

В «Цыганах» большинство эпизодов поэмы даны в диалогах, в драматической форме, где отсутствует голос автора, а говорят и действуют сами персонажи. В ней он впервые помещает своих героев в конкретную обстановку и прослеживает, как они проявляют себя в обстоятельствах, в которых оказываются.

А.С. Пушкин создал наиболее зрелое из больших произведений, ранее им написанных. Мощно растущему самосознанию поэта были открыты и величие его замысла, и гармоническое осуществление задуманного. Но в то же время поэма была переходом от прежнего к чему-то новому и еще не вполне выясненному ни для самого поэта, ни в особенности для тех, кому он пел. По завершении «Цыган» он впервые оказался не до конца понятным себе самому.

Поэма рассказывает о любви цыганки Земфиры и юноши Алеко, который оставил «неволю душевных городов» ради степного приволья. На протяжении двух лет он кочует по степи вместе с вольными цыганами и своей любимой. Наконец, песня Земфиры и вещий сон открывают ему глаза на её неверность. Старый отец девушки предлагает Алеко не препятствовать её счастью, приводя в пример свои отношения с матерью Земфиры — Мариулой.

Застав Земфиру во время свидания с молодым цыганом, Алеко пренебрегает советом старика и убивает их обоих. Цыганы не могут понять его эгоистичного стремления обладать любимой ценой её жизни: «Оставь нас, гордый человек!»

Основная тема поэмы — трагическая неспособность сложного, цивилизованного человека отбросить обуревающие страсти, привычные чувства, в особенности чувство собственника по отношению к своей избраннице.

А.С. Пушкин в своей поэме «Цыганы» ставил извечный вопрос о свободе, о воле и о понимании людьми из разных социальных групп этого явления. Его «Цыганы» - решительное утверждение свободы — свободы

женщины по отношению к мужчине — и решительное осуждение неестественного зла — мщения и наказания.

В творчестве нашего земляка-художника Пушкиниана занимает особое место. В течение нескольких лет Косенков разработал и создал более 200 Пушкинских сюжетов. В 1990-м он создал прекрасные иллюстрации на сюжет поэмы «Цыганы». Приступая к работе над иллюстрациями, Косенков не просто прочитал поэму вдумчиво. Он прожил её сюжет вместе с героями.

Из воспоминаний А.К. Косенковой: «А вот что записал в своих дневниках С.С. Косенков: «На днях прочёл «Цыганы» Пушкина, сегодня – первые почеркушки. Думаю (пока), делать в классической цветной гравюре с нескольких досок в четыре цвета: чёрный, серо-зелёный, коричнево-синий (синяя) и красный (сангина). Великая поэзия и проза требуют и великих усилий, всего меня целиком, без остатка! Ведь Алеко – это начало и «духа изгнания» Лермонтова, и «преступившего черту» Раскольникова и Свидригайлова, и зародыш «бесовщины» Достоевского, и «сверхчеловека» Ницше... За Пушкина нельзя братья, не изгнав из себя все «грехи искушения» и желания сказать «я и Пушкин». Пушкин, как никто требует чистоты помыслов. А кто лучше Пушкина может нас научить чувству меры, особенно своей прозой, где нет колдовства и магии его зачаровывающего стиха. А человек без Пушкина в душе становится «гордым», потому что нет ясности своего предназначения и своего пути». «Обретение духовной свободы возможно только через искусство!» считал С.С. Косенков.

В Пушкинской библиотеке-музее хранятся все 9 работ заслуженного художника РСФСР С.С. Косенкова к поэме.

Искусствоведческий анализ к иллюстрациям дала в своих воспоминаниях вдова Станислава Степановича Анна Константиновна Косенкова: «Три работы художник посвящает старику – отцу Земфиры. Изображает его сидящим у костра на фоне звёздного неба. Вьётся легкий прозрачный дымок костра, сливаясь с ночным небом. Старик задумчиво вглядывается в даль, словно вспоминает своё прошлое. Возможно, свою любовь к красавице цыганке Мариуле, которая отвергла его любовь и оставила мужа одного с маленькой дочерью Земфирой. Печален старый цыган, ибо чувствует его сердце, что Земфира повторит судьбу своей матери. Состояние природы усиливает переживания старика. Тревожные облака и звёзды не предвещают ничего хорошего.

У многих работ нет чётких названий, кроме нескольких из них, обозначенных художником – например «Цыган у костра», «К стр. 11 поэмы

А.С. Пушкина «Цыганы», которые иллюстрируют слова поэмы:

В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальнее глядит,
Ночным подёрнутое паром.
Или
Поднялся табор кочевой
Всё вместе тронулось: и вот
Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жёны, девы,
И стар и млад во след идут;

Косенков выбирает для иллюстраций технику чёрно-белой линогравюры, отступив от прежнего замысла. «Волнение» штриха, «плотность чёрного» дают ощущение загадки, тайны вечно кочующего и свободного цыганского народа. Портрет Земфиры Станиславу Степановичу дался не сразу. Он искал подходящую натуру и нашёл её и сангиной, карандашом и углем нарисовал её портреты. Художник изобразил свою героиню ночью. Ветер раздувает её длинные роскошные волосы, треплет «бедное» платье. Земфира не покорно, страстно идёт навстречу этому ветру и своей судьбе». Верхушки деревьев, наклонённые ветром в сторону, противоположную целеустремлённому движению Земфиры усиливают нарастающее чувство хаотической тревоги.

Сам Александр Сергеевич в своей поэме развенчал идеал неограниченной свободы, подчёркивая, что полная свобода действий, отсутствие ограничений и обязательств в общественной жизни осуществимо только для общества людей примитивных в своих потребностях, ленивых, праздных, да к тому же робких и мягкотелых.

Пушкинский табор — община анархическая, не подлежит сомнению: поистине, у кочевников поэмы нет «законов и казней». Единственным ограждением общины от «убийц» и единственною карою за содеянное преступление служит исключение из ее членов того, кто не так же «робок и добр», как все. «Мы робки и добры душою, Ты зол и смел – оставь же нас» - слова старика-цыгана, обращённые к Алеко, безусловно обращены и к цыганам, к их образу жизни.

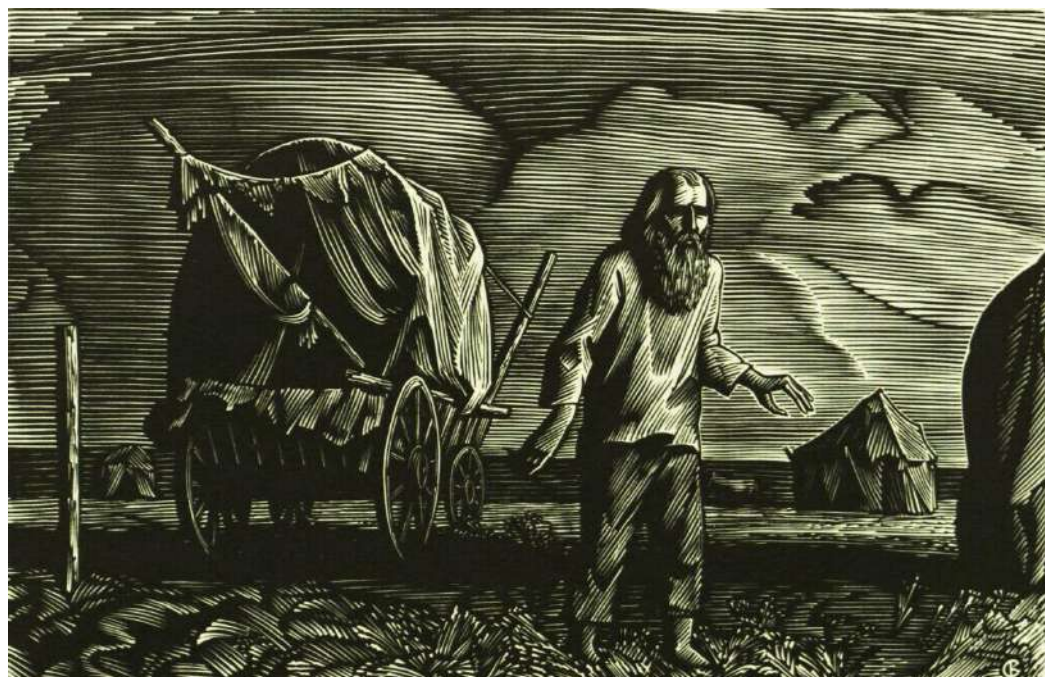
В эпилоге к «Цыганам» Александр Сергеевич подчёркивает, что и эта полная свобода в поступках вовсе не даёт «вольным» цыганам счастья. Они несчастливы, но смиренны. Алеко тоже несчастлив, но он бунтарь из другого мира. «И всюду страсти роковые, И от судеб защиты нет».

Эту же неясность будущей свободы и трагичность этой неясности постарался показать в своих иллюстрациях и Станислав Степанович. В изображении героев поэмы – Земфиры, старика у кибитки, роковой встречи Алеко и Земфиры, кочующего табора Косенков использует своеобразный композиционный приём – замкнутый знаковый круг. По словам Анны Константиновны: «Это кольцо судьбы, судьбы каждого из них. Замкнулась судьба Земфиры, изменившей Алеко. Замкнулась жизнь старика на гибели дочери».

Казалось бы, диалог о свободе между Пушкиным и Косенковым состоялся. И они совпали во мнениях о свободе мнимой и свободе настоящей.

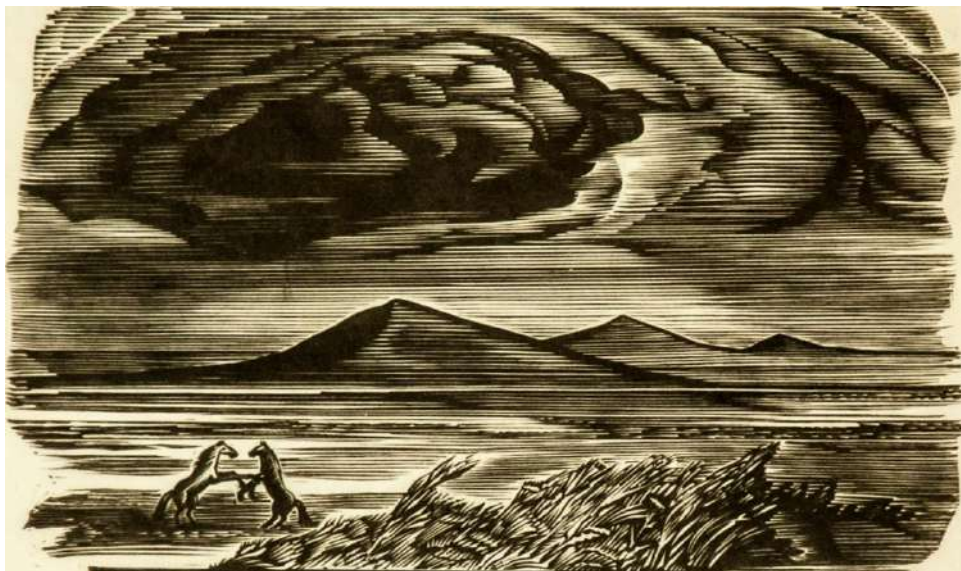
К сожалению, эта незаконченная работа художника, который трагически ушёл из жизни, не имела продолжения.

Так и проблема свободы по сей день является одной из самых насущных. Какая она? Никто ещё не дал ответа на этот вопрос.

Владимир ЗЮСЬКИН

РУССКАЯ МУЗА

Русская муза... Она видится мне миловидной девушкой в сарафане из льна, с русой, толстой, длинной, тугой косой с венком на голове и с лирой в руках. Ее увидел однажды Иван и влюбился без памяти. Но в Россию прибыла заморская принцесса в искусно сшитом платье из парчи, с замысловатой прической, в сопровождении свиты из вельмож. В ушах ее позванивали дорогие серьги, и эти звуки загипнотизировали Ивана. Он пошел за принцессой, забыв о своей любимой.

К сожалению, эта аналогия не высосана из пальца. Современные поэты России в своем большинстве идут за зарубежной «красавицей», которая кажется им раскрепощенной, свободной. Да, парча и бриллианты способны сбить с панталыку, затмив лен и венок. В данном случае это – изощренные метафоры и презрение ко всем поэтическим канонам.

В юности и я считал, что без троп, главной из которых является метафора, истинная поэзия существовать не может. Меня восхищали метафоры, сравнения Маяковского, Пастернака, но с годами пришло понимание, что высокая художественность может быть и без каких-либо аллегорий.

Мнение это сформировалось с чтением стихотворений, написанных в духе русской лиры. Однако к ней относятся далеко не все стихи на русском языке. Русская лира характеризуется особой стилистикой и лексикой, отсутствием иносказаний, подкупает простотой.

А игнорирование рифмы и размера, характерные для современной иностранной поэзии, лишает речь музыкальности. Верлибр, изобретенный во Франции, переводится как свободный стих. Но от чего свободен он? Мне думается, от красоты.

Да и как можно отказаться от рифмы, если «зарифмован» весь мир, вся наша жизнь? Повторяющиеся, но не идентичные дни, ночи, сезоны схожи с рифмами. Рифмы существуют и в музыке. Это звуковые повторы. Откажись от них – музыка превратится в шум. Все явления мира повторяются и это очень схоже с рифмами.

Приведу для примера русской лиры стихотворение Юрия Кузнецова:

Завижу ли облако в небе высоком,
Примечу ли дерево в поле широком —
Одно уплывает, одно засыхает...
А ветер гудит и тоску нагоняет.
Что вечного нету — что чистого нету.
Пошёл я шататься по белому свету.
Но русскому сердцу везде одиноко...
И поле широко, и небо высоко.

Каждый раз, когда читаю эти строки, к горлу подкатывает ком. А ведь стихи весьма просты. Даже, можно сказать, примитивны: «Одно уплывает, одно засыхает», «нету». Звучит как-то наивно, даже неуклюже. Да и рифмы далеко не блеск. В любом другом стихотворении такая рифма как «засыхает-нагоняет» вызвала бы у меня кривую усмешку. А вот подишь ты...

Простота двояка. Есть простота глупости и простота мудрости. Здесь как раз - второе. Отдаю должное Маяковскому. Его рифмы – золотые заклепки на материи стихотворений. В отличие от глагольных, ассонансных рифм, которые можно сравнить с гнилыми нитками, они надежны, стойки. Их не разорвет центробежная сила времени. Но из любого правила есть исключение. Пастернак в одном из стихотворений приравнял творчество к чудотворству. И очень слабая рифма в стихотворении Юрия Кузнецова выстоит проверку временем. На то и чудо, чтобы существовать вопреки всем законам.

Русская лира берет каким-то особым строем речи. Душевностью, теплотой, печалью-тоской. И даже неказистость в стихах вызывает дополнительный эффект. Как, например, в стихотворении Булата Окуджавы:

Музыкант играл на скрипке, я в глаза ему глядел,
Я не то чтоб любопытствовал — я по небу летел.
Я не то чтобы от скуки, я надеялся понять,
Как умеют эти руки эти звуки извлекать.

Повтор слов «я», «эти» создают впечатление глубокого изумления, которое испытывает простодушный лирический герой. И это не может не производить впечатление на читателя.

Наиболее полное и яркое воплощение русская лира нашла в русских романсах. В них нет иноречия. Однако это не лишает их поэтичности. Не случайно к русским старинным романсам добавились романсы, созданные на стихи поэтов 19-20 веков. Характерно, что есть романсы на стихи таких довольно сложных поэтов как Осип Мандельштам, Белла Ахмадулина. Это свидетельствует о том, что поэтическая речь может быть и без иносказаний.

Русская лира... Казалось бы, создавать произведения в ее ключе могут (пусть не все), но только русские поэты. Однако вот стихотворение китайского поэта 8 века Ду Фу, переведенное Гитовичем, который по национальности еврей:

Погляжу я с веранды
 На север и юг — трудно
 К нашей деревне пройти:
 Обезумели вешние воды вокруг,
 Закрывая проходим пути.

И дорожку в моем опустевшем саду
 Я давно перестал подметать,
 А сегодня по ней торопливо иду —
 Долгожданного гостя встречать.

...Не взыщи, что закуска проста и бедна —
 Разносолов не будет у нас, —
 Но имеется в доме бочонок вина,
 И его мы осушим сейчас.

Есть сосед у меня – собутыльник и друг.
 Если ты не побрезгуешь им,
 Хорошо бы позвать его в дружеский круг,
 Чтобы честно напиться троим.

По строю речи, по лексике, по душевности и еще бог знает почему – это русское стихотворение. Китайского в нем – только бочонок вина. Я слегка изменил кусок стихотворения:

Не взыщи, что закуска проста и бедна.
 Разносолов не будет у нас.
 Но есть в доме бутылка самогона – она
 Будет очень нам кстати сейчас.
 Мой ближайший сосед – собутыльник и друг(,,)

И кто сейчас скажет, что это не произведение в духе русской лиры?

Маяковский так передал в поэме «Облако в штанах» напряжение, вызванное любовным чувством:

Слышу:
 тихо,
 как больной с кровати,
 спрыгнул нерв.
 И вот, —
 сначала прошелся

едва-едва,
потом забегал,
взволнованный,
четкий.
Теперь и он и новые два
мечутся отчаянной чечеткой.
Рухнула штукатурка в нижнем этаже.
Нервы —
большие,
маленькие,
многие! —
скачут бешеные,
и уже
у нервов подкашиваются ноги!

А вот как о своей любви пишет поэт с русской душой Александр Пушкин:

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Сказано, вроде, тихо, не броско, но ведь это, если вдуматься – бездна любви! Причем, открылась она без эпатижа, не на зрителя, как у Маяковского, который весь чрезмерен, шумен (поэт-трибун и о любви говорит как бы с трибуны, грохоча). Недаром, при случайной встрече в магазине Мандельштам сказал ему: Маяковский, что вы шумите, как румынский оркестр!?

Одно из самых моих любимых стихотворений Пушкина «Пора, мой друг, пора...». Написано просто, ясно. Как и должно быть в соответствии с русской лирой, которая чужда вычурности, броскости, чрезмерности. В ней невозможна такая инверсия, как у Маяковского: «До дней последних донца». Разве эта абракадабра – русский язык? Поэт русской лиры скажет: до последнего часа. Пусть это звучит не оригинально. Зато внятно, без выпендрежа, который у Маяковского присутствует всюду. Заголовок его поэмы – «Облако в штанах» – то бишь «нежный мужчина» – можно понять еще и как случай метеоризма. Эта двусмысленность не делает чести автору и вызывает эмоции, на которые поэт не рассчитывал.

Существует уйма стихов об осени. Каких только метафор в них нет. А Александр Твардовский выдал строчку, которая дает исчерпывающую картину осени:

В лесу заметней стала елка.

Это как раз тот яркий случай, когда словам тесно, а мыслям просторно.

Не меньше, чем об осени, написано стихов и о смерти. С чем только ее ни сравнивали. А вот как написал Евгений Винокуров о смерти своей одноклассницы:

...Я не решаю сложную задачу,
Глубинные загадки бытия.
Я ничего не знаю. Просто плачу.
Где всё понять мне? Просто плачу я.

Который раз уже читаю это стихотворение, и у меня каждый раз тоже наверстываются слезы.

Мне по-прежнему нравятся Борис Пастернак, Иосиф Бродский, Федерико Гарсия Лорка, Артур Рембо, но к представителям русской лиры отношение особое – схожее с отношением к родной матери. Есть женщины красивее, однако нет роднее, ближе.

РУССКАЯ ЛИРА

1.

Русская лира – печаль, широта.
Это от наших просторов бескрайних,
Где прорастают полынь да татарник.
И оттого, что дорога крута.

Русская муза – морщинка у рта.
Пристально глянет – горчинку подарит.
Левой рукой зажигает фонарик.
В правой горит, не сгорая, звезда.

Муза-славянка с тугою косою,
С верою вечной шагает босою
Через пустырь, где кустарник зачах...
Словно камень, сверкают былины,
И отражаются в светлых очах
Сорные травы да клин журавлиный...

2.

Без завихрений хитрых, ясно, чисто,
Печалью и любовью наполняя,
Звучит. А, коль бывает водяниста, –
Добавлена в вино вода живая.

Стихи, где автор не указан, принадлежат автору данного эссе.

Галина СТРУЧАЛИНА

ПО СЛУЧАЮ...

«Ты не представляешь, мои всего «Онегина» после встречи с тобой прочитали!» – делилась со мной однокурсница, а ныне завуч и учитель русского и литературы – Катя, Екатерина Захарова. На встречу с её учениками я притащила пухлый альбом с любительскими фото из Михайловского и Тригорского и пересказала «деревенские» сцены романа в стихах с опорой, так сказать, на натуру.

Вот так, как Осиповы-Вульф, примерно, жили и Ларины – варенье варили, сельские балы давали... А со взгорка видны поля, река Сороть и роща... Простор, сюда лошади так и просятся в кадр – да вот же, мимоходом в кадр парочка и попала... Не помню, каким чудом, но встретились нам свободно пасшиеся перед или после фотосессий с туристами местные пегасы.

Усадебные сад и цветники... В таких декорациях семнадцатилетняя Татьяна эпично мчит, не разбирая дороги, застигнутая вестью о приезде Евгения. А Александр Сергеевич ещё и посмеивается над бедной девушкой: «кусты сирен переломала, по цветникам летя к ручью». Это о романтической барышне, о которых вообще только возвышенным слогом полагалось...

А вот парковая аллея, где герои могли бы столкнуться, и скамейка. Не «та самая», конечно, но уже сжившаяся с ролью «онегинской» и свидетельницы грамотного, со столичным лоском осуществлённого отказа. С ума сойти, Карл, восемь лет! Восемь лет этот молодой человек постоянно практиковался вызывать интерес и добиваться взаимности! И расставаться тоже умел – правильно и красиво. С великосветскими красавицами, любившими его: какая долго, какая мимолётно... С его-то опытом и вкусом! Мог бы от этой диковатой малолетки просто отмахнуться, а нет, даже с симпатией отнёсся, провёл разъяснительную беседу, проявил максимум такта и убедительности...

Далее, помнится, меня несло уже не только по онегинским пейзажам, но и по годуновщине, ибо очередное фото в альбоме с густым бурьяном на переднем плане сопровождалось припиской о том, что на городище Ворониче «писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333». Пришлось пояснять. И по лирике прошлись: вспомнился и «пруд под сенью ив

густых», и «...вот опять явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты». И старушку с кружкой – вместе вспомнили. Ну, и без дуба, конечно, в тот раз не обошлось.

В Михайловское и Тригорское, как и вообще на Псковщину, я попала в 2011 году. Протаптывала, сама того ещё не зная, свою тропку. Которую после обозначила как литературный туризм, а тогда была уверена, что еду, как всегда, знакомиться с историей и природой края, ну а Пушкиногорье – куда ж без посещения такого культурно-исторического памятника. Но подумать не могла, с пересадками добираясь до места, что ещё не раз приеду в Псковскую область на литературные фестивали, и, бродя с псковскими и не псковскими поэтами по имениям поэта и его друзей, припомню: «...Вновь я посетил тот уголок земли», и стану умиляться дому, цветнику и роще как давним знакомым.

Не могла и знать, что благодаря фестивальным встречам приобщусь к пушкинианам псковских поэтесс, Натальи Лаврецово́й:

...А там, над Соротью туманной
Все так же слышно: «Анна, Анна»...
И в липах вздох со всех сторон,
В узорном небе завитушка —
Знакомый росчерк: «Пушкин, Пушкин»!
Ах, Пушкин? Ну конечно он!

И Надежды Камянчук:
— Я помню
чудное мгновенье... —
самозабвенно пишет он,
охвачен
радостным волнением,
в воспоминанья
погружен,
и рифмой
чтобы пересилить
изгнанья черную черту,
вместить любовь
и красоту,
и шелест трав,
и воздух синий,
и две берёзки на горе,
и предсказание

кукушки,
и чёрный локон
на подушке,
и поцелуи на заре!

И Алёны Жегловой:
А здесь, а сейчас пред взором
Всегда и всего первой
Михайловское с дозором
Из лип или тополей,
Из дуба, а может, вяза,
Где цепью на древе том
Рождает стихи и сказы
С учёным своим котом,
Предания ли, поверья...
И снова спешу чуть свет
Везде и в любую дверь я,
Туда, где точил бы перья,
Где хаживал бы поэт!

Но ещё в первый свой приезд отметила, что эта земля может быть запущенной, неухоженной, разрушенной войной и небрежением человеческим – случалось прежде такое, а вот не гармоничной быть не может. У неё «легкое дыхание», с которым любой, попадающий в эти края, немедля начинает дышать в такт – пусть на краткое время своего пребывания, пусть не так глубоко, но – согласно. Здесь нет изящества Царского Села и созерцательности Болдина, здесь что-то своё, особенное, дающее огромный импульс силы, простоты и доверия к этой жизни. И ощущения, что и жизнь доверяет тебе частичку себя – частичку светлую, яркую, свободную. Как искра пушкинской поэзии, некогда впитавшей и сохранившей эту силу, простоту и гармоничность.

Кстати, если у вас ещё нет планов на лето, – подумайте, возможно, вы читаете эти строки потому, что вам, да-да, именно вам, пора сюда? Я, вот, – верю, что приезд в пушкинские места просто не может быть случайным. Даже самый спонтанный, он может быть скрытой предопределенностью, или, если вспомнить слова Александра Сергеевича, – «мощным и мгновенным оружием Провидения».

Людмила БРАГИНА, Олег РОМЕНКО

«АРГАМАК» ПРИНЮХИВАЕТСЯ К ВЕТРУ

В первом за текущий год номере литературного журнала «Аргамак» (Набережные Челны) наше внимание привлекла передовица главного редактора этого издания Николая Алешкова «Все русские сегодня ополченцы». Стоит отметить, что редакторской статье в рубрике «На острие» предшествовали стихотворения Александра Пушкина «Клеветникам России» и Иосифа Бродского «На независимость Украины».

Однако в данной конфигурации Пушкин и Бродский оказались не «на острие», а «на разогреве» у редактора «Аргамака», который начал свою статью с пространного лирического отступления. Порассуждав о Богом данной «прозорливости» Александра Сергеевича и «неожиданном» российском патриотизме Иосифа Александровича, Николай Петрович резво берёт с места в карьер: *«После 24 февраля минувшего года я оказался в числе подписантов коллективного письма российских писателей «Кто хочет жертв?», опубликованного в "Литературной газете"».*

Если кто-то из постсоветских россиян думает, что слово «подписант» — это канцеляризм, то он заблуждается. Это презрительное, жаргонное словцо (ещё один вариант — «подписанец») появилось в брежневские времена, когда модно было подписывать различные «открытые письма». Презрительное потому, что само это явление выглядело довольно омерзительно, когда, как правило, толпой травили кого-нибудь одного, или, говоря по-простецки: «семеро одного козлят».

«Подписантами» обзывали как диссидентов, отмечавшихся в коллективных письмах, критикующих советскую власть, так и сервильных по отношению к этой самой власти общественных деятелей а-ля «Пастернака не читал, но осуждаю». И те, и другие подписывали такого рода письма не в силу своих убеждений, а движимые исключительно корыстными мотивами. Одни из кожи вон лезли, чтобы лизнуть зад Западу и получить всемирную славу «прогрессивных деятелей», другие же боялись потерять свои привилегии и писали возмущённые «телеги» на своих бывших коллег, в основном речь шла о деятелях науки и культуры. Словом, пользуясь лексикой киношного Ленина, были они «политическими проститутками».

Иными словами, 78-летнему редактору «Аргамак» хорошо известно значение этого словца и употребил он его вполне осознанно, дескать, «осознал» меру, степень, глубину, сигнализируя кому надо и дистанцируясь от своих прежних «убеждений» год спустя после подписания им коллективного письма в поддержку СВО: *«Там было сказано: «Русские не начинают войну. Русские её обычно заканчивают. Специальная военная операция направлена на то, чтобы в Европе установился мир». Потому и подписал, что верил в эти слова».*

Сколько их было в России таких истово «верующих», а потом скоропостижно «прозревших»? Имя им — легион. Из последних таких фактурных «легионеров» можно вспомнить «шокового терапевта» Егора Гайдара, который «искренне верил» в марксизм, когда редактировал журнал ЦК КПСС «Коммунист». Или первого президента РФ Бориса Ельцина, который в бытность свою первым секретарём Свердловского обкома «искренне верил» на XXVI партийном съезде в «гениальный коллективный разум» КПСС и «со всей революционной страстностью» восхищался её руководителем — дорогим товарищем Леонидом Ильичом Брежневым. Вот так же «верил» и редактор «Аргамак», подписавший письмо в поддержку СВО. Но потом «что-то пошло не так».

Поскольку сам Н. Алешков любит называть своё издание «литературным скакуном», которого татарстанские чиновники «держат на поводке» и всеми силами стараются не допустить на «общероссийский издательский ипподром», то и наше творческое воображение, развивая данную метафору, представило редактора-«подписанта» в образе коня на горе, размахивающего хвостом по сторонам и принюхивающегося к ветру перемен.

Так что же пошло не так? Слово нестойкому редактору «Аргамак»: *«Увы, прошло более года. Мир ни в Европе, ни с Европой не установился. Вряд ли кто-либо из подписантов мог предположить, что операция окажется столь долгой и трудной».*

Здесь явно читается укор. Дескать, что же вы, господа военные, так оплошали. Ведь я рассчитывал, что вы быстро все вопросы порешаете и установите мир в Европе или с Европой, со щитом или на щите, и тогда мне ничего не будет за то, что я подписал письмо в поддержку СВО, потому что победителей не судят. Но ещё два века назад прусский теоретик военного искусства Карл фон Клаузевиц писал: война штука несложная, но воевать трудно.

И когда упования и надежды столкнулись с суровой реальностью, обманутый горе-редактор на нервной почве зафонтанировал россыпью неуместных вопросов, которые идут по нарастающей, повышая градус эмоций до паники:

- *Что делаем на Украине мы?*
- *Всегда ли учитываются мнения, бытующие в народе?*
- *А не поторопились ли мы на этот раз?*
- *Кому было надо, чтобы мы начали первыми?*
- *А если бы подождали, находясь в полной боевой готовности, кто бы смог обвинить Россию в агрессии, а наших воинов называть оккупантами?*
- *Как ведёт себя Европа?*
- *Что будет завтра?*
- *На что надеяться?*
- *Далеко ли до Победы?*
- *Виден ли выход?*
- *Слышит ли мир Пушкина и Бродского?*

Стоило ли писателю, обладающим опытом человека, прожившего долгую жизнь, высказывать свою неустойчивую точку зрения таким одесским методом? И уподобляться женщинам и старикам военного тыла, которые хватались за гимнастёрки наших отступающих бойцов, выходящих из окружения в начале второй мировой...

Чтобы дополнить картину маслом и показать доминирующий срез общественных настроений, приведём здесь эскападу одного нашего местного литератора, который в два раза моложе редактора «Аргмака». Сей пиит почти никому неизвестен даже в Белгородской области, поэтому мы не будем называть фамилию этого эпигона Константина Симонова, а просто процитируем довольно характерное окончание его стишка, выложенного им на своей странице в соцсети и затрагивающего тему СВО: *«Я хочу, чтобы били фашистов, только бейте как можно быстрее!»*

Вот лежит такое сорокалетнее дитяtko на мамкином диване и требует, ножками дрыгает: вы их там бейте, но без меня, и как можно быстрее, а то мне страшноватенько вместо прикольных Галустяна с Мартиросяном слушать по ящику военные сводки Шойгу и Конашенкова, да и вообще, не ровён час залетит в форточку вместо комарика натовский беспилотник. Так и хочется таким любителям загребать жар чужими руками, которым надо «побыстрее» и которые «не предполагали», что СВО окажется «столь долгой», сказать: нет, ребята, пока вы здесь, а не там, без вас быстрее никак не получится. Если вам нужно быстрее, вы сами должны приложить для этого усилия, а не устраивать скулёж инфантилов и конъюнктурщиков.

Но вернёмся к авгиевым конюшням «Аргмака». Н. Алешков якобы верил, что СВО будет молниеносной, однако был в курсе того, что после смены режима Януковича американцы *«начали незамедлительно снабжать ВСУ самым современным оружием»*, а Минские соглашения *«дали время и возможность укрепить армию укронацистов, в том числе, и*

оружием НАТО, наёмниками-легионерами и заокеанскими инструкторами». И как показали дальнейшие события, ранним утром 24 февраля 2022 года по ту сторону границы российские войска действительно поджидали «Джавелины», «Байрактары» и вооружённый до зубов элитный наёмный спецназ со всего мира, что, как видим, не стало откровением для редактора «Аргамак». Так в какую быструю победу над НАТО он верил? Или лукавит с упорством «не знал, не помню, был пьян»?

Далее наш «подписант» утверждает: *«Я принадлежу к числу тех, кто не думает, будто перевес сил на границе ДНР был тогда в пользу ВСУ. И все ждали нападения с их стороны. Кому было надо, чтобы мы начали первыми?»* Но, в таком случае, если ты считаешь, что ВСУ не собирались нападать на Российскую Федерацию, тогда зачем подписал письмо в поддержку СВО?

Из полемики, возникшей между сторонниками двух титанов общественной организации «Союз писателей России» (СПР), — «подписанта» того самого письма Александра Боброва и «антиподписанта» Александра Кердана, мы узнали, что последнего убеждал подписать «письмо пятисот» председатель СПР Николай Иванов, но хитрый уралец «красиво» отмазался, дескать, «царь знает, что делает» и не нужно путаться у него под ногами со своими писульками. Мы не знаем по чьему велению подписал письмо редактор «Аргамак», состоящий в альтернативной общественной организации «Союз российских писателей», но точно уверены, что не по велению сердца.

Да об этом он и сам проговаривается: *«Я оказался в числе подписантов...»* Не напоминает ли эта формулировка невнятные объяснения булгаковского персонажа, любящего хорошо закинуть за воротник, Стёпы Лиходеева, который по воле мистической силы в лице Воланда и его свиты, вот так же непонятно «оказался» в Ялте?

Но отчего теперь Н. Алешков устроил галоп назад — «не виноватый я», при этом огульно обозвав «подписантами» остальных 499 человек? Мы думаем, что причина беспокойства редактора «Аргамак» связана с тем, что после ряда драматических событий прошлой осени, многие холёные пропагандисты на российском телевидении, что называется «спали с лица». Апофеозом стало знаменитое высказывание Маргариты Симоньян: *«Я хочу сказать, что, если мы умудрится проиграть, Гаага условная или конкретная ждет даже дворника, который брусчатку за кремлевской стеной подметает»*. Правда она старалась держать осанку и поэтому добавила: *«Гааги бояться — в лес не ходить»*.

Не отстаёт от трендов и председатель СПР Николай Иванов, немилосердно стращающий собратьев по перу: *«Мы отчетливо понимаем, что впереди — еще более сложные времена. 2024 год из-за выборов*

Президента станет годом беспрецедентных атак на нашу страну, на наши ценности, наши достижения. С началом СВО мы приняли первый, пока еще наполненный пеной, удар. Но, вне сомнения, идет подготовка на решающий абордаж нашего корабля с названием не «Путин», но — «Россия...»

И тут, видимо, мозг нашего «подписанта» лихорадочно заработал на полную катушку: а что, если и правда натовские солдаты, насквозь пропитанные «сатанинской гендерной свободой», возьмут на абордаж корабль с названием «Россия», ворвутся в каюту с конюшней, вихляющего хвостом и вашим, и нашим, и косящего лиловым глазом «Аргмака»? Надо бы соломки постелить, авось потом овса в ясли насыпят.

И такие кульбиты, связанные с желанием, по меткому слову А. Боброва, «отсидеться за веником», мы наблюдаем повсеместно. Так, например, в нашем родном Белгороде, редактор местного альманаха «Пересвет» и секретарь СПР Сергей Бережной, стыдит своих коллег по организации на своей страничке ВКонтакте: *«Или сказать нечего? Или ждём перемен не в пользу России, чтобы потом в вину не поставили участие в альманахе? На боль наших белгородцев, грайворонцев, шебекинцев не откликнулись, промолчали или промычали».*

Далее Н. Алешков, следуя правилу «валить с больной головы на здоровую», обвиняет в предательстве, ни больше, ни меньше, как весь российский народ: *«Все помнят произошедший общенародный (общекрымский - Л.Б., О.Р.) референдум о статусе Крыма в марте 2014 года, после которого в составе Российской Федерации появилась новая республика. Это было с восторгом поддержано единым многонациональным народом России. И никто не забыл о возникновении в результате всеобщих голосований в мае того же года самопровозглашённых Донецкой Народной Республики, а потом и Луганской Народной Республики, которые вслед за Крымом тоже захотели войти в состав России. Но получили — стоп! Они попросились, а мы отказали. В слове «мы» в данном случае я имею в виду этот самый российский народ».*

По Н. Алешкову получается, стало быть, вот как — великодушная российская власть преподнесла на блюдечке российскому народу Крым: «Нате, дорогие россияне, солнце, море, персики...» «Вау!» — восторженно отозвался российский народ. Но когда пару месяцев спустя российская власть снова решила побаловать своих подданных, на этот раз присоединением Донецкой и Луганской Народных Республик, то «этот самый российский народ» взъерепенился: «Фу, фу, фу! Не хотим мы ДНР и ЛНР! Кабы чего не вышло!» И чтобы окончательно добить вероломный, по версии редактора «Аргмака», народ-предатель, измазать его дёгтем, «подписант» добавляет: *«И получилось, что мы отказали тем, кого сами назвали ополченцами, вспомнив традиции времён Минина и Пожарского».*

Однако правда сама себя скажет даже устами Н. Алешкова: *«Чего испугались? Наша армия была слабее, а ВСУ сильнее? В обществе почти не возникало подобных сомнений, то тут, то там говорилось — лучше бы сразу!»* Если общество было настроено так, что «лучше бы сразу», значит российский народ не предатель своих единокровных братьев, в отличие от сожалеющего о своей вынужденной подписи письма в поддержку СВО «подписанта».

Тема предательства продолжает глотать редактора «Аргамака» не меньше, чем библейского Иуду Искарриота: *«Или у верховной власти, принимающей решения (президент, Совет безопасности, министерство обороны, Государственная Дума, Совет Федерации), были всё-таки другие, более серьёзные и объективные причины не торопиться?»*

Но добравшись до «святая святых» пирамиды российского общества, лукавый «подписант», движимый инстинктом самосохранения, затянул допотопную песенку о хорошем царе и плохих боярах, что в наше время выглядит совсем уж дико и отталкивающе, как чеховский унтер Пришебеев со своими инвективами, на полвека отставший от поезда времени: *«Кстати, наш президент от острых вопросов не уклоняется, отвечает на них подробно и недвусмысленно. А вот из окружения его якобы сторонников иногда вбрасываются в общество окрики — не лезьте, холопы, в царское дело!»*

И как угоднически расставляет акценты наш «подписант»! Значит «мы» (российский народ) «отказали» попросившимся «к нам» ЛДНР, а вот «они» (российская власть) имели «объективные причины не торопиться». Но каким образом «крепостной», по Н. Алешкову, российский народ, оглохший от постоянных окриков: «не лезьте, холопы, в царское дело!», мог кому-то в чём-то «отказывать» или, наоборот, «повелевать»?

Дальше — больше. Если *«наш президент от острых вопросов не уклоняется, отвечает на них подробно и недвусмысленно»*, то как так получилось, что *«народ об этих причинах (непризнания ЛДНР в 2014-м, Л. Б., О. Р.) так и не узнал»*. И какого лешего, если всё разъяснено президентом «подробно и недвусмысленно», наш «подписант» пристаёт с дополнительными расспросами к самовозгордившимся «боярам», которые поразившись такой дерзости, вознегодовали: *«Не лезьте, холопы, в царское дело!»*?

Как неверующий апостол Фома, автор статьи испытывает трудности в преодолении своих сомнений и наверняка лукавит с принятием им позиции гаранта Конституции РФ, прав и свобод своих граждан.

Похоже, что жизненное кредо редактора «Аргамака» — «шаг вперёд, два шага назад». В более развёрнутом виде это выглядит примерно так: «Я обожаю горячо мною любимого президента Российской Федерации

Владимира Владимировича Путина, но что касается принятого им решения о СВО, то всё не так однозначно». А потом ещё Н. Алешков панически пытается восстановить нарушенный им же баланс «ветвей власти» и делает очередной реверанс в сторону «бояр» или «якобы сторонников», которые, как ни крути, ближе. *«Во время военных действий, может быть, это и верно...»*, — примирительно завилал хвостом «Аргамак» удалой.

И самое прискорбное, что Н. Алешков, он же «предательский» российский народ, «с горечью» узнаёт о том, что нас «обвели вокруг пальца» не от российского президента, а от «госпожи Меркель» и «господина Макрона» в переводе с французского на нижегородский. Так что же, получается, что российский президент уклонялся от острых вопросов и не отвечал на них подробно и недвусмысленно, если наш «подписант» сверяется с истиной по Макрону и Меркель? Но разве не российский президент много раз кричал в «глухие уши» редактора «Аргамака»: «водили за нос» «обвели вокруг пальца», «обманули», «надули», «кинули»?

«Тяжёлые вопросы», как любит говорить сам Н. Алешков. Но в данном случае, как мы считаем, всё обстоит гораздо «легче». Просто не стоило насмехаться редактору «Аргамака» над «выжившим из ума» восьмидесятилетним Байденем, тем более, что он всего на два года младше американского президента. Может поэтому в его статье столько нелепостей? Вот ещё одна из них: *«Конфликт интересов был исчерпан 24 февраля минувшего года. Россия нанесла удар по ВСУ, как было сказано, с опережением». То есть к 24 февраля проблема была решена, конфликт улажен, после чего российская сторона ни с того ни с сего нанесла удар по ВСУ? Чем байденов считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?*

Теперь перейдём к самым «острым» пассажирам «подписанта». Один из них звучит так: *«Или война, грозящая термоядерной катастрофой, будет продолжаться и продолжаться — до последнего украинца, до последнего русского, ибо компромисс невозможен?»* То, что американская администрация собирается воевать с российской властью до последнего украинца, все мы слышали много раз, а вот то, что российская власть намерена биться с коллективным Западом на Украине до последнего русского — откровение от Н. Алешкова.

«Всё человечество внимательно слушает заявления нашего президента...», — подобострастно вещает «подписант». Да, согласимся мы, всё человечество внимательно слушает заявления российского президента, кроме редактора «Аргамака», который дальше утверждает такое: *«И разумно организованная мобилизация показала, что добровольцев среди российской молодёжи не меньше, чем пацифистов и дезертиров»*.

Прежде всего хотим сказать, что соотношение добровольцев и дезертиров один к одному, опять же по утверждению Н. Алешкова, сомнительный повод для гордости. Если бы в 1941 году в Красной Армии добровольцев оказалось бы не меньше, чем дезертиров, то солдаты вермахта дошли бы не до Москвы, а до Иркутска и встретились бы на Ангаре со своими самурайскими коллегами. Но главное в данной фразе вот это — «разумно организованная мобилизация».

Ох, не слушает наш «подписант» заявления российского президента, потому что уже спустя неделю после начала частичной мобилизации на оперативном совещании с постоянными членами Совбеза РФ Владимир Путин отметил: *«От граждан поступает много информации <...> об организации самого призыва, качества, снабжения, бытовых условий и других вопросов. В ходе этой мобилизации возникает много вопросов».* Например, такие: *«Многодетные отцы, вышедшие из призывного возраста, кто страдает от хронических болезней — их нужно вернуть домой. Есть случаи, когда врачей с многолетним опытом назначают стрелками. Ну зачем?»*

И это у вас, господин «подписант», называется «разумно организованной мобилизацией»? Через несколько дней после выступления российского президента, депутат Госдумы от «Единой России» Андрей Гурулёв, генерал-лейтенант в отставке, на канале «Соловьёв Live» поднял вопрос о хищениях на складах МО: *«Мне до сих пор непонятно, куда делись 1,5 миллиона комплектов (формы, Л. Б., О. Р.), которые хранились на пунктах приёма личного состава. У нас сегодня проблемы то с формой, то ещё с чем-то. Оно всё было, оно куда испарилось-то? Это никто нигде никак ничем не может объяснить».*

Как всё это прошло мимо ушей редактора «Аргамака», уму непостижимо. У него словно утёсовскую пластинку заело: «Всё хорошо, прекрасная маркиза...» Наиболее характерным примером очковтирательства от Н. Алешкова является такая его фраза: *«Ныне все русские стали ополченцами».* Серьёзно? И снова одним махом правды из уст российского президента мы семерых «Аргамачков» побиваем. *«Вот, на что хотел обратить внимание: ведь страна живёт обычной мирной жизнью, — заявил Владимир Путин во время встречи с руководством Госдумы и лидерами фракций, — Лето. Курортный сезон. Культурная жизнь. Выставки. А ребята пашут там под пулями, понимаете? Жизнью рискуют. И товарищей своих теряют в бою ради Родины».*

Вот такие очковтиратели-«подписанты» опаснее самых изощрённых врагов. Мы хорошо помним, как в годовщину семидесятилетия октябрьской революции, партократы на голубом глазу рассказывали нам, что через пять лет в Америке произойдёт социалистическая революция и

весь мир станет коммунистическим, а вместо этого уже всего через четыре года Советский Союз приказал долго жить, а Америка как стояла, так и стоит. Вот к чему приводит подобная «аргамаковщина».

«И всё же — а не поторопились ли мы на этот раз? Говорят, иначе было нельзя — во избежание чрезмерного количества жертв. Кто эти жертвы считал? Сегодня, когда война столь непредвиденно затянулась, уместно ли говорить, что жертв стало не меньше, а в разы больше? А если бы подождали, находясь в полной боевой готовности (вероятно, на тех же позициях), кто бы смог обвинить Россию в агрессии, а наших воинов называть оккупантами?» — продолжает принохиваться к ветру редактор «Аргмака».

Известно ли господину «подписанту», что невозможно долго держать войска в таком напряжённом состоянии как полная боевая готовность? Тем более, что сам Н. Алешков принадлежит к числу тех, кто не думал, что последует нападение «с их стороны». По мнению автора статьи, который зачастую логически противоречит сам себе, надо было как в 1941-м «не поддаваться на провокации». И ничего, что такая игра в «неподдавки» стоила 27 млн. жизней советских людей, зато весь мир признал агрессором Гитлера, а не Сталина, потому что фюрер первым напал.

«А не поторопились ли мы?.. А если бы подождали?..» Как будто редактору «Аргмака» неведомо из истории, что неважно, кто первый начал, а важно то, что — «победителей не судят» и «горе побеждённым». И раз уж Н. Алешков ставит такие вопросы, значит в глубине души он признаёт свою страну агрессором. И опять он не слышит российского президента, который на встрече с военкорами словно бы неизвестному ему колеблющемуся «подписанту» опять кричит в «глухие» уши: *«Они нам всё время говорят: вы начали войну, Путин – агрессор. Нет, это они агрессоры, они начали эту войну, а мы пытаемся её прекратить, но вынуждены делать это с помощью Вооружённых сил».*

Сейчас мало кто вспоминает о том, что предшествовало СВО. А ведь именно там ключ к пониманию слов российского президента. Итак, напомним: в марте 2020 года после беспрецедентного психологического давления со стороны коллективного Запада в России был введён карантин в связи с так называемой «пандемией» под кодовым названием «COVID-19». Первый удар пришёлся по экономике, когда всю страну резко усадили на «нерабочие дни», растянувшиеся для сферы услуг на долгие месяцы, что привело к серьёзной пробоине в бюджете. Затем взялись за людей, расколов общество на оголтелых «прививочников» и «антипрививочников».

К началу СВО российская власть подошла в непростом состоянии. Если продолжать выполнять ультимативные требования Запада по

«ковиду», то это приведёт к смуте — «врачи-убийцы» будут рыскать в поисках младенцев, чтобы впрыснуть им «вакцину», а родители детей, вспомнив о библейских иродовых временах, возьмутся за вилы. Если игнорировать требования Запада, тогда полная экономическая блокада «прокажённой» России, которая не хочет бороться с «пандемией».

Не приходила ли Н. Алешкову в голову мысль, что, может быть, он до сих пор ещё жив только по причине возникновения СВО? И может не так уж и не правы были «бояре», ответствовавшие на бездумные вопросы нашего «подписанта» — «не лезьте, холопы, в царское дело!»?

Алексей ИЛЬИЧЁВ-МОРОЗОВ

МУЖИЦКАЯ СМЕКАЛКА

История, о которой сейчас поведаю, произошла в брежневские времена. В одном поселковом правлении трудились несколько мужиков. Борис Андреевич – заведующий свинофермой, с виду симпатии не вызывал. Огромного роста, грузный, центнера полтора товарищ, имел одутловатое лицо с маленькими острыми глазками. Но и душой был наделён широченной, сердцем добрым и милосердным. Кто бы из сельчан к нему не обратился, войдет в положение и всегда делом поможет. За это его уважали, а промеж собой шутливо называли зав. Свинья. Его свата, заведующего складами, народ прозвал Киселём. Кисель был человеком таким же здоровенным, хитрым, но до крайности скупым. У такого снега зимой не выпросишь.

При всей разности характеров, сваты дружили между собой и частенько сидели за рюмочкой. А бывало так разгуляются, что пару дней из-за стола не выходят пока ящик беленькой не уговорят. Однажды зимой собрались погреться, да у Киселя запасы иссякли, а может и придержал, по обыкновению. Пошли к Степанычу. Степаныч всю свою сознательную жизнь работая в колхозе – шоферил на Газоне. Физической силой не отличался, был худоват и лыс, как горшок. Умом правда обижен не был, иногда мог и пошутить для пользы дела.

- Степаныч, выручай дорогой! Нужно в город съездить кой чего прикупить – попросил его Борис Андреевич.

- Не повезу. В выходной путёвки никто не даст – ответил Степаныч.

- Ну будет тебе, Степаныч. Никак впервой катаешься? – впрягся Кисель.

- Не повезу и точка! – отрезал Степаныч.

- Ну не упрямясь, не упрямясь Ефим. Подмоги нам. А мы со сватом пошепчемся с председателем и по весне стравим тебе новую резину – пообещал Борис Андреевич.

Степаныч долго не размышлял. Новая резина его железному другу была ох, как нужна!

- По рукам – сказал он, протягивая свою худую ладонь просителям.

Погода портилась, когда старенький, шустрый грузовичок выехал из села. В тот год зима расщедрилась и снега насыпала вдоволь! Сугробов намела метровых, дорогу сковала льдом. Её убогую с неделю никто не расчищал и это доставляло неудобства. Легковой транспорт встал. Проехать можно было только на грузовом, да и то с немалыми рисками.

В кабине было невыносимо тесно. Двое сватов занимали почти всё её пространство, а Степаныча так придавили, что он бедняга вплотную прижимался к своей двери и боялся вывалиться. Как в таком положении он ещё умудрялся управлять машиной одному Богу было известно...

- На тринадцатом километре пост ГАИ – известил своих пассажиров Степаныч. – Путёвки у меня нет, полями в такую страсть не обрулишь. Что делать будем? – продолжал он свой монолог.

Тут зав. Свинья предложил:

- Остановят, скажешь главбух с ума спятил в Ложки¹ везём... Как будем подъезжать притормози.

Вскоре машина остановилась. Из неё вышел громадный Борис Андреевич, снял фуфайку и в одной майке, и стареньких галифе с трудом, кряхтя, залез в кузов. У поста, долговязый гаишник остановил машину.

- Ваши документы? – потребовал он от шофёра.

- А ваши? – невозмутимо, глядя на него, отозвался Степаныч.

Гаишник стал шарить по карманам, но к своему удивлению, удостоверения не нашёл:

- Ну ты чё не видишь, я – гаишник...

- В таком случае, я – Владимир Ильич Ленин – сняв шапку и указывая на свою лысину, сказал с серьёзным видом Степаныч и тронулся вперёд.

- Тормози, Степаныч! Вон, глянь опять жезлом машет – сказал ему Кисель.

Степаныч остановился и вышел.

- Ну чего ещё? – буркнул он подошедшему гаишнику.

- Куда держите путь? – поинтересовался тот.

- В Ложки – коротко ответил Степаныч.

- В смысле, в Ложки? – продолжал гаишник.

- В том самом смысле. Главбух наш с ума сошёл, вот везём в психушку.

Гаишник глянул в кабину на угрюмого, серьёзного Киселя:

- Да что-то не похож он на психбольного.

— Это не тот, а другой. Тот в кузове отдыхает. Ты подойди начальник, глянь какие дела у нас... - ответил ему Степаныч.

¹ ст. Ложки – поселение в Волгоградской области, в котором находится областная психиатрическая больница.

Тем временем в кузове зав. Свинья продрог до мозга кости. Но роль свою осознавал чётко и когда подошёл гаишник, предстал перед его очами форменным психом. Стоя на коленях в грязной изодранной майке посреди кузова, обмотавши кисти своих рук бортовыми цепями и как-бы провисая на них, весь запорошенный снегом – он был похож на старого побитого пса. Увидев гаишника, оживился и что есть мочи стал лаять по-собачьи, рычать и срываться с цепей своих, кидаясь на него. Ошарашенный гаишник отшатнулся!

После чего псих вскочил на ноги и припрыгивая ввысь, как гимнаст на арене цирка, заорал на распев:

- Отцепи меня, хозяин, отцепи!..- Отцепи меня, хороший, от цепи... - и дёрнувшись, одной рукой попытался схватить гаишника.

Гаишник отбежал к уже сидевшему в кабине Степанычу и ещё несколько минут, круглыми, страшными от испуга глазами смотрел на метавшегося в кузове, лающего психа.

- Вы бы его одели во что-нибудь... – с некоторой долей сочувствия в голосе проговорил приходивший в себя гаишник.

- А мы не одевали?! – сказал Степаныч – Только вот он всю одежду повыкинул по дороге.

- И в кабину его нельзя! Кусается зараза! – мельком показав локоть левой руки, поддержал разговор Кисель.

- Он там поди совсем околел, а Вы нас задерживаете – обеспокоился Степаныч.

- Тогда доброго пути! Поспешите довести главбуха вашего целым – пожелал им изумлённый гаишник.

А потом ещё долго стоял, смотрел на дорогу и теребил свой жезл. Что было дальше история умалчивает. Но наверняка, мужицкая смекалка, ещё не единожды сослужила добрую службу нашим друзьям.

18 апреля 2021 г.

Алексей Ильичев-Морозов

ст. Кумылженская.

АВТОРЫ НОМЕРА

БРАГИНА Людмила Петровна. Родилась в Белгороде. Окончила филфак Белгородского государственного университета. Руководитель литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Редактор литературного журнала «Дрон». Автор четырёх поэтических книг, сборника песен, многочисленных коллективных сборников. Публиковалась в журналах «Дрон», «Наш современник», «Нева», «Нижний Новгород», «Дон», «Ротонда», «Родная Кубань», «Традиции и Авангард», «День и Ночь», «Истоки» и других. Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России.

БУДЯНСКИЙ Юрий Васильевич. Родился в слободе Рыбинские Буды Обоянского района Курской области. Окончил филфак Курского педагогического института. Работал на автомобильном заводе в Москве, связистом, рабочим кирпичного завода, пчеловодом, корреспондентом районной газеты. Публиковался в региональной периодике, в литературных альманахах при КРО Союза писателей России. Автор книги стихов и прозы «Незабытая сага ветра». Член Союза курских литераторов.

БУСС Алексей Александрович. Поэт, прозаик, публицист, литературный критик и редактор. Родился в 1973 году в Каракалпакской АССР, окончил филфак Акмолинского педагогического университета, автор прозаических и поэтических книг, руководитель литературной студии «Голоса поколений» при Саратовском отделении Союза писателей России, заместитель председателя Правления Саратовской писательской организации, лауреат литературной премии им. К. Федина.

ВЕДУРГ Сергей Николаевич. Родился в г. Ливны Орловской области. Поэт, автор и исполнитель песен. Публиковался в «Литературной газете» и в различных литературных сборниках и альманахах. Лауреат Открытого поэтического конкурса-фестиваля «Литературные Старки» и Открытого регионального конкурса литературного объединения «Кли». Многократный финалист различных литературных конкурсов. Член координационного совета Союза молодых литераторов Московской области. Член Союза молодых литераторов «Финист», г. Королёв.

ВЕЛИЧКО Елена Юрьевна. Поэт, прозаик, публицист. Родилась в г. Королёв Московской области. Окончила Литературный институт им. Горького. Член координационного бюро Совета молодых литераторов Московской области СПР. Руководитель Литературного клуба «Феникс» и Союза молодых литераторов «Финист». Лауреат литературных премий им. Р.Рождественского, им. С. Дурылина, конкурсов «Россия – земля моя» и «Живая память Великой Победы». Публиковалась в изданиях «День и ночь», «День литературы», «Маяк», «Пятью пять», «Муза», «Литературное Подмосковье» и других. Живёт в г. Королёв.

ВОЛКОВА Марина Георгиевна. Родилась в Санкт-Петербурге, поэт. Публикуется в литературных журналах «Наш Современник», «Север», «Новгород литературный», «Голос эпохи», «Мгинские мосты», «Южная звезда», «Царицын», «Роман-газета», «ВеликороссЪ» и др. Автор поэтических сборников: «Веру храня в рассвет» (2013), «Очарованная странница» (2017), «Наследники» (2022). Автор и ведущая литературного проекта «Виват, Петербург!», редактор одноимённого альманаха.

ГЛАДЧЕНКО Жанна Александровна. Родилась в селе Мелавое Губкинского р-на Белгородской обл. Живёт в Курске. Проходит службу в органах внутренних дел РФ, старший лейтенант полиции. Поэт-песенник, прозаик. Член Союза курских литераторов. Автор многочисленных публикаций в СМИ, альманахах и сборниках, а также книг «Заколдованный сад души» (2022) и «Я молюсь за тебя, Россия!» (2023). Лауреат всероссийских конкурсов стихотворений и авторских песен, кавалер медали им. Г.В. Свиридова «Наше наследие» Общероссийского общественного движения «Россия православная» (2023).

ГОЛОЗУБОВ Александр Фёдорович. Поэт, публицист, песенник, общественный деятель культуры, член Союза российских писателей, руководитель Обоянского литературного отделения «Рифма» Союза курских литераторов. Живёт в селе Зорино Обоянского района Курской области.

ЗЮСЬКИН Владимир Константинович. Журналист, поэт, прозаик, эссеист, критик. Родился в г. Шадринске Курганской области. Окончил факультет журналистики УрГУ. Работал в СМИ Урала, Сибири, Украины, Сахалина. Печатался в журналах: «Урал», «Уральский следопыт», «Веси», «Сибирские огни», «Дальний восток», «Российский колокол», «Новая литература», «Русское эхо», «Автограф», «Литра», «Южная звезда», «Тобол», «Метаморфозы». Автор восьми сборников стихов. Лауреат премии «Золотой Рифей», член Интернационального Союза писателей.

ИГНАТОВ Дмитрий Алексеевич. Российский писатель-фантаст, работающий в жанрах научной, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии. Родился в Ярославле. Окончил ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». Участник кинофестивалей: «КиноШок» и «Метрополис». Дизайнер, сценарист и веб-разработчик. Зам. редактора журнала «Парус», веб-редактор и дизайнер журнала «Северо-Муйские огни». Публиковался в изданиях «Знание – Сила», «Знание – Сила: Фантастика», «Нева», «Смена», «День и Ночь», «Нижний Новгород», «Южная звезда», «Крылья», «День литературы», «Парус», «Северо-Муйские огни», «Причал» и других. Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сдохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO». Живёт в Воронеже.

ИЛЬИЧЁВ-МОРОЗОВ Алексей. Живёт в станице Кумылженской Волгоградской области. Более двадцати лет занимается литературным трудом - пишет стихи и малую прозу. Член Российского союза писателей. Руководитель литературного клуба «Слово» Кумылженского района Волгоградской области.

КВАШНИН Владимир Александрович. Родился в поселке Саранпауль Березовского района ХМАО-Югры. Окончил Тобольский рыбопромышленный техникум по специальности «ихтиолог-рыбовод». Тюменский госуниверситет по специальности «Охотовед-биолог». Работал охотоведом службы Госохотнадзора Березовского района. 27 лет занимался охраной диких животных Приполярья от браконьеров. Автор шести сборников стихов и рассказов. Лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов. Член Союза Писателей России. Живёт в поселке Саранпауль, ХМАО-Югра, Приполярный Урал.

КИЛЕСА Вячеслав Владимирович. Председатель РОО «Союз писателей Крым», член Союза писателей России, Национального союза писателей Украины, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки. Гл. редактор газеты «Литературный Крым». Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Сид», «Детективное агентство «Аргус», «Юлька в стране Витасофии», «Белогорское РОВД». Лауреат литературной премии НСПУ имени В. Короленко (2005 г.), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества» (2009 г.).

КОРОВИНА Ольга Вячеславовна. Родилась в г. Белгороде. Окончила Белгородский государственный университет по специальности «Русский язык и литература». С сентября 2009 года работает в Пушкинской

библиотеке-музее. В настоящий момент заведует музейным отделом. В 2020 году защитила магистерскую диссертацию по философии на основе дневника А.В. Никитенко. Живёт в Белгороде.

КРУЧИНИН Роман Геннадьевич. Родился в Нижегородской (Горьковской) обл. Живёт в Брянске. Строитель. Публикации в журналах «Нижний Новгород», «Дон», в газете «День Литературы» и других.

МОЛЧАНОВ Владимир Ефимович. Родился в станице Ильской на Кубани. Детство и школьные годы прошли на Белгородчине, в селе Новая Таволжанка Шебекинского района. Окончил Воронежский государственный университет. Автор десяти книг стихотворений, поэм и переводов. Публиковался в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Юность», «Подъём», «Роман-газета XXI век», «Родная Кубань» и других. Стихи переводились на немецкий, польский, болгарский, украинский и азербайджанский языки. Лауреат Всероссийских литературных премий. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры РФ. Почётный гражданин г. Шебекино и Шебекинского района. Живёт в Белгороде.

НЕЧИПОРУК Иван Иванович. Родился в г. Горловка, Донбасс. В довоенном прошлом – шахтёр с 20-летним подземным стажем. Параллельно с работой в шахте сотрудничал с городскими и областными газетами в качестве репортёра и ведущего литературной рубрики. Выпускник Горловского института иностранных языков и Славянского государственного университета (филфак, заочно). Автор нескольких книг стихов, прозы и очерков. Публиковался в литературных журналах России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Болгарии, Германии, Австралии. Член Союза писателей России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Живёт в Горловке.

НИКОЛАЕНКО Никита Альфредович. Родился в 1960 году. Окончил МИСИ, аспирантуру МИСИ, кандидат технических наук. Переводчик с венгерского языка. Публиковался в журналах «Южная звезда», «Сибирские огни», «Истоки», «Северо-Муйские огни», «Парус», «День и ночь» и др. Финалист второго Международного литературного форума «Славянская лира-2015» в номинации «Малая проза». Номинант творческого конкурса VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» в номинации «Проза», короткий лист. Живёт в Москве.

НОВГОРОДЦЕВА Любовь Николаевна. Родилась в селе Евгашино Большереченского района Омской области. Окончила Омский библиотечный техникум. Работала библиотекарем, учителем английского

языка, бухгалтером. Участник Межрегионального совещания авторов Сибири и Дальнего Востока (2020), Всероссийского совещания молодых писателей «Некрасовский семинар в Карабихе» (2018), Ежегодного всероссийского Совещания молодых литераторов в Химках (2019). Публиковалась в журналах «Литературный Омск», «Алтай», «Сибирские огни», «Север», «Веретено» и др. Автор книги рассказов «Жизнь и ее винтики». Живёт в селе Евгацино.

ПАВЛОВА Валентина Николаевна. Родилась в с. Малакеево Вейделевского района Белгородской области. Окончила историко-филологический факультет Белгородского государственного педагогического института им. М.С. Ольминского. Работала учителем истории в школах города Белгорода, директором Белгородского государственного художественного музея, заместителем директора Белгородского государственного историко-художественного музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление». Являлась заместителем руководителя авторского коллектива по созданию экспозиции «На земле опалённой». Автор ряда научных статей и концепций. Награждена медалью «За заслуги перед землёй Белгородской» II степени.

ПЕРЕСТОРОНИН Николай Васильевич. Родился в 1951 году в Кирове. Публиковался в «Смене», «Нашем современнике», «Луче», «Нижнем Новгороде», «Соборе», «Литературной газете» и других СМИ. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Правительства России в области печатных СМИ и других литературных премий. Главный редактор журнала «Ротонда». Живёт в Кирове.

РОДИОНОВА-КРЫМСКАЯ Алёна Александровна. Родилась в г. Симферополь. Лауреат и финалист международных и всероссийских конкурсов и фестивалей: «Славянское слово» в 2021 и 2022 г., Болгария-Россия. «Вечные залпы Победы» 2022, Санкт-Петербург. «Пристань менестрелей» 2022, Балаклава. «Берега дружбы», «Литературные Старки», Москва и других. Участник литературных сборников. Медаль «Есенина», 2020. Медаль «Георгиевская лента», 2020. Медаль «Славянское слово-2021». Член Российского союза писателей. Член Союза писателей Крыма.

РОМЕНКО Олег Сергеевич. Родился в Белгороде. Стихи и проза публиковались в журналах «Дрон», «Наш современник», «Нева», «Север», «Нижний Новгород», «Дон», «День и ночь», «Ротонда», «Северо-Муйские огни» и других. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат и член жюри региональных литературных конкурсов и фестивалей. Автор книги стихотворений «Волны времён» и книги сказок для детей «Трепетные комочки». Помощник руководителя литературной студии «Младость».

СЕЙДАМЕТОВА Карина Константиновна. Родилась в Новокуйбышевске Самарской области. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор поэтических сборников «Лазурь», «Позимник», «Соборный свет», «Вольница». Публиковалась в журналах «Наш современник», «Москва», «Дон», «Подъём», «Роман-журнал XXI век», «Родная Кубань», «День и ночь» и других. Лауреат поэтической премии имени Юрия Кузнецова и Всероссийской литературной премии имени Бориса Корнилова. Член Союза писателей России.

СИЛАЕВА Наталия Андреевна. Поэтесса, автор 2-х сборников стихотворений. Имеет многочисленные публикации в коллективных сборниках, альманахах, журналах, газете «Серпуховские вести» и других региональных СМИ. Постоянный автор альманаха «Ковчег». Награждена грамотами и дипломами, стипендией губернатора Московской области молодым талантливым авторам. Член Моссовета ЛитО при СПР. Инициатор и создатель МЛО г. Серпухова «Клио» (2010), руководителем которого и является.

СМАГЛИЙ Надежда Владимировна. Родилась в п. Первомайский Челябинской области. Живёт в пгт. Борисовка Белгородской области. По профессии медицинский работник. Была главным редактором детского интернет-журнала «Кенгурёнок». Член международного творческого объединения детских авторов. Обладатель национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации детская литература. Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов. Стихи и проза публиковались в газетах и журналах России и Белорусии. В 2016 году вышла первая книга рассказов для подростков «На грани...»

СТРУКОВА Марина Васильевна. Родилась в п. Романовка Саратовской области. Окончила Гуманитарный университет. Работала учителем, корреспондентом, корректором. Публиковалась в изданиях: «Наш современник», «Москва», «Нева», «Подъём» и многих других. Лауреат конкурсов «Прекрасные порывы», им. Н. Некрасова, им. Ю. Кузнецова, «Добрая лира». Автор четырёх поэтических сборников. Живёт на Тамбовщине.

СТРУЧАЛИНА Галина Валерьевна. Родилась в Севастополе. Преподаватель китайского и русского языков в НИУ «БелГУ». Публиковалась в журналах, сборниках и альманахах Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова и др. городов. Лауреат конкурса исторической поэзии «Словенское поле». Член литературной студии «Младость».

ТКАЧЁВА Валентина Ивановна. Родилась в д. Меловой Колодезь Мантуровского р-на Курской обл. Живёт в Курске. Поэт. Прозаик.

Публицист. Фотохудожник. Член Союза писателей России, заместитель председателя правления Курского регионального отделения СП России. Член общественного Совета по вопросам литературы при администрации Курской области. Соучредитель Союза курских литераторов. Редактор-составитель литературного альманаха «Родник». Автор десяти книг. Ветеран труда. Обладатель 20 медалей и почётных нагрудных знаков. Лауреат Всероссийских литературных конкурсов и премий.

ХАТЮШИН Валерий Васильевич. Поэт, прозаик, критик, публицист. Родился в г. Ногинске (Богородске) Московской области. Автор тридцати книг и многочисленных публикаций в России и за рубежом. Лауреат российских и международных литературных премий. Главный редактор журнала «Молодая гвардия».

ХМЕЛЕВСКАЯ Галина Дмитриевна. Родилась в г. Обояни Курской обл. Поэтесса. Член Союза курских литераторов при КРО Союза писателей России. Присуждено Почетное звание «Поэт года - 2020».

ЦУНЕНКО Анастасия Николаевна. Родилась в г. Хотьково Московской области. По специальности теолог, церковный специалист, также имеет психологическое образование. Лауреат и призёр литературных конкурсов: «Мцыри», «Посадская Лира», «Всемирный день поэзии», «Бегущая строфа», «Пастернаковское лето», «Русь моя православная». Участница творческого объединения «Квадрат».

**Людмила
Брагина**

**Олег
Роменко**

**Марина
Струкова**

**Валерий
Хатюшин**

**Николай
Пересторонин**

**Надежда
Смаглий**

**Марина
Волкова**

**Владимир
Молчанов**

**Натали
Силаева**

**Сергей
Ведург**

**Анастасия
Цуненко**

**Карина
Сейдаметова**

**Любовь
Новгородцева**

**Елена
Величко**

**Вячеслав
Килеса**

**Алёна
Родионова-Крымская**

**Владимир
Зюькин**

**Никита
Николаенко**

**Иван
Нечипорук**

**Роман
Кручинин**

**Алексей
Бусс**

**Владимир
Квашнин**

**Дмитрий
Игнатов**

**Валентина
Ткачёва**

**Александр
Голозубов**

**Жанна
Гладченко**

**Юрий
Будянский**

**Галина
Хмелевская**

**Ольга
Коровина**

**Валентина
Павлова**

**Галина
Стручалина**

**Алексей
Ильичёв-Морозов**